

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1 9 7 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1971

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. Ф. Марков.</i> Об основных направлениях научной деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР	3
<i>Владислав Гура</i> (ПНР). Внутренние и внешние предпосылки образования народной власти в Польше	9
<i>Фанни Милкова</i> (НРБ). Чрезвычайное законодательство в Болгарии в 1924—1944 гг.	24
<i>М. И. Копашева.</i> Антимилитаристская борьба чехословацкой революционной молодежи в начале 20-х годов	31
<i>И. И. Леуцловская.</i> О социальной сущности и периодизации хорватского национального Возрождения	37
<i>В. А. Дьяков.</i> Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов.	47
<i>Е. П. Наумов.</i> К истории аграрного переворота в Сербии в 30-х годах XIX века	58
<i>Д. С. Прокофьева.</i> Из истории литературной жизни Польши второй половины XIX века (Корреспонденция издателей Завадских)	67
<i>А. С. Мьяльников.</i> Еще раз о начальной дате возникновения Чешского общества наук	72
<i>А. С. Львов.</i> О пребывании Константина Философа в монастыре Полихрон	80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Г. П. Почепко.</i> Великопольское (Познанское) восстание 1918—1919 гг. в польской библиографии	87
<i>В. Конобеев.</i> С. И. Сидельников. Болгарский революционный центральный комитет (1869—1872 гг.)	90

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>В. И. Фрейдзон.</i> В. Крестий. Хрватско-угарска нагодба 1868 године	90
<i>Е. Пилишек.</i> «Rocznik Lubelski»	93
<i>Л. К.</i> Книга о серболужицкой литературе	94
<i>А. Л.</i> Рукописная пресса в Польше XVIII в.	96
<i>Л. Смирнов.</i> К. Nabovštiaková. Bernolákovо jazykovedné dielo	98
<i>И. Можалева.</i> E. Stankiewicz, D. S. Worth. A Selected Bibliography of Slavic Linguistics	101

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1970—1971 гг.	103
Содержание иностранных журналов	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М. А. Бородина, И. А. Попов.</i> Ареальные исследования в языкознании и этнографии	120
<i>Л. В. Маркова.</i> Симпозиум по проблемам болгарского фольклора	123
<i>Г. Литаврин.</i> <u>Академик Иван Снегаров</u>	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, [А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ; (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Д. Ф. МАРКОВ

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Современный этап общественных наук требует дальнейшего развития фундаментальных исследований. Основные на широком и всестороннем анализе фактов, исследования эти должны вести к раскрытию важнейших закономерностей исторического процесса. На такую направленность научной работы, на ее связь с задачами социалистического общества указывают решения XXIV съезда КПСС. В Отчетном докладе съезду говорится: «Все более решительный поворот общественных наук в сторону разработки проблем, актуальных для настоящего и будущего, — вот что нам нужно».

В решении этих задач исключительно важное значение приобретает комплексная разработка проблем. Она дает возможность подойти к сложным явлениям с разных сторон, осветить их многосоставность и всеохватно раскрыть их сущность.

По своей структуре Институт славяноведения и балканистики комплексный, и с этим связаны основные направления его научной деятельности. Славяноведение, определявшее общий профиль Института на протяжении более 20 лет и представляющее и в настоящее время одну из главных линий нашей работы, несомненно, требует объединения усилий многих ученых. Историческая, языковая и культурная близость славянских народов — это такой комплекс проблем, который имеет много аспектов и в то же время является именно комплексом, требующим целенаправленного изучения.

В наших славистических исследованиях до сих пор доминировала страноведческая проблематика. Задача теперь состоит в том, чтобы широко развить сравнительные исследования общественно-культурного процесса в славянских странах. Тем самым будет обеспечен выход на путь более глубокого раскрытия сущности славяноведения, понимаемого не только как суммарный об отдельных славянских странах, взятых изолированно друг от друга, а как изучение процессов исторической общности, закономерностей общественного и духовного развития славянских народов. Историзм в подходе к этой общности требует видеть ее в динамике, в реальной связи с определяющим действием законов социально-общественного развития. Надо отказаться от укоренившихся ошибочных взглядов на славяноведение, согласно которым оно обращено только «во вне». Славяноведение не следует понимать узко — лишь как изучение зарубежных славянских стран. В таком случае в Советском Союзе оно окажется изолированным от истории и истории культуры русского, украинского, белорусского народов, в Польше соответственно — от истории польского народа, литературы и культуры в целом и т. д. Конечно, в

каждой славянской стране есть специальные научные учреждения, изучающие свою отечественную историю и историю культуры. Но область исторических и культурных связей славянских народов, их языкового родства — несомненно объект славистики, к тому же очень важный.

Другая линия наших исследований — балканистика. Пока еще не имеется сколько-нибудь разработанной проблематики и методики этих исследований. Ясно, однако, что речь идет не только и не просто о сумме работ по отдельным балканским странам, а о задачах изучения связей балканских народов, их исторической и культурной общности, что, разумеется, также требует комплексного подхода.

В наши задачи входит изучение истории и истории культуры большого региона стран Центральной и Юго-Восточной Европы и, что особенно важно, — европейских социалистических стран, с которыми связано развитие мировой системы социализма. Ранее наш Институт, называвшийся Институтом славяноведения, изучал четыре социалистические страны — Болгарию, Польшу, Чехословакию, Югославию. Теперь, после реорганизации Института, в круг наших задач входит также изучение истории Албании, Венгрии, Румынии. И мы, разумеется, всегда можем и должны обращаться и к опыту Германской Демократической Республики, особенно когда речь идет об исследованиях, широко обобщающих опыт революционных преобразований в социалистических странах. Таким образом, разработка проблем истории и истории культуры социалистических стран Европы образует в настоящий момент одно из главнейших направлений научной деятельности Института, во многом определяющее его облик и место в системе Академии наук СССР, в системе общественных наук в целом. Такое расширение проблематики Института вызвано задачами времени, оно вытекает из решений нашей партии, ориентирующих на необходимость научного обобщения исторического опыта стран социализма.

В Институте славяноведения и балканистики работает большое количество высококвалифицированных ученых разных специальностей — историков, литературоведов, историков культуры, лингвистов. Ими создано немало трудов страноведческого характера. Сейчас достигнут уровень, позволяющий перейти к широким комплексным исследованиям. Одни из них проводятся в рамках одной науки (например, истории или истории литературы) и имеют целью установление специфических черт и общих закономерностей на основе анализа сходных процессов в ряде стран. Подобные исследования у нас частично уже имеются, и эту линию необходимо развивать и углублять. Другой тип исследований — это объединение усилий представителей различных наук: историков, лингвистов, историков культуры, археологов, этнографов.

Все это отразилось в пятилетнем плане Института. Основная концепция плана — комплексность разработки проблем, требующая четко продуманной разветвленной системы координации.

По древней и новой истории в плане выделены две центральные темы: *«Этногенез народов Центральной и Юго-Восточной Европы»*, *«Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху их национального Возрождения»*.

Обе темы требуют комплексного изучения на всех уровнях — и обобщения результатов исследований по отдельным странам в рамках одной науки, и синтеза результатов исследований представителей разных наук. Ведь наряду с историками, археологами, этнографами в разработке проблемы этногенеза бесспорно важное место принадлежит и лингвистам. Что же касается Возрождения, то три его важнейших компонента — формирование наций, национальной культуры и литературного языка — до-

вольно ясно определяют необходимость интеграции исследований разных наук.

Очевидно, план должен предусматривать разные формы и этапы разработки каждой проблемы. Изучение этих проблем на первой стадии ведется в специфических аспектах — исторических, лингвистических и т. д., однако при непрерывном ощущении темы-ансамбля. В рамках отдельных научных дисциплин обобщение опирается на исследования страноведческого характера, если таковые уже имеются. Если же их нет (или они недостаточны), то возникает необходимость их дополнительного проведения. И это понятно: ведь страноведческие исследования являются своеобразной стартовой площадкой для подъема к сравнительному анализу и обобщению фактов и явлений определенных исторических периодов. На стадии такого обобщения улавливаются закономерные тенденции историко-культурного процесса в национальных рамках одной страны, а это, в свою очередь, создает базу для сравнительного исследования указанного процесса в разных странах. Подобная последовательность обеспечивает уверенное движение к установлению более общих закономерностей общественно-исторического и культурного развития в границах региональных и далее — мировых.

Таким видится путь к фундаментальным синтетическим исследованиям. Конечно, конкретное содержание различных этапов работы, интервалы между ними, вообще движение к большому синтезу зависит от специфики данной проблемы и от того состояния ее разработки, с которого начинается исследование. Поэтому план Института включает проведение ряда симпозиумов и научных конференций историографического и методологического характера, подготовку и издание ряда индивидуальных и коллективных работ, постепенно ведущих к выработке общих принципов и методики исследований, к широкому охвату запланированных комплексных проблем.

Сказанное в принципе — в плане общеметодологическом и методическом — относится ко всем комплексным проблемам, каждая из которых, разумеется, имеет свои особенности.

По новейшей истории план Института также включает важные проблемы. Одна из них: «*Советский Союз и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период*». Раскрытие этой темы позволит глубже изучить и осветить такие вопросы, как: а) влияние Октябрьской революции на революционное движение за рубежом, б) роль Советского Союза в международных отношениях, в нормализации отношений между странами, в развитии и упрочении международного сотрудничества, борьба Советского государства против угрозы войны, за коллективную безопасность, в) антисоветская политика правящих кругов капиталистических стран, их пособничество фашистским силам.

Говоря о межвоенном периоде, следует назвать еще одну проблему, которой будут заняты историки Института: «*Кризис политической системы и борьба за единый рабочий и народный фронт в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 20—30-е годы*». Наряду с освещением таких вопросов, как наступление реакции, ограничение демократических свобод и социальных прав трудящихся, возникновение и развитие фашистских тенденций, кризис буржуазного парламентаризма, исследование указанной проблемы даст возможность аргументированно осветить развитие рабочего и крестьянского движения в изучаемом регионе, борьбу за создание единого рабочего и народного фронта, интернациональные связи и солидарность трудящихся в борьбе против войны.

Большое внимание уделяется в плане изучению второй мировой войны и периода после нее. Значительный коллектив историков объединяется

для разработки темы: *«Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость в годы Великой Отечественной войны»*. Исследование этой темы призвано содействовать всестороннему освещению борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы против фашизма и реакции в годы войны, борьбы коммунистических партий этих стран за объединение патриотических сил на революционно-демократической основе, раскрытию роли Советского Союза в освобождении стран Центральной и Юго-Восточной Европы от фашизма.

Как сравнительно-типологическое исследование планируется тема: *«Народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»*. Работа должна, с одной стороны, дать анализ общих закономерностей и национальных особенностей, проявившихся в ходе революций непосредственно в самих странах Центральной и Юго-Восточной Европы, с другой стороны, выявить те общие черты, которые характерны для упомянутых революций в сопоставлении с опытом Великого Октября.

Один из важнейших объектов исследований в Институте — *«Проблемы общественно-политического и социального развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период строительства социализма»*. В Отчетном докладе XXIV съезду КПСС говорилось: «Мировой системе социализма четверть века. С точки зрения развития революционной теории и практики эти годы были исключительно плодотворными. Социалистический мир дал коммунистическому и рабочему движению опыт, который имеет громадное, поистине историческое значение». И, разумеется, первейшим долгом ученых-обществоведов является всестороннее раскрытие этого опыта как мощного ускорителя мирового исторического прогресса.

План Института включает ряд проблем международных отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Будет продолжаться работа над коллективным трудом: *«Восточная политика германского империализма»*, авторы которого, ставят своей целью изучить внешнеполитические концепции германского империализма по отношению к странам Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, начиная с 1871 г. и кончая второй мировой войной. Предусматривается исследование внешнеполитических доктрин и программ в странах изучаемого региона, рождавшихся в ответ на экспансию Германии, отражение этих программ в идеологии и политике основных политических течений и партий. Значительное место при подготовке труда займет изучение усилий Советского Союза по привлечению стран региона к созданию системы коллективной безопасности в Европе.

Немалое место в планах Института занимают *проблемы исторических, общекультурных, литературных и языковых связей народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы с народами СССР в различные исторические периоды*. Значение таких работ и в научном, и в политическом отношении велико — они разоблачают различного рода фальсификации, объективно утверждают общность путей исторического прогресса, дружбу и взаимопомощь народов. Работы эти ведутся во многих секторах. В одном русле с ними по общей направленности находятся и многочисленные *публикации документов*, отражающие исторические и культурные связи народов. Назовем, например, многотомные публикации документов по советско-польским, советско-чехословацким, советско-болгарским отношениям. Эти публикации осуществляются совместно с учеными соответствующих стран. Притом параллельно с изданием документов готовятся и сборники исследований, в том числе по периоду после второй мировой войны. Современная проблематика, таким образом, находит

свое отражение в работах разного характера. И все же надо добиваться ее дальнейшего расширения.

Разработка большого числа проблем по новейшей истории осуществляется в рамках одной научной дисциплины и организационно — в рамках одного подразделения (сектора), занимающегося определенным историческим периодом и располагающего специалистами по всем странам изучаемого региона. Комплексность здесь состоит в синтезировании и обобщении опыта исторического развития разных стран с целью установления закономерных тенденций этого развития. В процессе работы скажется зависимость между уровнем обобщения исторического материала одной страны (этап страноведческих исследований) и обобщением этого материала в рамках региона, а также в соотнесении с мировым историческим процессом. Первый этап — база второго, и кажется целесообразным, чтобы обобщения на втором этапе осуществлялись опытными учеными — непосредственными участниками страноведческих исследований. Во всяком случае здесь необходимы масштабность мысли, широко охватывающий фронт исследований в целом, и высокий уровень организации работы научных коллективов.

Не менее сложен процесс реализации планов отдела истории культуры и филологии. Проблематика этого отдела требует многоступенчатой организации — и в рамках одной науки, и в осуществлении союза с другими науками. Большая тема *«Становление национальных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы»* имеет поначалу внутренние аспекты: проводятся страноведческие исследования, затем наступит этап соотнесения и обобщения результатов этих исследований, что уже должно вести к установлению более общих закономерностей формирования национальных культур. Этому, очевидно, должна предшествовать методологическая разработка ряда проблем, начиная с понятия культуры, ибо культура не есть механическая сумма разных культурных ценностей, как нередко все еще трактуется, а интегрированное целое. Разработка темы ведется как самостоятельное исследование, и вместе с тем это исследование является компонентом более широкой проблемы национального Возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы, проблемы, изучение которой требует объединения усилий представителей разных наук. Сходный путь исследований, по-видимому, будет и в работе над темой: *«Становление зарубежных славянских литератур, как литератур национальных, и проблема славянского романтизма»*. Разработка этой проблемы будет вестись по двум направлениям: а) исследование типологии славянского романтизма, б) изучение места романтической литературы в процессе становления национальной культуры славянских народов. И в то же время проблемы эти, несомненно, связаны с общим процессом славянского Возрождения.

Литературоведы Института, как и историки, завершили большой этап работы — созданы и уже изданы истории национальных литератур славянских народов, проведены многие монографические и другие исследования страноведческого характера. И для них теперь наступила пора широкого синтеза, для которого они сами себе создали базу. Это должен быть подлинный синтез (не абстрактная логизация), опирающийся на богатство конкретного историко-литературного материала. Естественно выдвижение на первый план таких направлений, как сравнительно-историческое изучение славянских литератур, изучение реализма в XX в., сравнительно-типологическое изучение социалистического реализма как принципиально новой эстетической системы, определяющей главное содержание художественного прогресса современной эпохи.

В исследования Института, зафиксированные пятилетним планом

как основные, внесут свой вклад и наши лингвисты. Они будут участвовать в разработке общих проблем этногенеза и национального Возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а также проблемы балканского языкового союза. С этим связано планирование ряда работ: *«Проблема контактов славянских языков и интерференции славянских и неславянских языков на территории Карпато-Дунайского бассейна»*, *«Категория определенности — неопределенности на материале славянских языков и языков балканского языкового союза»* и др. Лингвисты опираются на ранее выполненные и начатые работы, у них есть внутренняя вера в значительность результатов лингвистических аспектов разработки упомянутых проблем. Это очень хорошо. В своих профессиональных границах такую веру имеют и представители других наук — историки, археологи, этнографы, историки культуры, литературоведы. В рамках объективных поисков научных истин есть место для разнообразных творческих дерзаний. Каждое успешное решение выдвинутых проблем, разумеется, будет встречено с благодарной признательностью.

Здесь не названы многие темы, которые значатся в плане отдельных секторов. Задача состояла не в том, чтобы привести весь перечень тем, а в том, чтобы охарактеризовать основные направления научной деятельности Института и, значит, — основные объекты исследований.

У нас еще много организационных задач, которые необходимо решить в ближайшее время. Надо добиться ясной концепционности планов каждого сектора — соотнести индивидуальные работы с коллективными фундаментальными исследованиями, обеспечив связь между ними, исключить мелкотемье, исключить то, о чем критически говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС: «Не секрет, что есть и такие научные работники, которые до сих пор заняты делами, в значительной мере оторванными как от непосредственных практических нужд страны, так и от действительных интересов развития фундаментальных отраслей наук. Получается как бы работа на холостом ходу».

Многие из названных выше проблем требуют разветвленной координации в секторах, между разными секторами, между разными институтами в СССР; далее необходима координация с учеными социалистических стран. Проведение всей этой работы, четкое определение функций целых коллективов и отдельных ученых создаст реальные предпосылки для осуществления комплексности и интеграции научных исследований.

Выполнению планов должны содействовать и звенья вспомогательно-го и прикладного характера в Институте. Имеется в виду прежде всего служба информации. Она у нас создается, и ее необходимо укреплять. Определение главных направлений исследований — это лишь начало работы. Коллектив Института приложит усилия к тому, чтобы успешно выполнить задачи, поставленные XXIV съездом КПСС перед общественными науками.

ВЛАДИСЛАВ ГУРА

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В ПОЛЬШЕ

В последний период гитлеровской оккупации, а точнее говоря с весны 1943 г., усиливаются процессы радикализации общества и перегруппировки политических сил на польских землях. Растет влияние ППР и объединившихся вокруг нее последовательно демократических левых сил, позиция же так называемого «лондонского» лагеря¹ явно ослабевает.

Влияние «лондонского» лагеря ослабевает и суживается, так как антисоветская политика эмигрантского правительства в обстановке великих побед Советской Армии и растущего авторитета СССР, с одной стороны, и социально-политические концепции этого лагеря в условиях усиливающейся радикализации польского общества, с другой, становятся несостоятельными. Одновременно все более уменьшалось число сторонников его концепции, рассчитанной на ссоры между союзниками и на новую войну капиталистического Запада против СССР, выражением которой был так называемый план «Бужа»².

Международное положение явно не благоприятствовало польскому эмигрантскому правительству и сплотившимся вокруг него силам в Польше и за границей. Антигитлеровский союз великих держав, несмотря на существование у каждой из них своих планов и целей, выдержал испытания, а конференция глав правительств США, Великобритании и СССР в Тегеране в ноябре 1943 г. укрепила единство взглядов по основному вопросу. Признавалась необходимость обеспечения безопасности западных границ Советского Союза и создания в Польше правительства, дружественного СССР.

Этому сопутствовало признание права на включение в состав Польши обширных территорий, принадлежащих Германии, но исторически

¹ Под «лондонским» лагерем мы подразумеваем политические партии и организации, входившие в состав польского эмигрантского правительства (Стронництво людове — СЛ, Стронництво народове — СН, Стронництво працы — СП и правое крыло Польской социалистической партии — ППС под названием «Вольность, рывность, неподлежность» — ВРН) или поддерживавшие это правительство. Разумеется, эти организации, представляя интересы разных классов и группировок, значительно отличались и своими программными положениями и тактикой, отношением к союзным державам и т. д.

² План «Бужа» предусматривал вооруженное выступление отрядов Армии крайовой (АК) в момент отступления немецких войск, что должно было обеспечить выход из подполья Делегатуры и захват ею власти. При отсутствии дипломатических отношений между Советским правительством и польским эмигрантским правительством и признании Советским Союзом Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в качестве временного исполнительного органа государственной власти в Польше реализация плана «Бужа» должна была неизбежно привести к конфликту между пролондонским подпольем и советскими военными властями. Этот конфликт эмигрантское правительство намеревалось использовать, чтобы заручиться поддержкой дипломатии западных государств, вызвать разногласия между ними и СССР.

исконно польских, что обеспечивало Польше благоприятные условия существования и развития³.

Согласование точек зрения по польскому вопросу в Тегеране прямо противоречило концепциям «лондонского» лагеря, но зато отвечало государственной программе левых сил польского общества. Положение этого лагеря осложнялось из-за разрыва Советским Союзом дипломатических отношений с ним, причем шансы вторичного их восстановления были при тогдашнем положении, пожалуй, минимальными⁴.

В этой ситуации стала пользоваться все большим признанием программа ППР, провозгласившая идею союза и братства по оружию с СССР и требовавшая немедленного проведения после освобождения Польши широких и последовательно демократических социальных преобразований, в частности, радикальной аграрной реформы⁵.

Огромным завоеванием ППР явилось осознание ею решающей роли восстановления независимости страны, существования независимого и суверенного государства для дальнейших судеб народа, его развития и безопасности. Развивая эту концепцию, ППР перешла от стратегии широкого народного фронта «без предателей и капитулянтов» к стратегии демократического национального фронта⁶.

Эта эволюция была связана с ходом войны, с изменением обстановки на международной арене и внутри страны.

Программа ППР, неразрывно связывавшая национальное освобождение с классовыми требованиями трудящихся, не сразу была признана всеми группами польских коммунистов в стране, ориентированными внимание прежде всего на классовые аспекты этой программы⁷. Архивных материалов об этих дискуссиях сохранилось немного, протоколов ЦК ППР этого периода вообще нет. Косвенным подтверждением различий во взглядах являются статьи в конспиративной печати, некоторые спорные положения в переписке с Коминтерном, а после его роспуска — с Г. Димитровым, отчеты о дискуссиях, которые велись в комиссиях Крайовой рады народной (КРН).

Точка зрения ППР в первый период ее деятельности совпадала, в принципе, со взглядами Коминтерна, сложившимися после нападения Германии на СССР. Это была стратегия широкого национального фронта борьбы с фашистской агрессией за национальное освобождение, за независимость и суверенитет. Социальные моменты в этот период не слишком акцентировались, даже не были определены конечные цели партии, хотя и выдвигались требования радикальных социальных реформ, которые должны были быть проведены после победы: восстановление демократических свобод, равноправие всех граждан независимо от национальности и вероисповедания, аграрная реформа, социальное законодательство и т. п. Отношение к эмигрантскому правительству в этот период скорее было положительным, хотя и выдвигалось в его адрес требование о выполнении союзных обязательств, т. е. проведения активной борьбы с оккупантами. Считалось возможным создание в Польше, после освобождения

³ W. T. Kowalski. ZSRR a granica na Odrze i Nisie Łużyckiej 1941—1945. Warszawa, 1965; ег о ж е. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939—1945). Warszawa, 1966; S. Zabiello. O rząd i granice. Warszawa, 1964.

⁴ «Polski ruch robotniczy w okresie wojny i okupacji hitlerowskiej. Wrzesień 1939 — styczeń 1945». Warszawa, 1964, s. 282—283, 289—291.

⁵ «Kształtowanie się podstaw programowych PPR w latach 1942—1945». Warszawa, 1958, s. 93—96, 100.

⁶ J. Pawłowicz. Strategia frontu narodowego PPR 1943/III — 1944/VII. Warszawa, 1965.

⁷ M. Malinowski. Grupa inicjatywna PPR. «Z pola walki», 1965, № 4, s. 57—86.

дения, правительства во главе с генералом В. Сикорским, но при условии межпартийного соглашения политических группировок, действующих на территории Польши. ППР не исключала возможности, что она войдет в это правительство или окажет ему поддержку⁸. Как следует из документов, опубликованных ППР, она ориентировалась вначале на образование в Польше буржуазно-демократического правительства, но последовательного в своем демократизме, гарантирующего возможность деятельности всем политическим направлениям, за исключением фашистских.

Основным условием поддержки правительства Сикорского являлась прежде всего активная борьба с оккупантами, которую ППР считала основным условием спасения народа. В случае согласия «лондонского» лагеря на активизацию антигитлеровской борьбы, ППР была готова к оперативному подчинению своих партизанских отрядов командующему АК и формальному признанию правительства Сикорского заграничным представительством польского народа. Такая позиция ППР и благоприятствующие изменения в составе «лондонского» лагеря на рубеже 1942—1943 гг.⁹ давали возможность начать переговоры между руководством ППР и Делегатурой эмигрантского правительства и командованием АК.

Переговоры, которые состоялись в феврале 1943 г., не дали положительных результатов¹⁰. Они были прерваны Делегатурой эмигрантского правительства, чего впрочем, как показали последующие события, очевидно, нельзя было избежать.

Это было связано с границами компромисса, на который готовы были пойти обе стороны. «Лондонский» лагерь, опасаясь ППР и даже, как это следует из архивных материалов, явно переоценивая ее силы, претендовал на полную власть в освобожденной Польше. «Лондонцы» переоценивали поддержку со стороны западных держав, рассчитывая также на конфликт между ними и Советским Союзом. Они были уверены и в поддержке широких народных масс. «Лондонский» лагерь спекулировал на усилившихся в годы оккупации патриотических и религиозных настроениях, на закоренелых антирусских и на вновь порожденных антисоветских предрассудках, использовал недовольство значительной части общества решением вопроса о восточных границах и т. д. Эта политика под дымовой завесой патриотизма и демократизма скрывала, однако, явно классовое содержание — стремление буржуазных и помещичьих кругов вернуть себе власть в освобожденной Польше, по возможности ограничить социальные реформы и навязать народу правительство «сильной руки». И хотя в «лондонском» лагере существовали некоторые расхождения, его объединяла основная цель — захватить власть и не давать голоса народным массам.

Опубликованная ЦК ППР 1 марта 1943 г. — уже после фактического разрыва переговоров с Делегатурой¹¹, так называемая «Малая декла-

⁸ «Kształtowanie się podstaw programowych PPR . . .», s. 235.

⁹ Речь идет о несомненном росте влияния прогрессивных и демократических кругов в эмигрантском правительстве и, в частности, в «лондонском» подполье в Польше. В сентябре 1941 г. из Политического согласительного комитета уходит ВРН, а ее место занимает представитель социалистической левицы (организация Польские социалисты — ПС). Влияние более прогрессивных кругов возросло и в руководстве СЛ, представителем которого был тогдашний делегат эмигрантского правительства проф. Ян Пекалкевич. В связи с разрывом отношений с СССР ослабло влияние крайне правых — «народовцев» и особенно санационных кругов.

¹⁰ «Polski ruch robotniczy w okresie wojny i okupacji hitlerowskiej. . .», s. 261—267; Cz. M a d a j c z y k. Ważna decyzja. «Najnowsze dzieje Polski 1939—1945», t. IV, 1960, s. 5—22; M. T u r l e j s k a. O wojnie i podziemiu. Warszawa, 1959.

¹¹ Переговоры окончились фактически 25 февраля. Официальный ответ Делегатуры последовал, правда, только в конце апреля, однако неуспех переговоров был очевиден уже в их ходе.

рация» — «За что мы боремся?» не исключала еще, однако, возможности соглашения с «лондонским» лагерем, хотя в ней и были видны некоторые новые акценты: выдвигались такие требования, как национализация банков и крупной промышленности, с введением в последний контроля рабочих комитетов над производством, проведение аграрной реформы, которая охватила бы все имения свыше 50 га без компенсации владельцам имений, создание народной милиции, введение планирования во всех областях экономической жизни страны и т. д.¹² Декларация была подвергнута Г. Димитровым острой критике, в особенности, принцип социалистического планирования, а также требование обобществления крупной промышленности и определение максимума собственности в сельском хозяйстве в 50 га¹³. Суть этой критики заключалась в том, что вышеуказанные постулаты не отвечали программе широкого национального фронта, являясь чем-то вроде платформы народного фронта, что, по мнению Димитрова, сужало возможности для деятельности ППР. С этой критикой руководство ППР соглашалось только частично, указывая, что ряд выдвинутых партией требований, в частности, о необходимости ведения планового хозяйства, имеется в программах почти всех политических партий, действующих в конспирации¹⁴. Правда, в один и тот же лозунг разные группировки вкладывали разный смысл, но сама необходимость введения плановости в послевоенной экономике в принципе признавалась всеми. Тем не менее, в связи с этой критикой, и, прежде всего, с постоянно менявшейся расстановкой сил, ППР внесла в свою программу ряд изменений, нашедших выражение в программной декларации ППР — «За что мы боремся?», опубликованной в ноябре 1943 г. Прежде всего, в ней ППР отказалась от четкого определения максимума земельной собственности. Зато были оставлены требования обобществления (национализации) ключевой промышленности (заводов, шахт, крупной перерабатывающей промышленности). Вместе с тем, были несколько смягчены формулировки относительно введения принципа планирования хозяйства, которое рассматривалось теперь как составная часть демократических преобразований¹⁵. Зато здесь весьма категорически формулировались требования относительно вопроса о власти. В декларации говорилось о создании в Польше временного правительства и других органов власти соответственно с волей большинства народа. Правительство должно было опираться на антифашистский национальный фронт и проводить мероприятия, соответствующие духу демократии и свободы.

В декларации определены также конечные цели ППР: в рамках демократического государства рабочий класс и трудовые массы будут стремиться перейти к социалистическому строю¹⁶. Задачи, которые ставятся перед временным правительством, уже перерастают рамки задач буржуазно-демократической революции и направлены (абстрагируясь от их общенационального характера борьбы с оккупантами) против крупного капитала и монополистической буржуазии.

Таким образом, в формировании программных положений ППР отразились объективные изменения, совершившиеся в польском обществе, выходящие по своему характеру за рамки традиционных задач прежних буржуазно-демократических революций.

Вообще говоря, это указывает на постепенное формирование уже в последний период оккупации условий для революции нового типа — де-

¹² «Kształtowanie się podstaw programowych PPR. . .», s. 94—95.

¹³ Телеграмма Г. Димитрова П. Финдеру от 2 апреля 1943 г. AZHP.

¹⁴ Телеграмма П. Финдера Г. Димитрову от 17 апреля 1943 г. Ibid.

¹⁵ «Kształtowanie się podstaw programowych PPR. . .», s. 147—148.

¹⁶ Ibid., s. 150—151.

мократической или народно-демократической, направленной в основном не только и не столько против феодальных пережитков, сколько против крупного капитала, а именно, против империализма и германского фашизма. Эта революция ставит своей задачей реализацию программы минимум рабочего класса и выходит за ее пределы, прокладывая тем самым путь социалистической революции, хотя и не подрывает еще полностью основ капитализма. Движущей силой этой революции является рабочий класс, который старается привлечь к провозглашаемым им требованиям симпатии широких трудовых масс и одновременно нейтрализовать или даже привлечь мелкую буржуазию и средние слои. Это должно было создать условия для дальнейшего развития революции, для перерастания ее в революцию социалистическую.

Ноябрьская декларация ЦК ППР была самым важным из документов, выработанных партией в годы оккупации, программой действия, объединившей в одно неразрывное целое борьбу за национальное и социальное освобождение. Она легла в основу Манифеста демократических политических и военных организаций, создавших 1 января 1944 г. КРН, программной декларации КРН, а также Манифеста ПКНО.

Усиливающаяся реакционность политики «лондонского» лагеря в последний период оккупации в связи с приближающимся освобождением и стремлением к захвату власти, политики, угрожавшей польскому народу новыми бедствиями и катастрофами, заставила ППР изменить свою стратегию и тактику. Главной ее задачей в новой ситуации стала борьба за сплочение всех антифашистских и последовательно демократических сил, за создание широкого демократического народного фронта, который, направляя свой главный удар против оккупантов, мог бы одновременно противопоставить себя пагубной для народа политике «лондонского» лагеря и его намерениям реставрации досентябрьских отношений.

Эта стратегия была необычайно ценным достижением политической мысли польского коммунистического движения, выработанным в необычайно трудных и сложных условиях классовой борьбы в годы гитлеровской оккупации, несомненно обострившейся с весны 1943 г., специфическим применением в нашей стране ленинского учения о перерастании революции, ленинских положений о стратегии и тактике¹⁷.

Новые стратегические концепции нашли свое воплощение в создании по инициативе ППР левыми и последовательно демократическими организациями КРН, как политического представительства революционных и демократических сил польского народа, и в быстром развитии местных рад народных, в создании Армии народной (АН).

С января по август 1944 г. возникло 8 воеводских рад народных, свыше 50 повятовых, несколько десятков городских, несколько сотен гминных. Количество членов ППР возросло с 8000 в январе 1943 г.¹⁸ до почти 20 000 в июле 1944 г.¹⁹

Основные перемены, происшедшие в настроениях, в расстановке политических и классовых сил, подтверждаются не только документами демократического лагеря, документами ППР, но и материалами «лондонского» лагеря. «Ввиду торможения нами активных выступлений силы Гвардии народной постоянно укрепляются более активным элементом, как и целыми крестьянскими отрядами», — отмечалось в рапорте командования АК в сентябре 1943 г.²⁰

¹⁷ «Z pola walki», 1968, № 2, s. 104

¹⁸ Телеграмма П. Финдера Г. Димитрову от 12 января 1943 г. «Z pola walki», 1961 № 4, s. 178.

¹⁹ N. K o ł o s i e j c z y k. PPR. 1944/1945. Warszawa, 1965, s. 12.

²⁰ AZHP, АК, 203/III—134.

В аналогичном духе высказывается издаваемая Делегатурой и предназначенная для внутреннего пользования «Политическая информация» от 31 марта 1944 г.²¹, а также известные телеграммы командующего АК генерала Т. Коморовского («Бур») в Лондон от 14 мая и 22 июля 1944 г.²²

Материалы Делегатуры и АК полностью подтверждают объективность оценки настроений народных масс, данных в документах ЦК ППР, в особенности в письме «Расстановка политических сил во время оккупации», отправленном 12 января 1944 г. в Центральное бюро польских коммунистов в СССР. В нем отмечалось, в частности, что несмотря на «коммунистический облик» сфера влияния ППР в рабочем классе значительно шире, чем социалистического движения, что «влияние ППР в деревне очень внушительно, организационный охват довольно прочный», очень сильно «воздействие ППР на организации Стронництва людowego»²³. В письме говорилось о существенном изменении отношения к Советскому Союзу, о том, что «ожидание прихода Красной Армии стало всеобщим, даже в тех слоях общества, которые являются противниками советского строю»²⁴.

Одним из значительных результатов изменения настроений общества и расстановки политических сил было нарастание разногласий между АК и военной организацией СЛ — Батальонами хлопскими (БХ), усиливавшееся в них стремление к сотрудничеству с АЛ. Радикализация низов в БХ проявилась с особой силой в Жешовском округе, в Подлясье, в Келецком воеводстве, но наблюдалась и в других местах. Именно поэтому, несмотря на несколько постановлений свыше и приказы командующего АК, а также главного командования БХ, включение батальонов в АК не было полностью осуществлено, и давление верхов, оказываемое в этом направлении, встречало в деревнях явный отпор и неприязнь.

Контакты между БХ и АЛ становились все более частыми и тесными, причем во многих случаях приводили к тесному боевому сотрудничеству и взаимодействию. Вопреки позиции, занимаемой руководящими органами АК, в 1944 г. имели место случаи взаимодействия АЛ с отдельными отрядами, даже с инспекторами АК²⁵.

Огромное значение для укрепления международного и внутреннего положения демократического лагеря имели переговоры, которые вела полномочная делегация КРН с Советским правительством в Москве в мае 1944 г., фактическое признание СССР КРН политическим представительством польского народа, а также признание Союзом польских патриотов КРН верховной властью польского народа и подчинение ей созданной в Советском Союзе польской армии.

Следует, однако, еще раз напомнить, что вопреки искренним стремлениям ППР и сплотившихся вокруг нее левых организаций, создать широкий национальный фронт не удалось, демократический антигитлеровский фронт имел сравнительно узкую социальную базу. Левым силам не удалось завоевать и даже нейтрализовать не только мелкую буржуазию, но и подавляющее большинство зажиточного и среднего крестьянства, представленного, главным образом СЛ — «Рох». Они были готовы даже на далеко идущие компромиссы, но этого не хотела другая сторона, что оказало существенное влияние на характер преобразований, совершавшихся в освобожденной Польше, и создававшейся в ней власти. Это порождало сектантские тенденции среди части актива ППР, оказавшегося

²¹ Ibid., Delegatura, 202/I—42.

²² Ibid., АК, 203/1—6.

²³ «Kształtowanie się podstaw programowych PPR. . .», s. 206—210.

²⁴ Ibid., s. 213—214

²⁵ J. P a w ł o w i c z. Ibid.

перед большими трудностями в связи с освобождением страны от оккупации и склонявшегося к ускоренному решению ряда задач прежде всего административным путем. Не удивительно, что в первые послевоенные годы борьба с сектантством выдвинулась в ППР на первый план.

Несмотря на эти обстоятельства, благоприятная международная обстановка, мощная поддержка со стороны Советского Союза, ослабление позиции польского эмигрантского правительства, активизация и укрепление сил демократии предопределили вопрос о власти в освобожденной Польше уже в середине 1944 г.

Власть в освобожденной стране могли взять в свои руки только революционные и демократические силы, сплоченные вокруг ППР и КРН.

В результате наступления летом 1944 г. Советской Армии и сражавшегося бок о бок с ней народного Войска Польского, были освобождены польские земли между Бугом и Вислой, общей площадью около 78 тыс. кв. км и с населением в 5,6 млн человек.

21 июля начал свою деятельность Польский комитет национального освобождения, временный исполнительный орган власти трудящихся, создание которого предусматривалось ППР и КРН. Решение об образовании ПКНО было принято 20 июля 1944 г. в Москве на заседании образованной в это время Делегатуры КРН для освобожденных районов²⁶. Часть представителей и уполномоченных ПКНО прибыла в освобожденные районы вместе с частями Войска Польского. Большинство членов ПКНО вместе с председателем Эвардом Осубка-Моравским и сопровождавшей их первой группой работников создаваемой запово государственной администрации, прибыло 27 июля в Хелм²⁷. Со 2 августа ПКНО действовал в Люблине²⁸, являвшемся столицей Польши вплоть до января 1945 г.

Освобождение восточных польских земель и создание ПКНО явилось началом нового периода в тысячелетней истории польского народа — периода строительства народного государства и революционных преобразований, прокладывающих путь к социализму.

ПКНО выполнял функции временного правительства, хотя и не носил этого названия. Создавая ПКНО, КРН считала, что необходимо некоторое время, чтобы убедить общество в том, что демократические силы сумеют руководить жизнью страны. Кроме того, КРН в связи с освобождением части польских земель надеялась на положительные изменения в политике эмигрантского правительства по отношению к демократическим силам, сплотившимся вокруг КРН, и к СССР. В таких условиях можно было бы создать временное правительство из представителей ПКНО и демократических элементов лондонской эмиграции, что облегчило бы консолидацию общества и быстрое восстановление страны после военной разрухи. Однако надежды КРН не осуществились вследствие отрицательного отношения эмигрантского правительства к ПКНО и его политике.

ПКНО являлся с момента своего возникновения органом власти народных масс. Его политическую основу составляла коалиция четырех партий — ППР, ППС, СЛ и СД (Стронництво демократичне). Главную роль в этой коалиции играли рабочие партии, в особенности ППР.

Обнародованный 22 июля 1944 г. Манифест ПКНО был прежде всего политической программой. Вместе с тем он определял основные принципы

²⁶ В состав Делегатуры КРН вошли члены делегации КРН, находящейся в СССР с мая 1944 г., и члены президиума Главного правления СПП.

²⁷ AAN, PKWN, 1/2.

²⁸ Ibid.

социального строя новой, народной Польши и в общей форме существо и характер народной власти, важнейшие принципы организации нового государственного аппарата и внешнюю политику. Первоочередной задачей июльский Манифест считал доведение до конца победоносной войны с гитлеровскими оккупантами, полное освобождение и объединение польских земель до Одры и Нисы-Лужицкой.

Манифест, исходя из длительного исторического опыта, в частности, опыта последней войны, провозглашал коренной поворот в отношениях с братскими советскими народами, необходимость мирного и дружеского урегулирования вопроса о восточных границах по принципу: «Польские земли — Польше, украинские, белорусские, литовские — Советской Украине, Белоруссии и Литве». Манифест подчеркивал необходимость проведения политики прочного союза с Советским Союзом и Чехословакией, укрепления союза и сотрудничества «со всеми демократическими государствами мира».

Манифест предусматривал ликвидацию немецкой и помещичьей земельной собственности, а также переход во временное государственное управление имущества, принадлежавшего немецкому государству и отдельным немецким капиталистам: крупных промышленных и торговых предприятий, банков, транспорта и лесов. Предполагалось возвращение собственности «по мере урегулирования экономических отношений», в частности, имущества, отнятого оккупантами у крестьян, купцов, ремесленников, мелких и средних промышленников, корпораций и церкви. Частные предприниматели, «ускоряющие ритм экономической жизни» должны были пользоваться поддержкой государственной власти²⁹.

Беря власть в свои руки, ПКНО должен был приступить к немедленному решению задач, поставленных в Манифесте. Весьма важной задачей было дальнейшее укрепление народного Войска Польского и демократизация его офицерского корпуса. Это было необходимо не только для увеличения вклада в победу над Германией и, таким образом, освобождения всех польских земель, но и для упрочения народной власти. Надо было восстановить, а частично заново создать административный и экономический аппарат и, в частности, аппарат службы безопасности. Требовались усилия для частичного восстановления народного хозяйства, обеспечения хотя бы в минимальной степени условий существования истощенному оккупацией населению, в особенности рабочим и их семьям, а также крестьянам для ведения их хозяйств. Очень важным вопросом являлось восстановление школ, возрождение общественной и культурной жизни.

Для разрешения всех этих сложных проблем необходимо было иметь четкую и гибкую государственную администрацию и прочный экономический фундамент. Реализовать эти задачи в то время было очень трудно.

Во время войны и более чем пятилетней оккупации Польша понесла огромные материальные и людские потери (почти в девять раз больше, чем в результате первой мировой войны). Согласно подсчетам Бюро военных репараций при Совете министров, общие материальные потери Польши составляли 38% ее национального достояния, тогда как во Франции они равнялись 1,5, а в Англии 0,8%. Потери промышленности оценивались в 32% ее стоимости на 1 сентября 1939 г., в связи и транспорте в 50, в сельском и лесном хозяйстве — в 35%³⁰.

²⁹ «Dziennik ustaw RP», 1944, № 1. Załącznik.

³⁰ «Straty wojenne Polski w latach 1939—1945». Poznań — Warszawa, 1960, s. 47.

На землях, входивших в состав польского государства в межвоенный период, было уничтожено полностью или частично свыше 343 тыс. крестьянских дворов (около 20% общего числа). В поголовьи лошадей (по сравнению с 1938 г.) потери превышали 40%, рогатого скота — 52, свиней — 68,7%³¹.

Еще большие разрушения наблюдались в сельском хозяйстве воссоединенных земель. Полному или частичному уничтожению подверглись 123,8 тыс. крестьянских дворов, что составляло около 28% их числа в 1939 г. Осенью 1945 г. на воссоединенных землях было всего 89 тыс. лошадей (10% довоенного поголовья), 273 тыс. голов рогатого скота (7,7%) и 195 тыс. свиней (4%).

Все материальные потери вместе взятые, как бы ни были они чувствительны и трудно восполнимы, нельзя ставить в один ряд с трагическими потерями в людях. По оценочным данным Бюро военных репараций война и оккупация повлекли за собой смерть 6028 тыс. человек, т. е. 22,2% всех граждан (по состоянию на 1939 г.). Из них только 644 тыс. погибли в результате непосредственных военных действий, остальные — в результате экстремистской и человеконенавистнической политики гитлеровских захватчиков.

Людские потери во время войны будут сказываться еще долго. Ее последствия — около 600 тыс. инвалидов и сотни тысяч людей с надорванным здоровьем. Наибольшую брешь сделала война в рядах юности и людей в расцвете сил. Наиболее чувствительные потери понесли кадры интеллигенции, что имело, в частности, и чисто экономический аспект, если принять во внимание безотлагательную необходимость восстановления экономики и культуры. Погибло более 17 тыс. учителей, профессоров и научных работников (свыше 15% всех учителей), около 7,5 тыс. врачей, свыше 5,5 тыс. адвокатов и судей, около 7 тыс. инженеров³².

Освобождение польских земель Советской Армией и образование ПКНО означало тяжелое поражение реакционных сил, но они никоим образом не отказывались от борьбы за власть. Правда, на освобожденных землях вышла из подполья и включилась в работу по восстановлению страны значительная часть людей, связанных с «лондонским» лагерем, тем не менее, в подполье остались не малые силы. Руководящим центром подполья продолжала оставаться Делегатура польского эмигрантского правительства и Рада едности народовой (РЕН), представляющая нелегальные партии — СП, СЛ — «Рох», СН, ППС — ВРН, а также несколько мелких организаций и реакционную часть католической иерархии. Из этих группировок значительную силу представляло, в частности, СЛ — «Рох», под влиянием которого находилась часть крестьянства, особенно богатого и среднего.

Вооруженной силой, связанной с «лондонским» лагерем, являлась в то время прежде всего АК, наиболее массовая и пользующаяся авторитетом у части общества военная организация. В подполье осталась также часть Батальонов хлопских (тактические отряды, вошедшие в состав АК); часть БХ, сотрудничавшая в годы оккупации с ППР и АЛ, вышла из подполья. Формально вне «лондонского» лагеря оставалась крайне правая часть так называемого «Обуза народного», сплотившая фашист-

³¹ «Sprawozdanie w przedmiocie strat i szkód wojennych Polski w latach 1939—1945». Warszawa, 1947, s. 33; «Rocznik Statystyczny», 1947, s. 51.

³² «Sprawozdanie w przedmiocie strat i szkód wojennych Polski...»; «Polska w liczbach 1944—1945». Warszawa, 1964, s. 5; Cz. M a d a j c z y k. Wojenne losy inteligencji polskiej. «Kultura», 1969, № 1, s. 5.

ские элементы, последователей ОНР. Их военной организацией были прежде всего Народовые силы збройне (НСЗ) и возникшее путем объединения части НСЗ и Народовой организации войсковой (НОВ) так называемое Народовое зъєдночене войскове (НЗВ). НСЗ и НЗВ признавали эмигрантское правительство; с «лондонским» лагерем, несмотря на некоторые тактические разногласия, их объединяла прежде всего ненависть к демократическим силам и воинствующий антисоветизм. Равным образом вне «лондонского» лагеря, на крайнем правом крыле подполья, находились разные пилсудчиковско-санационные группы.

Первой попыткой захвата политической власти «лондонским» лагерем была реализация уже упомянутого плана «Бужа». В рамках этой акции его вооруженные отряды пытались в отдельных освобожденных местностях устанавливать свою власть с целью поставить советские органы и органы польских революционных сил перед свершившимся фактом.

Однако операция «Бужа» не дала в своей начальной фазе ожидаемого политического эффекта. В связи с этим появился план поднять восстание в Варшаве. Предполагалось освободить столицу до вступления Советской Армии и установить там власть эмигрантского правительства.

Вызванное без договоренности с наступавшей Советской Армией, а также без официального одобрения британского правительства, для достижения политических целей вооруженное восстание в Варшаве было жестоко подавлено гитлеровцами. Варшавское восстание, в котором патриотическое население проявило необычайный героизм, стало одновременно и трагическим свидетельством узко классово-политики «лондонского» лагеря, противоречащей национальным интересам. Тяжелые последствия восстания серьезно ослабили влияние «лондонского» лагеря среди населения, которое критически оценило отсутствие чувства ответственности у его лидеров за судьбы страны и нации.

В своей антинародной деятельности лагерь реакции использовал прежде всего экономические трудности. Он приписывал демократическому лагерю все беды, обусловленные военной обстановкой, чернил реформы, обещанные и проводимые ПКНО, как якобы, поспешные и «непродуманные», призывал к саботажу распоряжений народной власти. Террористическая деятельность антинародного подполья не приобрела в этот период больших размеров главным образом из-за присутствия на освобожденных территориях частей Советской Армии. Тем не менее в августе-декабре 1944 г. погибло от пуль из-за угля в «Люблинской Польше» около 400 человек, в том числе более 200 членов ППР.

Трудности народной власти усугублялись усилившимися в годы оккупации националистическими и шовинистическими предубеждениями и неверием некоторой части общества в ПКНО и его политическую линию.

Диверсионной деятельности и террору реакционного подполья демократический лагерь во главе с ППР противопоставил конструктивную и далеко идущую программу построения новой, народной Польши. Привлекая широкие слои общества к реализации этой программы, ПКНО выступил как подлинный защитник национальных интересов, независимости и суверенитета польского государства, как организатор коренных социальных преобразований, имеющих непреходящее значение для обеспечения возрожденной Польше безопасности и условий для ее быстрого развития. Разумеется, внутри ПКНО и входивших в его состав партий существовал ряд различий во взглядах на методы построения новой, народной Польши и на осуществление отдельных, частных задач. Однако эти расхождения в первые годы народной Польши не проявлялись сколько-нибудь сильно, ибо над ними преобладали тенденции сотрудни-

чества и единства в реализации основных задач, выдвинутых в Манифесте ПКНО.

Пятимесячная деятельность ПКНО была необычайно плодотворна. Были созданы центральный и местный аппараты власти. Увеличено Войско Польское, численность которого в конце 1944 г. превысила 280 тыс. солдат, из которых около 180 тыс. находилось в строевых частях. Частично восстановлены промышленность, в которой в конце 1944 г. было занято около 85 тыс. рабочих и служащих³³, почти полностью уничтоженные железнодорожные пути и мосты³⁴, начала работать почта³⁵. Заложены основы финансового хозяйства путем ряда мер, направленных на обеспечение прочности польского злотаго³⁶. Обеспечен минимум снабжения трудящихся продуктами питания и одеждой. В результате радикальной аграрной реформы свыше 100 тыс. крестьян и сельскохозяйственных рабочих получили землю³⁷.

Огромные достижения ПКНО, расширение влияния демократического лагеря в обществе ускорили решение КРН о преобразовании ПКНО во Временное правительство (закон КРН от 31 декабря 1944 г.)³⁸.

В состав Временного правительства вошло по пять представителей от ППР, ППС и СЛ и два представителя от СД. Председателем Совета министров и министром иностранных дел стал Э. Осубка-Моравский (ППС), первым заместителем председателя Совета министров — Владислав Гомулка (ППР), вторым заместителем председателя — Станислав Януш (СЛ). Временное правительство в начале января 1945 г. было признано Советским Союзом, Чехословакией — в конце января, Югославией — в марте 1945 г. Был произведен обмен дипломатическими представителями между Польшей и Францией, хотя французское Временное правительство еще официально признавало польское эмигрантское правительство.

Образование Временного правительства 31 декабря 1944 г. и признание его Советским Союзом заставило правительства США и Англии заявить о готовности участвовать в окончательном урегулировании польского вопроса. Этим занялась конференция глав правительств СССР, США и Великобритании в Ялте в феврале 1945 г.³⁹

Представители США и Англии пытались ликвидировать Временное правительство и создать новое правительство, опирающееся на четыре «лондонские» партии, к которым должна была бы присоединиться ППР. Однако решительный протест СССР, который считал, что ядром нового правительства может быть только Временное правительство, заставил западные державы пойти на уступки. «Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобожде-

³³ Sprawozdanie Przewodniczącego KRN—B. Bieruta na VI Sesji Krajowej Rady Narodowej 31 XII 1944 r. «Sprawozdanie stenograficzne...», Warszawa, 1945; Sprawozdanie z działalności Resortu Gospodarki Narodowej i Finansów. «Polska Ludowa», 1964, t. III, s. 134—136.

³⁴ Sprawozdanie z działalności i osiągnięć Ministerstwa Komunikacji od 26 VII 1944 do 22 VII 1945 r. «Polska Ludowa», 1964, t. III, s. 147—159.

³⁵ Sprawozdanie z działalności Resortu Poczty i Telegrafów, j. w., s. 160—161.

³⁶ Sprawozdanie z działalności Ministerstwa Skarbu od 21 VII 1944 do 31 III 1945. «Materiały i studia z najnowszej historii Polski», 1967, t. III, s. 242—244; Z. Landau. Polityka finansowa PKWN. Warszawa, 1965.

³⁷ Sprawozdanie o wynikach reformy rolnej z 5 I 1945 r. opracowane na zlecenie kierownika Resortu R. i R. R.

³⁸ Dz. U. RP 1944, № 19, poz. 99. Ustawa KRN o powołaniu Rządu Tymczasowego.

³⁹ S. Z a b i e ł ł o. Ibid., s. 264—269; «Sprawa polska w czasie II wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów». Warszawa, 1965, s. 680—695.

ния западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Одновременно в декларации отмечалось, «что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и западе»⁴⁰. На конференции была создана так называемая «Комиссия доброй воли», в состав которой вошли: народный комиссар иностранных дел СССР и послы Соединенных штатов и Великобритании в Советском Союзе. Эта комиссия должна была содействовать соглашению между различными польскими группировками и образованию временного правительства национального единства на базе существующего Временного правительства.

Западные державы, стремясь сохранить свои позиции и господство буржуазии в Польше, старались повлиять на состав и характер будущего польского правительства, извращая ялтинские решения. Но эти попытки оказались безуспешными из-за непреклонности Советского правительства, стоявшего на позициях ялтинских решений, предусматривающих лишь реконструкцию Временного правительства, которое фактически осуществляло власть в Польше.

Громадное значение для повышения авторитета и укрепления международного положения Временного правительства имело заключение Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и Советским Союзом 21 апреля 1945 г.⁴¹ Договор свидетельствовал о коренном переломе в отношениях между Польшей и Советским Союзом. Был положен конец прежним отношениям неприязни и открытой враждебности, выгодных лишь немецкому империализму. Реализуя постулаты, провозглашенные польской левицей, польскими коммунистами, ППР, Договор явился результатом польско-советского братства по оружию, сложившегося в ходе общей борьбы против фашистских захватчиков. Он был реальной преградой возрождению агрессии немецкого империализма, незыблемой основой подлинной независимости и суверенитета Польши, гарантией безопасности ее границ по Одре и Нисе-Лужицкой. Этот договор являлся первым и самым важным из договоров, связавших прочными узами Польшу со странами социалистического лагеря.

12—15 января 1945 г. началось наступление Советской Армии, целью которого являлось освобождение всех польских земель и перенесение военных действий на территорию Германии. Темп наступления был необыкновенно стремителен. 17 января была освобождена Варшава, 19 января — Лодзь и Краков, 26 января части 1-го Белорусского фронта сражались уже на Любушской земле, а в начале февраля форсировали Одру в районе Кюстрина.

К концу марта Советской Армией и сражавшимся бок о бок с ней Войском Польским были освобождены все польские земли за исключением Судетского предгорья, полуострова Хель и Вроцлава. Освобожденные в 1945 г. территории были несравненно богаче, более индустриализованы и заселены чем «Люблинская Польша»: Силезия с большими запасами угля и относительно высокоразвитой металлургической, металлообрабатывающей и химической промышленностью, г. Лодзь и Лодзинский округ один из самых крупных в Европе центров текстильной промышленности, Варшавский промышленный район с крупными предприятиями льняной промышленности в Жирардове и металлообрабатывающей в Урсусе, а также промышленные центры в Кракове, Познани, Тешинской Силезии,

⁴⁰ «Współpraca międzynarodowa w latach 1941—1945». Warszawa, 1954, s. 51—52.

⁴¹ «Sprawa polska w czasie II wojny światowej. . .», s. 724—729.

Поморье и т. д., Познанское и Поморское воеводства — районы с высоко-развитым сельским хозяйством.

На освобожденной в 1945 г. территории находилось основное ядро рабочего класса, связанное уже много десятилетий с революционным рабочим движением. Правда, рабочий класс в годы оккупации понес большие потери, однако его кадры сохранились. В крупных промышленных центрах коммунисты еще до войны пользовались значительным влиянием. Во многих городах серьезную роль играла ППС. Это облегчало демократическому лагерю восстановление политической и экономической жизни страны. Эта деятельность особенно усилилась после окончания военных действий, когда стало возможным привлечь больше людей и материальных средств.

Построение новой Польши, укрепление народной власти происходило в обстановке острой политической борьбы, в отдельных случаях — и вооруженной борьбы с силами реакции. На международной арене авторитет польского эмигрантского правительства явно упал, ослабло его влияние и в самой Польше. 24 ноября 1944 г. Миколайчик и другие представители СЛ вышли из «лондонского» правительства, а 30 ноября ушел из эмигрантской Рады пародовой ее председатель Станислав Грабский. После длительных переговоров и торгов премьер-министром эмигрантского правительства стал старый деятель правящей ППС Томаш Арцишевский. Проводимая правительством политика непримиримой враждебности к СССР вызывала резкую критику даже со стороны английской буржуазной прессы.

Усиливавшийся кризис «лондонского» лагеря сопровождался обострением политической и особенно вооруженной борьбы. После официального роспуска АК в январе 1945 г. вооруженные действия вели делегатура вооруженных сил, созданная весной 1945 г., а после ее роспуска с сентября этого же года — военно-политическая организация «ВиН» (Вольность и Неподлежность), а также эндецкое подполье — НСЗ и НЗВ.

Характеризуя достижения народной власти в первые годы ее существования, можно указать на принципиальные изменения в политической жизни страны, огромные сдвиги в расстановке сил в пользу демократического лагеря. Укрепился и расширился Национальный демократический фронт. Его целью было проведение основных социальных преобразований и коренное изменение старой, пагубной для Польши внешней политики, установление союза с СССР и с международными прогрессивными силами. Это не означало отказа ППР от своих основных целей, т. е. от строительства социализма, а являлось своеобразным компромиссом, целью которого было объединение усилий политических партий и организаций с разными традициями и программами, совместно борющихся за построение демократической Польши. Это единство действий демократических партий было необходимо для привлечения к строительству новой Польши не только рабочего класса, но и большинства национальных сил, способных разгромить отечественную реакцию.

В первый период своей деятельности народная власть реализовала прежде всего демократические задачи, такие как освобождение и объединение польских земель, раздел помещичьей земли, ликвидация военной разрухи. Последовательно демократическое, революционное осуществление этих задач — невозможное при буржуазном правительстве — было противоположно интересам помещиков и крупной буржуазии. Это определяло глубоко демократический, народный характер преобразований, совершавшихся в Польше.

В своей большой положительной и конструктивной деятельности народное государство не избежало ряда недочетов и ошибок. Одной из

важных ошибок являлось в начальном периоде не совсем правильное отношение к правам людовцам, остававшимся в подполье, и особенно к бывшей АК, в частности, непризнание их значительного вклада в борьбу с немецкими оккупантами. Пленум ЦК ППР в мае 1945 г. решительно выступил против всяких проявлений сектантства и догматизма, но ошибки этого рода еще сильнее проявились в последующий период, т. е. в 1949—1955 гг.

Изменение международного положения, окончание войны с Германией, создание в апреле 1945 г. Организации Объединенных Наций на конференции в Сан-Франциско (без участия Польши), наконец, заинтересованность США и Великобритании в участии Советского Союза в войне с Японией побуждали западные державы к более гибкой политике в польском вопросе. Они усилили нажим на Миколайчика, считавшегося «человеком Великобритании». Он заявил о признании им решений Ялтинской конференции по польскому вопросу⁴².

17—21 июня 1945 г. в Москве состоялись переговоры между представителями Временного правительства, с одной стороны, и демократическими и либерально-буржуазными деятелями в эмиграции и в Польше, с другой. Основы соглашения были выработаны комиссией в составе В. Гомулки, В. Керника и С. Швальбе. 21 июня Комиссия приняла решение: 1) включить в президиум КРН Винцента Витоса из Польши и Станислава Грабского из-за границы; 2) ввести в состав Правительства национального единства Владислава Керника и Чеслава Выцеха из Польши и Станислава Миколайчика, Яна Станьчика и Мечислава Тугутта из эмиграции; 3) пригласить к участию в политической жизни страны ряд деятелей из эмиграции⁴³.

Соглашение, достигнутое в Москве, было одобрено Комиссией трех держав. 28 июня КРН сформировала Временное правительство национального единства. В его состав вошли 7 представителей ППР (формально 6, так как министр национальной обороны считался беспартийным), 6 — ППС, 6 — людовцев (в том числе 4 из группы Миколайчика) и 2 из СД. Председателем Совета министров стал Э. Осубка-Моравский, заместителями председателя — В. Гомулка (ППР) и С. Миколайчик (СД).

То, что Миколайчик и его сторонники вошли во Временное правительство национального единства, позволило буржуазным элементам оказывать влияние на некоторые области жизни в стране, дало возможность легально действовать группам и организациям, находившимся до сих пор в подполье. Положительных сторон его образования было, однако, несравненно больше.

Создание Правительства национального единства значительно укрепило международное положение польского народного государства. Оно было официально признано Англией, США, Францией и другими государствами антигитлеровской коалиции и некоторыми нейтральными государствами. Это полностью подорвало позиции польского эмигрантского правительства в Лондоне, которое продолжали признавать лишь Ватикан, фашистская Испания, Ирландия, Ливан и крайне реакционное в то время правительство Кубы.

Борьба за создание основ возрожденного польского государства завершилась с образованием Временного правительства национального единства, что предопределило роль и место народной Польши на международной арене. На конференции в Потсдаме были установлены западные границы Польши; был заключен договор о границе между Польшей и

⁴² «The Times»; «Dziennik Polski i Dziennik Żołnierza», 17 IV 1945.

⁴³ «Takie były początki». Warszawa, 1965, s. 273—275.

СССР 16 августа 1945 г.; 16 октября 1945 г. Польша подписала Устав Организации Объединенных Наций в качестве члена-учредителя ООН.

Создание Временного правительства национального единства имело также важное значение для внутренней стабилизации в стране и укрепления народной власти, для дальнейшей нормализации политической и экономической жизни в Польше.

Правда, приезд Миколайчика в Польшу повлек за собой вначале активизацию элементов, враждебно или недоброжелательно настроенных к революционным преобразованиям, проведенным в Польше демократическим лагерем, но, одновременно, дал возможность обществу более непосредственно сопоставить политические взгляды и концепции реакционного лагеря с его деятельностью, что облегчило разоблачение его подлинных целей.

Образованием Временного правительства национального единства и установлением границ закончился первый этап строительства народной Польши. Был создан аппарат новой, народной власти, хозяйственной администрации, были определены перспективы дальнейшего развития страны.

ФАНИ МИЛКОВА

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В БОЛГАРИИ В 1924—1944 гг.

Проблема разоблачения фашизма ставится особенно остро сегодня в связи со стремлением реакционных сил в ряде капиталистических стран возродить фашистскую теорию и практику.

Чтобы полностью раскрыть крайне реакционную сущность фашизма, представляющего собой сложное и многостороннее явление, необходимо проанализировать все его стороны. Вот почему наряду с экономической, политической и идеологической сторонами фашизма очень важно исследовать и его правовую сторону, т. е. характер государственного механизма, законодательства и правосудия в различные периоды фашистского мракобесия.

Владимир Ильич Ленин еще в 1910 г. писал, что буржуазная законность в период империализма превращается в серьезную помеху и для господствующего класса, создавшего ее. Этот период — период революционных битв характеризуется «...растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности!»¹. Эта открытая Лениным закономерность в развитии буржуазного права и буржуазной законности ярче всего проявляется в чрезвычайном уголовном законодательстве, особенно во время фашистских режимов.

Фашистские правительства стараются не вводить новые уголовные кодексы, их внимание направлено прежде всего на так называемые политические преступления, на обуздание революционного движения. А для этой цели гораздо удобнее принятие чрезвычайных законов².

В период с 1924 по 1944 год и в фашизированном болгарском буржуазном государстве было издано множество чрезвычайных законов. Эти законы имели целью сдерживать подъем революционного движения и легализовать внесудебную расправу с прогрессивными силами болгарского народа.

Наиболее реакционным из всех чрезвычайных уголовных законов указанного периода являются Закон о защите государства и последующие законы о его изменениях.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16.

² См. Б. С. Утевский. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950, стр. 289. Сама сущность чрезвычайного законодательства, как открытого отказа от относительно демократических форм парламентского государства и элементарных гражданских прав, доказывает его несовместимость с системой буржуазной демократии. Чрезвычайное законодательство не гарантирует, а упраздняет ее. См. «Чрезвычайное законодательство ФРГ», М., 1970, стр. 7.

Кровавый террор болгарской фашизированной буржуазии после переворота 9 июня 1923 г. и особенно после подавления вооруженного антифашистского восстания в сентябре 1923 г. не сломил сопротивления болгарского народа. Несмотря на жестокую расправу с повстанцами (без суда и следствия было убито свыше 20 000 антифашистов, десятки тысяч брошены в тюрьмы и казармы, временно превращенные в тюрьмы), результаты проведенных в ноябре 1923 г. парламентских выборов показали, что болгарский народ не примирился с фашистским режимом.

Фашистское правительство Александра Цанкова хорошо понимало, что антифашистское движение не подавлено, что деятельность его руководителя — Болгарской коммунистической партии (хотя и объявленной вне закона) представляет угрозу для существующего режима. Чтобы подавить всякую антифашистскую борьбу и воспрепятствовать легализации Болгарской коммунистической партии и распространению коммунистических идей в Болгарии, правительство Александра Цанкова прибегло к введению чрезвычайного уголовного законодательства, проведя через Народное собрание в январе 1924 г. пресловутый Закон о защите государства. Закон запрещал «всякие организации, группы или их ответвления, проповедующие запрещенные идеи или подстрекающие к насильственному изменению установленного конституцией государственного и общественного порядка, или к насильственному захвату власти» (ст. 1)³. Предусматривались строжайшие наказания за создание таких организаций или участие в них, за поддержку их средствами и помощью даже только советами, за укрытие или изготовление оружия, за призывы к «бунту» или за организацию такового в армии, жандармерии и полиции, за распространение подпольной литературы. Согласно этому закону, дела должны были рассматриваться в ускоренном порядке и подлежали только кассационному обжалованию.

Сразу же после утверждения Закона о защите государства суды царской Болгарии провели многочисленные политические процессы. А в апреле 1924 г. Верховный кассационный суд на основании этого закона объявил о роспуске Болгарской коммунистической партии, Партии труда, Коммунистического союза молодежи, Всеобщего рабочего профессионального союза и Рабочей кооперации «Освобождение». Было конфисковано имущество этих организаций.

В этот период кровавого террора Закон о защите государства дважды подвергался изменениям и дополнениям. Ряд новых деяний объявлялся преступным; были увеличены сроки тюремного заключения и размер штрафов, а также расширялось число деяний, за которые предусматривалась смертная казнь. Дополнение к цитированной выше ст. 1 гласило: «...запрещаются и те организации или группы, которые деньгами или иными средствами помогают перечисленным выше организациям или группам». Если первоначальный текст ст. 2 за членство в запрещенных организациях предусматривал строгое тюремное заключение сроком до пяти лет и штраф в размере до 50 000 левов, то после дополнения ст. 2 предусматривала строгое тюремное заключение от пяти до десяти лет и штраф от 50 000 до 200 000 левов.

Нужно отметить, что после изменений Закона о защите государства в 1925 г. число неопределенных формулировок Закона особенно увеличилось, что предоставляло новые возможности для широкого толкования и произвола. Это видно, например, по началу ст. 16: «Если организация или группа, о которых шла речь в ст. 1 настоящего Закона, организует мятеж, бунт или террористические действия, убийство или к а к о е - н и

³ Текст ст. 1 цитирован по редакции Закона о защите государства от 1925 г.

будь другое опасное для общества преступление...». Военно-полевые суды наиболее часто применяли эту статью именно потому, что она давала простор для ее широкого толкования. Согласно ст. 16 смертный приговор мог быть вынесен всем членам данной раскрытой организации Болгарской коммунистической партии, если даже какое-либо одно звено партии приступило к осуществлению одного из действий, перечисленных в Законе о защите государства: мятеж, бунт и др. Судебные органы не считали нужным выяснять личное отношение члена партийной организации к указанным действиям. Достаточно было того, что он являлся членом организации. По закону все члены организации несли не только личную, но и коллективную ответственность ⁴.

Если до изменений, внесенных в апреле 1925 г., укрытие лиц, совершивших преступления, согласно этому закону, наказывалось тюремным заключением сроком до пяти лет, то после их принятия военно-полевые суды произвольно начали применять абзац II ст. 13 Закона. При этом часто Закон о защите государства применялся вместе с изданным еще в 1922 г. для совсем других, чисто уголовных случаев, Законом об искоренении разбойников, предусматривающим публичное приведение в исполнение смертного приговора. Так, Шуменский военно-полевой суд вынес приговор № 159 от 2 июня 1925 г., по которому осуждались 13 человек. Один из них — Тодор Плачков был приговорен к публичной смертной казни через повешение (и к пожизненному лишению гражданских и политических прав) на основании ст. 12 Закона об искоренении разбойников, абзаца II ст. 13, ст. 17 и абзаца III ст. 22 Закона о защите государства и ст. 60 и 61 Уголовного кодекса ⁵.

После апреля 1925 г. военно-полевые и общие судебные органы еще шире применяют Закон о защите государства и выносят многочисленные смертные приговоры. Массовые процессы следуют один за другим ⁶. По делу № 268, рассматриваемому Шуменским военно-полевым судом 18 июня 1925 г., было привлечено 452 человека, многие из которых были приговорены к смертной казни. По делу № 299, рассматриваемому Варненским военно-полевым судом 5 июля 1925 г., было привлечено 118 человек и вынесен 31 смертный приговор ⁷.

Часто военно-полевые суды выносили чрезвычайно тяжкие приговоры, не соответствующие совершенному деянию. Приговором № 138 от 18 мая 1925 г. Витан Ковачев из деревни Долна Манастирица на основании ст. 6 и 19 Закона о защите государства был приговорен к трем с половиной годам строгого тюремного заключения, штрафу на сумму 70 000 левов и лишению прав на пять лет только за то, что 20 апреля 1925 г. в кабаке Христо Димитрова он высказал сожаление о том, что покушение на царя Бориса на Арабаконашском перевале не удалось ⁸.

В апреле 1933 г. был издан так называемый Закон о борьбе с преступлениями против личной и общественной безопасности ⁹. Цель его — дополнить Закон о защите государства, что явствует из политической направленности статей, определявших, какие лица имеют право ввозить

⁴ См. П. К и р а н о в. Борбата с политическите престъпления. Закона за защита на държавата. София, 1925, стр. 31 и сл.

⁵ Централен военен исторически архив (ЦВА), ф. 991, оп. 1, д. 67, стр. 76-б.

⁶ В этот период Закон о защите государства широко использовался для подавления не только политической, но и экономической борьбы трудящихся. Он применялся как для подавления стачек, так и для репрессий против участников забастовок и их семей.

⁷ ЦВА, ф. 991, оп. 1, д. 67, стр. 98-б.

⁸ Там же, стр. 22.

⁹ См. «Сборник на действащите съдебни закони в Царството (1878—1942)», ч. II. София, 1942, стр. 139, 433.

и хранить оружие, а также торговать им¹⁰. Это видно также из антидемократического характера ст. 22, 23, 39 и 42, направленных на предотвращение демонстраций, являющихся массовыми формами народного протеста¹¹.

Два месяца спустя Указом № 326 от 27 июня 1933 г. был утвержден новый чрезвычайный закон — так называемый Закон о дополнениях к Закону о борьбе с преступлениями против личной и общественной безопасности. В нем предусматривались новые суровые меры, целью которых было подавление вооруженной борьбы. В § I нового закона-дополнения предусматривался смертный приговор даже за «попытку лишить кого-либо жизни». Предусматривалась смертная казнь и для «сообщников», если они непосредственно и не участвовали в совершении деяния. От смертного приговора не освобождались даже несовершеннолетние¹².

После фашистского переворота 19 мая 1934 г. текст ст. 22 Закона о защите государства снова был изменен таким образом, что возможность апелляции и замены смертной казни другими наказаниями крайне ограничивалась. Был также издан ряд реакционных законов, направленных на переустройство государственного и судебного аппарата по фашистскому образцу. Вслед за Законом о запрещении партийно-политических организаций от 12 июня 1934 г.¹³ был издан Закон о защите безопасности государства от 1 сентября 1934 г.¹⁴, которым запрещались все политические партии и организации и предусматривались меры по чистке государственного аппарата от негодных фашистскому режиму лиц. Согласно ст. 10 этого закона, всякий «кто сознательно назначает или держит на службе лиц, о которых известно, что они являются членами запрещенных этим законом организаций, групп или их отделений, приговаривается к тюремному заключению». Как в Законе о борьбе с преступлениями против личной и общественной безопасности, так и в этом законе предусматривается ускоренная судебная процедура: одно лишь кассационное обжалование без апелляции и одна — единственная мера пресечения — содержание под стражей¹⁵.

В период второй мировой войны и вооруженной антифашистской борьбы болгарского народа характер чрезвычайного уголовного законо-

¹⁰ Согласно пунктам «д» и «е» ст. 2 закона разрешение на ввоз или торговлю огнестрельным оружием дается лицам, имеющим удостоверение, что данное лицо не является членом партии или организации, которые для достижения своих целей прибегают к террору, террористическим или насильственным методам и действиям.

¹¹ Ст. 22. Демонстрации или манифестации под открытым небом могут происходить только после получения предварительного разрешения местной полиции. С этой целью не позже чем за 48 часов до начала демонстрации подается письменное заявление.

Ст. 23. Неразрешенные и запрещенные демонстрации и манифестации, о которых шла речь в ст. 22, разгоняются полицией.

Ст. 39. Лицо, даже имеющее разрешение на хранение оружия, если оно имеет его при себе на собрании, во время демонстрации, манифестации и т.п., приговаривается не менее чем к шести месяцам тюрьмы и штрафу в 20 000 левов, оружие при этом конфискуется.

Ст. 42. Листовки, плакаты, лозунги и др., изданные в связи с запрещенными демонстрациями или манифестациями, конфискуются по приказу прокурора областного суда. До получения такого приказа полиция принимает меры к прекращению и предотвращению их распространения.

¹² См. «Сборник на действащите съдебни закони ...», стр. 445 и сл.

¹³ Там же, стр. 537.

¹⁴ Там же, стр. 551.

¹⁵ Закон о сохранении моральной и материальной силы армии от июня 1936 г. ставил целью превратить армию в слепое орудие фашистского правительства и монарха, а законами от июня 1934 г. и от апреля 1938 г. устанавливается строгая цензура. (См. тексты этих законов: «Сборник на действащите съдебни закони. . .», стр. 499, 561, 563.)

дательства носили многие статьи Закона о реквизиции, Закона об обеспечении снабжения и о регулировании цен, антисемитского Закона о защите нации¹⁶ и Закона о гражданской мобилизации¹⁷.

Закон об обеспечении снабжения и о регулировании цен представляет собой неудачную попытку фашистского правительства Болгарии преодолеть трудности в снабжении населения, вызванные огромными масштабами вывоза продовольствия в Германию, неимоверным ростом расходов болгарского фашистского государства на военные цели и на содержание немецких войск. Законом о гражданской мобилизации регламентировалось государственное руководство национальной экономикой по фашистскому образцу. В нем предусматривались чрезвычайные меры, ограничивающие свободу собраний, создания разных обществ, антифашистской пропаганды, а также более строгая цензура печати и переписки.

В 1941 и 1945 гг. были внесены самые значительные изменения в Закон о защите государства. Существовавшие чрезвычайные уголовные законы, в том числе и Закон о защите государства со всеми его дополнениями, были не в состоянии сломить революционную борьбу. По Закону об изменении и дополнении Закона о защите государства, опубликованному 12 сентября 1941 г.¹⁸, прибавилось еще 15 новых статей и во всех прежних статьях были приведены изменения в самом реакционном духе.

Согласно новым изменениям наказанию подлежали и самые незначительные деяния, которые каким-либо образом могли угрожать существующему фашистскому режиму. Установливалось неслыханное несоответствие между совершенными деяниями и жестокими наказаниями, которые предусматривались за них. Согласно ст. 16 «г», за распространение листовок, писем, прокламаций, за сообщение какого-нибудь факта, сочинение лозунга или только за изображение какого-нибудь знака, мог последовать смертный приговор в случае, «если это сделано двумя или большим числом лиц». Так, гражданин Васил Ефтимов приговором № 359 от 14 октября 1941 г. на основании ст. 16 «г» был приговорен к строгому тюремному заключению на шесть лет восемь месяцев и к штрафу в размере 175 000 левов за то, что 23 сентября 1941 г. высказал в кафе Александра Велчева в городе Кюстендил мнение, что «Россию никогда не победят, Россия выиграет войну»¹⁹.

В 1941 г. была изменена ст. 20 Закона о защите государства, которая нанесла удар по прогрессивной болгарской интеллигенции. Согласно этой статье, за поддержку коммунистических и антигосударственных идей государственного служащего могли уволить в административном порядке, лишить его права участвовать в выборных органах и передать его дело прокурору для дальнейшего расследования.

В соответствии с этой статьей министерство внутренних дел разослало 17 сентября 1943 г. «срочное секретное письмо» областным директорам, директору полиции и кметам, обязывая их собрать сведения о молодых людях, «...которые уже являются студентами университета имени свя-

¹⁶ Названия первых трех разделов Закона о защите нации ясно показывают его политическую направленность, а именно: раздел I — «О тайных и международных организациях»; раздел II — «О лицах еврейского происхождения»; раздел III — «Об антинациональных и подозрительных действиях». Согласно ст. 49 Закона о защите нации, «по делам, подсудным областным судам . . . , заведенным в соответствии с этим Законом, предварительное следствие не проводится». «Областной суд рассматривает дела не позже чем через две недели после поступления обвинительного акта». «Приговор областного суда подлежит только кассационному обжалованию».

¹⁷ См. их тексты: «Сборник на действащите съдебни закони. . . », стр. 473, 489, 503, 521.

¹⁸ «Държавен вестник», № 92, 12 IX 1941.

¹⁹ ЦВА, ф. 298, оп. 1, д. 8, стр. 118.

того Климента Охридского и других наших высших учебных заведений, как и тех, которые станут студентами в учебном 1943/1944 г., и чья политическая благонадежность с точки зрения Закона о защите государства вызывает сомнения. Лица, о которых будут представлены неблагоприятные сведения, не будут приняты в университет и другие высшие учебные заведения»²⁰.

В изменениях Закона о защите государства от 1941 г. предусматривалось применение того же наказания (включая и смертную казнь) не только за совершение объявленных преступными деяний, но и за попытку их совершения, за соучастие и укрывательство лица, совершившего деяние. Почти во всех статьях Закона о защите государства предусматривается смертная казнь, которая согласно ст. 22 может быть приведена в исполнение публично.

Период 1941—1944 гг. — период наиболее широкого применения Закона о защите государства фашистскими судами. Политические процессы следовали один за другим и проводились в наиболее краткие сроки²¹. Во время предварительного следствия в полиции арестованных подвергали жестоким пыткам. Вот что писал герой-антифашист Антон Иванов в одном из своих предсмертных писем семье: «Пережил неопишуемые физические и моральные пытки, на некоторое время потерял дар речи, была парализована вся правая сторона тела ... Уже неделю продолжается процесс, который продлится, видимо, еще дней десять. Результат его для большинства из нас ясен. Закон, который фашистское правительство мракобесов создало для дел, подобных нашему, предусмотрел все и лишен разнообразия: для всех и для каждого только одна санкция, самая крайняя и самая тяжелая, какая может существовать в условиях фашистского мракобесия ... Все здесь ожидают и встретят суровый приговор твердо и спокойно, если в существующей обстановке кто-то боится и дрожит, так это только наш враг. Я не завидую его временному господству»²².

Но и чрезвычайные меры оказались недостаточными для распясавшихся фашистских бандитов. В 1943 г. фашистское правительство навязало послушному парламенту новое изменение Закона о защите государства, которым была уничтожена возможность замены для несовершеннолетних смертной казни тюремным заключением. Это изменение развязало руки фашистским властям, и они начали вешать и расстреливать и несовершеннолетних юношей и девушек. Но, по сути, они делали это и до изменения Закона о защите государства. Примером этого является случай с несовершеннолетним Петром Д. Киряковым из деревни Штрыклево Русенского округа, расстрелянным в Центральной софийской тюрьме 28 января 1943 г. В обвинительном заключении Софийского военно-полевого суда по уголовному делу № 1156 Петра Кирякова и остальных 11 обвиняемых, рассмотренному 14—26 января 1943 г., особо подчеркивается, что обвиняемые привлекаются к ответственности на основании ст. 16 и 17 этого же закона за то, что с начала 1942 г. до конца октября того же года в условиях военного времени создавали на промышленных и других предприятиях Софии группы рабочих, которые ставили своей целью

²⁰ О. В а с и л е в. Взоружената съпротива срещу фашизма в България. София, 1946, стр. 159.

²¹ Архивы военно-полевых судов содержат многочисленные свидетельства о том, что, начиная с 1940 г., эти суды занимались исключительно политическими процессами, применяя Закон о защите государства и другие чрезвычайные законы. Многие из процессов были массовыми с 50, 100, 150 и более обвиняемыми. (См. ЦВА, ф. 298, оп. 1).

²² «Последната им дума» (сборник). София, 1948, стр. 99 и сл.

«насильственный захват власти в Царстве и замену установленного строя правительством большевиков путем насилия и убийств»²³.

В отношении же Петра Кирякова и Йордана Маркова в обвинительном акте было сказано, что «они привлекаются к ответственности по ст. 16 „а“ Закона о защите государства и ст. 51 Уголовного кодекса, а также ст. 17 и ст. 19 этого же закона за поджог бумажного склада на ул. Ополченской, 7 в Софии, а также за убийство полицейского С. Дамянова». В конечном счете несовершеннолетнему Петру Д. Кирякову на основании указанных выше статей и ст. 1 Закона о борьбе с преступлениями против личной и общественной безопасности, а также ст. 36 Уголовного кодекса был вынесен смертный приговор, который был немедленно приведен в исполнение. В предсмертных письмах своей подруге Доре и матери Петр Киряков пишет: «...Я первый несовершеннолетний, которому вынесен смертный приговор, который приведут в исполнение эти палачи; Гордись, дорогая мама, что твой сын погиб еще и потому, что не захотел склонить головы перед кровавым фашизмом... Не плачь, родная, ведь ты знаешь, что я ничего не украл, а боролся и умираю за великое дело»²⁴.

Наряду с «законными» судебными репрессиями, фашистские головорезы применяли и широкую внесудебную расправу с борцами-антифашистами и прогрессивно настроенными слоями населения. Она принимала самые различные формы. Нередки, например, случаи расстрела антифашистов во время инсценированной «попытки к бегству». Так, 23 сентября 1923 г. после неслыханных истязаний в бараках, сделанных из листового железа, недалеко от порта г. Варны, был выведен на улицу и убит при «попытке к бегству» коммунист Димитр Кондов²⁵. Также «при попытке к бегству» были убиты жители деревни Храбырско Станко Миланов, Огнян Лозанов и Георгий Атанасов, обвиненные в повреждении телефонной линии между Сливницей и Банкя²⁶.

В период с 1924 по 1944 г. тысячи борцов за свободу были физически уничтожены без всякого суда или сосланы в концентрационные лагеря.

Фашистское правительство щедро награждало убийц. Только за 1943—1944 гг. фашистским головорезам было роздано в виде «награды» за убитых борцов-антифашистов 62,8 млн. левов.

В чрезвычайном законодательстве Болгарии проявилась открытая Лениным общая закономерность государственно-правового развития капиталистических стран в эпоху империализма, состоящая в том, что империалистическая буржуазия не в состоянии вынести бремя созданной ею самой законности, разрушает ее, переходит к открытому террору и внесудебной расправе, стараясь в некоторой степени прикрыть и легализовать их путем введения чрезвычайного уголовного законодательства.

²³ ЦВА, ф. 298, оп. 1, д. 8, стр. 346-6.

²⁴ «Последната им дума», стр. 143, 146.

²⁵ См. Б. П о п о в. Буревестни времена. София, 1970, стр. 36.

²⁶ См. О. В а с и л е в. Там же, стр. 504.

М. И. КОПАШЕВА

АНТИМИЛИТАРИСТСКАЯ БОРЬБА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ

Антимилитаристская борьба являлась важной составной частью деятельности партий III Интернационала. Из 21 условия приема в Коминтерн 4 непосредственно касались политики коммунистических партий в отношении буржуазной армии. «Долг распространения коммунистических идей включает в себя особенную необходимость настойчивой систематической пропаганды в войсках. Там, где эта агитация запрещена исключительными законами, она должна проводиться нелегально», — говорилось в 4-м пункте условий¹. Основной контингент рядового состава вооруженных сил составляла молодежь. Поэтому Коммунистический Интернационал молодежи рассматривал антимилитаристскую борьбу как одну из своих первоочередных задач². Главным содержанием антимилитаристской деятельности прогрессивных молодежных организаций Чехословакии была агитационная и пропагандистская работа по революционизированию буржуазной армии.

Мировая империалистическая война и развал Австро-Венгерской империи, на территории которой образовался ряд самостоятельных государств, в том числе Чехословакия, оказали влияние на радикализацию молодежи и усилили ее антимилитаристские настроения. Политическая активность прогрессивных молодежных организаций развивалась под непосредственным воздействием идей Великой Октябрьской социалистической революции. Социал-демократическая молодежная организация Кладно в числе первых в революционном движении Чехословакии поддержала лозунг солдатских Советов в армии. В принятом на краевой конференции молодых социал-демократов (Раковник, 21 сентября 1919 г.) Манифесте к молодежи Чехословацкой республики выдвигалось требование вооружения пролетариата и создания Советов в армии³.

Молодежь с большим вниманием следила за планами создания чехословацкой армии. После принятия парламентом весной 1920 г. законопроекта об организации регулярной кадровой армии⁴ по всей стране состоялись антимилитаристские митинги, на которых молодые левые социал-демократы и социалисты обоснованно отмечали сходство чехословацкого закона о воинской повинности со старым австрийским законом

¹ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг.», М., 1933, стр. 101.

² «Интернационал молодежи», 1920, № 3; 1921, № 4, 1923, № 2.

³ «Ohlas Velké Říjnové socialistické revoluce v Československu. Sbornik dokumentů». Praha, 1957, s. 176—177.

⁴ «Sbírka zákonů a nařízení Republiky Československé». Praha, 1920, č. 193.

и выражали решительный протест против любой попытки использования чехословацкой армии в империалистических целях.

Вопрос об отношении к чехословацкой армии был одним из основных вопросов, по которым проходило размежевание в социал-демократическом молодежном движении. В опубликованных газетой «Млады социалиста»⁵ статьях разъяснялась позиция левых, выступавших против использования армии в классовых интересах буржуазии. Земские власти доносили центральным государственным органам об активной антимилитаристской пропаганде левой социал-демократической молодежи⁶. Не случайно «Млады социалиста» была первой в Чехословакии газетой, подвергшейся конфискации. В июле 1920 г. был запрещен цензурой ее 43-й номер из-за помещенных в нем материалов антимилитаристского характера. Молодежная газета «Омладина» (Пльзень), ставшая рупором правых социал-демократов, публиковала статьи, выдержанные в духе официальной пропаганды, использовавшей патриотические чувства чешского народа.

Антимилитаристская борьба революционной молодежи Чехословакии развивалась на международной основе. С осени 1920 г. молодые левые социал-демократы чешской и немецкой национальности организовали совместные антимилитаристские выступления под лозунгами КИМ в Брно, Остраве, Теплице и в других городах⁷. Характерным для позиции революционной молодежи в отношении к чехословацкой армии было заявление, сделанное на митинге молодых чешских и немецких социал-демократов 1 августа 1920 г. в Брно: «Двухлетний опыт существования Чехословацкой республики нам ясно показывает, что она используется Антантой в качестве плотины против надвигающейся с востока волны всемирной революции. Мы усматриваем в чехословацком милитаризме орудие реакции, против которого обязан бороться социалистический пролетариат и в первую очередь социалистическая молодежь»⁸.

Буржуазная и реформистская печать с националистических позиций упрекала молодежь в сотрудничестве с немецкими социал-демократами. В пограничных областях Чехословакии во время призывов в армию действительно имели место случаи отказа молодежи от военной службы⁹. Однако подобные националистические и пацифистские выступления не имели ничего общего с движением протеста революционной молодежи обеих национальностей против антинародной политики чехословацких правящих кругов. О революционном характере антимилитаристской пропаганды левой немецкой молодежи свидетельствовал митинг, состоявшийся 1 августа 1920 г. в Стржибрже. Молодые социал-демократы выступили на этом митинге с критикой изжившего себя пацифистского требования создать милицию и заявили, что антимилитаристскую пропаганду они рассматривают как средство разложения буржуазной армии — орудия буржуазного государства. В знак солидарности с Советской Россией и с революционным рабочим движением они призвали молодежь усилить антимилитаристскую пропаганду в армии¹⁰.

⁵ Центральный орган Чехословацкой социал-демократической молодежной организации.

⁶ Archiv kanceláři prezidenta Republiky (AKPR). PZSP — O, Týdenní hlášení o politické situaci ve Slezsku 1—8 VIII 1920; Statní archiv Brno (SAB), B 40, с. j. 6499/21; Закарпатский областной государственный архив (ЗОГА), ф. 29, оп. 3, л. 58, л. 8—14.

⁷ AKPR. Ibid., 29 VIII—5 IX 1920; «Mladý dělník», 15 IX 1920; «Интернационал молодежи», 1921, № 6—7.

⁸ «Mladý socialista», 12 VIII 1920.

⁹ AKPR. Týdenní zpráva o politické situaci ve Slezsku. 30 V — 6 VI 1920; «Souhrnná týdenní hlášení Prezidia zemské správy politické v Praze o situaci v Čechách 1919—1920». Praha, 1959, s. 244.

¹⁰ «Boj o směr vývoje Československého státu. Dokumenty», díl II, Praha, 1969, s. 235—236.

Разоблачение революционной молодежью чехословацкого милитаризма сочеталось с ее борьбой в защиту Советской России. Весной 1920 г. Исполнительный комитет КИМ обратился с воззванием к рабочей молодежи Чехословакии выступить против участия чехословацкого правительства в антисоветских планах Антанты¹¹. Молодежь активно участвовала в движении протеста чехословацких трудящихся против помощи буржуазно-помещичьей Польше, напавшей на первую страну социализма. «Мы предупреждаем тех, кто решает вопросы войны и мира в Чехословацкой республике, — говорилось в резолюции антимилитаристского митинга пражской молодежи (1 августа 1920 г.), — не рассчитывайте на нас в войне с Россией»¹². Левая социал-демократическая молодежь использовала впервые проводившийся в Чехословакии Международный день молодежи (5 сентября 1920 г.) для антимилитаристской агитации и пропаганды идей III Интернационала¹³.

Коммунистический союз молодежи в Чехословакии, созданный в феврале 1921 г., воспринял лучшую традицию прогрессивного молодежного движения предшествующего периода — антимилитаристскую борьбу. «Наше движение боролось против двух форм милитаризма: против монархического австрийского и чехословацкого республиканского», — писала газета «Млады коммуниста», центральный орган коммунистической молодежной организации Чехословакии¹⁴.

В докладах министерства внутренних дел канцелярии президента республики и министерству обороны (апрель 1921 г.) об антимилитаристской деятельности революционных организаций отмечалась активная роль молодежи в проведении пропаганды в армии¹⁵. В циркуляре министерства по делам Словакии земским властям (май 1921) приведены тексты антимилитаристских листовок, распространяемых революционной молодежью. Большинство их адресовалось новобранцам¹⁶. «Ваше место рядом с пролетариатом, — говорилось в одной из листовок. — Не теряйте времени даром. Учитесь обращаться с оружием. Создавайте революционные организации в армии. Вы должны знать свои обязанности на тот случай, когда вас направят против бастующих рабочих, восставших крестьян, голодных женщин или русских братьев-рабочих»¹⁷. Именно антимилитаристская борьба немецкой революционной молодежи в Чехословакии явилась поводом для преследования ее организаций весной 1921 г.¹⁸

Помимо печатной пропаганды молодежные организации предприняли осенью 1921 г. попытку создать революционные группы в армии из призывников-коммунистов¹⁹. В материалах министерства внутренних дел, направляемых земским политическим управлениям в октябре — ноябре 1921 г. по поводу антимилитаристского движения в стране, выражалось опасение в связи с агитацией в армии солдат-коммунистов²⁰. С

¹¹ «Интернационал молодежи», 1920, № 3.

¹² «Mladý socialista», 19 VIII 1920.

¹³ «Интернационал молодежи», 1921, № 6—7.

¹⁴ «Mladý komunista», 1 VIII 1921.

¹⁵ Vojenský ústřední archiv (VÚA), VKPR, 1921, č. j. 1162/21.;

¹⁶ Statný slovenský ústřední archiv (SSUA), PR, MAT/159/1, č. 3066/21; č. 3478/21; Statní archiv Třeboň (SAT), OZP CB, pr. 15/7 1921; Archiv Ústavu dějin KSS (AÚD. KSS) 1/9/1/53/6,7,8; 1/10/III/3/12, 13.

¹⁷ SSUA, PR, Mat/159/1 č. 3066/21.

¹⁸ Ústřední archiv ministerstva vnitra (UAMV), PMV 1918—1924, 8/1/12/13, č. 20912; Statní archiv Orava (SAO), OÚ F, pr. 142/6 1921.

¹⁹ Об этом, в частности, говорилось в статье коммунистической газеты «Ровность» (Брно) от 2 X 1921 г., в конфискованном цензурой обращении «К новым рекрутам», помещенном в газете «Правда чешского запада», а также в статье конфискованного номера газеты немецкой молодежи «Юнге комунист». (AKPR. PZSP v Praze, 148 politická zprava o situaci 6—12 XI 1921).

²⁰ ЗОГА, ф. 29, оп. 3, д. 194, л. 159, 172, 174.

этого же времени власти начали судебные преследования революционных агитаторов²¹.

О влиянии революционной пропаганды в армии свидетельствовали результаты всеобщих выборов 1923 г., когда 16% рядового состава отдали свои голоса коммунистам. За социал-демократов, социалистов и народную (католическую) партию проголосовало по 7%, за каждую, а за аграриев еще меньше²². Правые политические круги выражали недовольство законом о всеобщем избирательном праве, предоставившем элементарные политические права солдатам. Начиная с 1921 г. министерство обороны и Союз чехословацкого офицерства неоднократно обращались к правительству с требованием лишить солдат избирательного права. В 1922 г. правительство предприняло попытку ограничить их политические права, предложив Национальному собранию законопроект о лишении солдат избирательного права на всеобщих выборах²³. Под лозунгом «аполитичности» армии военные власти всячески стремились оградить солдат от общественной жизни и от проникновения в армию революционных идей. Летом 1922 г. специальным распоряжением было запрещено всем лицам, находившимся на действительной военной службе, членство не только в Коммунистической партии, но и во всех примыкающих к ней массовых организациях. Это распоряжение было направлено против революционной Федерации рабочих физкультурных объединений (ФРФО), в которой состояло большое число военной молодежи²⁴.

Вопросы организации революционной работы в армии обсуждались при подготовке и в ходе работы II съезда Союза коммунистической молодежи Чехословакии (январь 1922 г.). В статье К. Михальца (Фишера) — одного из активистов чехословацкого молодежного движения, посвященной предстоящему съезду, говорилось о необходимости проведения революционными организациями Чехословакии планомерной работы в армии. Особое внимание уделялось организационному объединению революционных антимилиитаристских сил, необходимости создания единого центра для руководства антимилиитаристской борьбой²⁵. Материалы прессы и архивов государственного аппарата свидетельствуют о том, что основную часть революционной работы в армии выполняли молодежные организации. В циркулярах МВД земским политическим управлениям об антимилиитаристской пропаганде особое внимание обращалось на активную работу молодежных организаций среди призывников и новобранцев²⁶. Одной из основных форм работы среди военной молодежи были собрания, которые устраивались молодежными организациями во время очередного призыва в армию. На этих собраниях перед будущими солдатами выступали активисты партийных и молодежных организаций, разъяснявшие классовую сущность чехословацкой армии и необходимость ведения революционной пропаганды среди солдат. Коммунисты пропагандировали среди призывников единство интересов солдат и всех трудящихся, классовую солидарность и пролетарский интернационализм²⁷. 11 сентября 1922 г. ЦК КСМ разослал организациям циркулярное письмо, в котором содержались директивы о работе среди молодежи призывного

²¹ ЗОГА, ф. 63, оп. 1, д. 128, л. 166, 167; SAB, В 40, к. 340, ч. 1011/22; SAO, KSO, Vg. IX 331/22/23 40.

²² V. O l i v o v á. Politika československé buržoazii v l. 1921—1923. Praha, 1961, s. 106.

²³ «Tiskové záznamy o schůzích Poslanecké Sněmovny Národního Shromáždění CSR». Tisky 4259, 4677/X; «Za armádu lidu. Sborník dokumentů». Praha, 1960, s. 73—75.

²⁴ «Výboj», 15 VIII 1922.

²⁵ «Интернационал молодежи», 1922, № 5.

²⁶ ЗОГА, ф. 29, оп. 3, д. 201, л. 8. Там же, д. 194, л. 118; SAB, В 40, к. 346, ч. 10688 23.

²⁷ «Mladý komunista», 3 IX 1922, SAB, В 40, к. 343, ч. 11156/22.

возраста²⁸. В письме также сообщалось, что в ближайшее время ЦК придет для пропагандистов текст доклада о буржуазном милитаризме²⁹.

В двадцатых числах сентября центральным государственным органам стало известно, что руководство КСМ разослало организациям нелегально отпечатанный в листовках текст доклада для пропагандистов под названием «Милитаризм». «Учитесь стрелять, учитесь обращаться с оружием на тот случай, когда вас призовет революция, чтобы вы были готовы и не обманули надежд, которые пролетариат возлагает на вас, молодое поколение», — говорилось в тексте доклада³⁰. Этот документ власти использовали, как повод для запрещения коммунистической молодежной организации. Коммунистический союз молодежи был запрещен министерством внутренних дел 28 сентября 1922 г. на основании австрийского закона о союзах от 1867 г.³¹

Таким образом коммунистическая молодежь первой в Чехословакии испытала на себе действие буржуазной демократии.

Запрещение КСМ Чехословакии лишило деятельность молодежной организации легальной основы и тем самым затруднило проведение антимилитаристской работы. К тому же в рядах коммунистической молодежи возникли анархистские настроения, что проявилось в нелегально распространяемых листовках, призывавших молодых рабочих оказать вооруженное сопротивление буржуазному террору³².

Анархистские тенденции в антимилитаристской деятельности молодежи были подвергнуты критике со стороны руководства КПЧ на внеочередном съезде партии (1 апреля 1923 г.), а также на заседании уполномоченных партийных организаций по революционной работе в армии, проходившем 28 апреля в Кладно³³. В нелегально распространяемых директивах съезда об антимилитаристской работе, в частности, говорилось: «Нынешний капиталистический милитаризм нельзя разложить романтическим сумасбродством, так же как и тайными антимилитаристскими организациями»³⁴. Коммунистическая партия Чехословакии оказала помощь молодежи в переводе ее организаций на нелегальное положение³⁵. В декабре 1922 г. земские власти Чехословакии получали донесения с мест о том, что организационная сеть коммунистической молодежи продолжала существовать в измененной форме³⁶. Увеличившееся число нелегально распространяемых антимилитаристских материалов и тревожные донесения об этом властей весной 1923 г. свидетельствовали об активизации революционной пропаганды в армии. В марте 1923 г. коммунистическая молодежь Чехословакии участвовала в международной пропагандистской кампании борьбы против милитаризма и опасности империалистической войны, проводившейся по предложению III Конгресса КИМ³⁷. Разведывательный отдел Генерального штаба в донесении генеральному инспектору министерства обороны о революционной пропаганде в армии

²⁸ «Revolučna mladež Slovenska v boji o dnešok. Sbornik dokumentov (1918—1938)». Bratislava, 1957, s. 50, 51.

²⁹ SSUA, PR, Mat/159/1, č. 29519/D—22.

³⁰ ЗОГА, ф. 29, оп. 3, д. 202, л. 61.

³¹ АКРР. PZSP v Praze, 194 politická zpráva o situaci 24—30 IX 1922.

³² AŮD KSS, f. 1. Boj proti militarizmu. Sbírkka letaků.

³³ SAB, B 40, č 2078/23.

³⁴ ЗОГА, ф. 29, оп. 3, д. 251, л. 67.

³⁵ AŮD KSS, 1/10/II/2/2.

³⁶ SSUA, PR, Mat/159/1, č. 33904/D—22; AŮD KSS, 1/10/II/3/3. С июня 1923 г. коммунистические молодежные группы существовали как секции при местных организациях КПЧ.

³⁷ «Rude pravo», 16, 17 I, 21 II, 27 III 1923; «Komunistická mládež», 1923, č. 3.

(апрель 1923 г.) особо отметил пропаганду молодежи в гарнизонах Словакии³⁸.

Молодежные организации протестовали против принятия закона «Об охране республики», а также против намерения правых политических группировок лишить солдат избирательного права³⁹. Делегаты молодежи во время внеочередного съезда КПЧ провели самостоятельное совещание (которое известно как III съезд коммунистической молодежи) под лозунгом: «Коммунистическая молодежь в борьбе против реакции и империалистической войны»⁴⁰. В мае молодежные организации активно участвовали в движении протеста, возглавляемом КПЧ, против визита в Чехословакию французского реакционного политического деятеля маршала Фоша⁴¹.

Революционные события в Германии осенью 1923 г. создали благоприятные условия для проведения антимилитаристской пропаганды. Главной задачей коммунистического движения в соседних с Германией странах, в Чехословакии в частности, было оказать интернациональную помощь германскому пролетариату и прежде всего — воспрепятствовать интервенции против революции. 5 августа «Руде право» опубликовала «Обращение ко всем рабочим», в котором разъяснялась интернациональная обязанность чехословацкого пролетариата в отношении развивающейся революции в Германии. В передовой статье газеты от 2 сентября, посвященной IX Международному дню молодежи, особое внимание обращалось на значение интернациональной помощи германскому революционному рабочему классу. Коммунистическая молодежь активно включилась в движение солидарности с революцией в Германии. Основным политическим лозунгом, под которым прошел IX Международный день молодежи Чехословакии, был лозунг интернациональной солидарности с германскими революционными рабочими⁴². Общегосударственная конференция коммунистической молодежи (Прага, 3—4 ноября 1923 г.) приняла «Обращение к рабочей молодежи Чехословакии», в котором отмечалась связь революции в Германии с судьбами международного пролетариата⁴³. Однако именно в этот период антимилитаристская деятельность коммунистических организаций, в том числе молодежных, не достигла уровня пропаганды, развернувшейся весной 1923 г. Молодежь, как и партия в целом, ограничилась печатной пропагандой и не предприняла попытки организационно закрепить влияние в армии. Спад послевоенной революционной волны отразился и на состоянии антимилитаристской борьбы.

Тем не менее молодежные организации сыграли важную роль в распространении революционных идей в солдатской массе, способствуя расширению идеологического влияния коммунистов среди трудящихся.

³⁸ «Za armádu lidu», s. 57.

³⁹ «Rudé právo», 6. 16 V 1923; ЗОГА, ф. 29, оп. 3, д. 251, л. 74, 75. В этой связи несомненный интерес представляет докладная записка, представленная Национальному собранию генеральным инспектором Министерства обороны «О влиянии избирательного права военнослужащих и предвыборной агитации на дисциплину и дух армии» (1923 г. Точная дата документа не установлена). Автор этого пространного документа (41 стр.) стремился показать опасность для государства политической работы коммунистов в армии. «Я высказываюсь за отмену избирательного права военнослужащих из соображения дисциплины и надежности вооруженных сил Чехословацкой республики, которые оказались поколебленными», — говорилось в заключении документа. (VUA, GJ, 1923, zn. 33/1—2/13)

⁴⁰ «Komunista Ifjúmunkás» 1 V 1923; «Rovnost», 11 IV 1923; «Rude право», 12 IV 1923.

⁴¹ «Мировой комсомол за два года (дек. 1922 — июнь 1924). Отчет ИК КИМ IV конгрессу КИМ». М.—Л., 1924, стр. 54.

⁴² АКРР. PZSP v Praze. 36 politická sprava o situaci 2—8 IX 1923; AČD KSS 1/15/1/2, 3, 4, 5/6.

⁴³ ЗОГА, ф. 29, оп. 3, д. 533, л. 12.

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Понятие «национальное Возрождение» широко распространено как в буржуазной русской и хорватской, так и в современной югославской научной литературе применительно к истории хорватского народа прошлого столетия. Однако ученые до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу о сущности, закономерностях, этапах развития и хронологических рамках хорватского национального Возрождения.

Все крупные буржуазные историки — П. А. Кулаковский, Т. Смичиклас, Дж. Шурмин, Р. Хорват, Ф. Шишич, Ф. Фанцев и др. — связывали хорватское национальное Возрождение с проявлением «национальной идеи», «национального духа», отрывая их от экономической структуры и классовых взаимоотношений хорватского общества. Различие состояло лишь в том, что одни исследователи искали истоки «национальной идеи» во внешних идеологических влияниях на хорватов, связывая Возрождение с «духом времени» (П. А. Кулаковский, Т. Смичиклас, Дж. Шурмин, Р. Хорват, Ф. Шишич), а другие — рассматривали ее как результат внутреннего идейного развития хорватского народа (Ф. Фанцев)¹.

Проблема периодизации сводилась к одному большому вопросу: исчерпывалось ли хорватское национальное Возрождение хронологически иллиризмом или нет. Буржуазные ученые отвечали на этот вопрос по-разному².

¹ П. А. Кулаковский. Иллиризм. Варшава, 1894, стр. 311, 398, 399, 401; Т. Смичиклас. Poviest hrvatska, d. II. Zagreb, 1879, s. 430, 447, 464, 471; е го же. Obrana i razvitak hrvatske narodne ideje od 1790 do 1835 godine. «Rad Jugoslaenske Akademije Znanosti i Umjetnosti», knj. LXXX. Zagreb, 1885, s. 50; Ѓ. Шурмин. Hrvatski preporob, I. Zagreb, 1903, s. 91, 95, 114, 115, 123, 131, 138; Р. Хорват. Najnovije doba hrvatske povijesti. Zagreb, 1906, s. 38, 41, 47—48; Ф. Шишич. Hrvatska povijest, d. III, Zagreb, 1913, s. 147, 154, 156, 159; Ф. Фанцев. Dokumenti za naše podrijetlo hrvatskoga preporoda (1790—1832). Zagreb, 1933, s. VII—XXIX; е го же. Plirstvo u hrvatskom preporodu. «Ljetopis JASU», sv. 49. Zagreb, 1937, s. 132.

² П. А. Кулаковский, придерживаясь мнения о хронологическом совпадении Возрождения и иллиризма, датировал эти исторические явления 1830—1848 гг. (П. А. Кулаковский. Там же, стр. 163—164, 283). Дж. Шурмин относил начало Возрождения к 1832 г., а иллирийское движение — к 1836—1842 гг. включительно. (Ѓ. Шурмин. Ibid., I, s. 115, 147, 163, t. II, s. 8) Р. Хорват хорватское национальное Возрождение хронологически ограничивал 1830—1847 гг., а началом иллиризма считал 1835 г. (Р. Хорват. Ibid., s. 41, 50). Т. Смичиклас не привел точных хронологических рамок хорватского национального Возрождения, но можно полагать, что исходной точкой его он считал 1832 г., а «иллирийского периода» — 1835 г. (Т. Смичиклас. Poviest..., s. 430; е го же. Obrana..., s. 39, 50). Первую искру Возрождения Ф. Шишич датировал 1830 годом. Иллирийское движение, по его мнению, развернулось в 1836 г., а завершилось с победой «национальной мысли» в 1847 г. (Ф. Шишич. Hrvatska povijest, s. 162, 163, 196, 497). По Ф. Фанцеву, хорватское Возрождение стало «реальным фактом» в 1832 г. (Ф. Фанцев. Dokumenti..., s. XXVII).

Проблемы социальной сущности и периодизации хорватского национального Возрождения не были предметом специальной научной разработки в современной югославской литературе, но так или иначе они неоднократно затрагивались учеными. Все современные югославские, в первую очередь хорватские, историки, литературоведы, историки культуры связывают хорватское национальное Возрождение с развитием капитализма и появлением новых общественных классов. При этом Я. Шидак, хронологически ограничивая национальное Возрождение иллиризмом, относит его к 1835—1848 гг.³ Р. Бичанич и А. Барац рассматривали иллиризм как кульминацию Возрождения, но конкретно хронологических рубежей последнего не называли⁴. Я. Равлич выразил в 1965 г. мнение, что период иллирийского движения охватывает время с конца XVIII в. до 1874 г.⁵ В какой-то мере близок к нему и М. Брандт, считающий 30—50-е годы лишь первым этапом Возрождения и относящий его второй этап к 60-м годам XIX в.⁶

Среди ученых, занимающихся иллиризмом, существуют большие различия во взглядах на так называемые политические партии в Хорватии в первой половине XIX в., а по существу на социальную структуру иллиризма, ибо вопрос в конечном итоге сводится к тому, участвовало ли в иллиризме консервативное дворянство или он представлял собой движение исключительно подымавшихся буржуазных сил. По этому вопросу противостоят друг другу две основные точки зрения — В. Богданова, связывающего иллирийскую группировку исключительно с новыми общественными силами, и Я. Шидака, более диалектически подходящего к этому вопросу⁷.

Такая разность мнений в научной литературе относительно объема понятия «национальное Возрождение» и его хронологических рамок, свидетельствующая об исключительной сложности этих вопросов, объясняется на наш взгляд, прежде всего не совсем четким представлением о социальном и идеологическом содержании национального Возрождения и разнообразностью критериев, которые кладутся в основу его периодизации. Имеющиеся в современной литературе указания на связь Возрождения с капитализмом при всей их непреложности носят скорее абстрактный характер и не содержат конкретно-исторической характеристики этого явления.

Национальное Возрождение представляет собой определенный этап в истории хорватской общественной мысли и деятельности. Для его хронологического выделения следует брать в качестве главного критерия сословно-классовый принцип. Именно этот принцип В. И. Ленин положил в основу периодизации революционно-освободительного движения в России⁸. На наш взгляд, он применим к периодизации освободительных движений вообще.

Сословно-классовый принцип предусматривает такие важные моменты, как: социально-экономические сдвиги в Австрийской империи в целом

³ J. Š i d a k. Ilirski pokret. «Enciklopedija Jugoslavije», 4. Zagreb, 1960, s. 338; е г о ж е. Hrvatski narodni preporod — ideje i problemi. «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, s. 141.

⁴ R. B i č a n i ć. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952, s. 127; A. B a r a c. Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije, knj 1. Književnost ilirizma. Zagreb, 1954, s. 36, 37, 38.

⁵ J. R a v l i ć. Hrvatski narodni preporod, 1. Ilirska knjiga. Zagreb, 1965.

⁶ M. B r a n d t. Društvene nauke u vrijeme hrvatskog narodnog preporoda. «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, s. 375, 390.

⁷ V. B o g d a n o v. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—1849. Zagreb, 1949, s. 52—54; е г о ж е. Dva bitha obilježja ilirskog pokreta (в кн. Živa prošlost. Zagreb, 1957, s. 73—80); е г о ж е. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958, s. 96, 97, 101—124; J. Š i d a k. Prilozi historiji stranačkih odnosa u Hrvatskoj uoči 1848. «Historijski zbornik». Zagreb, 1960, s. 167—207.

⁸ В. И. Л е н и н. Пол. собр. соч., т. 21, М., 1961, стр. 261.

и в хорватских землях, в частности; обусловленные этими сдвигами перемены в классовой структуре хорватского общества, а отсюда и изменение роли классов в национально-освободительном движении. При внутренней периодизации национального Возрождения необходимо учитывать политические изменения, которые переживало государство Габсбургов, и специфические особенности развития хорватского народа, эволюцию демократических и национально-освободительных движений в империи, изменения в хорватской национальной идеологии и практике.

Хорватское национальное Возрождение — это период в идеологическом и общественно-политическом развитии хорватского народа, связанный с переходом от феодализма к капитализму и формированием нации в условиях национального гнета. Оно проявилось в системе общественных идей и ведущемся под их знаменем национально-освободительном движении.

Хорватские земли различались между собой по степени экономической зрелости, административно-политическому положению, историческим традициям и даже формам культурной жизни. Хорватия из всех хорватских земель имела наиболее благоприятные условия для экономического, политического и культурного развития. Ее население в наименьшей мере подверглось денационализации. Поэтому накал освободительной борьбы здесь был особенно высоким и все явления национального Возрождения — наиболее выраженными. Хорватия определила облик национального Возрождения в целом, его основные признаки. Оно выросло на базе поднимавшегося капитализма, и главными действующими силами его были социальные слои, перерождавшиеся в буржуазном направлении или связанные своим положением с буржуазным обществом, и сама буржуазия, хотя и малочисленная и крайне слабая еще экономически в то время. В своеобразных условиях Хорватии это были: передовое небогатое дворянство, интеллигенция (в том числе студенчество), торговцы и предприниматели, часть низшего духовенства. Буржуазный и национальный прогресс опирался именно на эти общественные слои при всей разнохарактерности их социального происхождения и положения. Это они своими мечтами, инициативой и действиями определили содержание национального Возрождения, его направленность, основные идеи и характерные черты. Главное в этом важном периоде хорватской истории состояло в пробуждении и деятельности нарождавшихся буржуазных сил.

Но происходившие в жизни перемены коснулись всего господствующего класса. В условиях ломки старых социально-экономических отношений и усиления инонационального давления большая, консервативная, часть небогатого хорватского дворянства была вынуждена в свою очередь идеологически и тактически приспособиться к требованиям времени, идти на соглашения и уступки. Она частично восприняла новые идеи, но лишь в рамках, определявшихся интересами ее господствующего положения. В конечном итоге консервативное дворянство, хотя оно и было временно сильнее, в новых условиях было вынуждено действовать в направлении, которое определялось буржуазными силами общества.

Несмотря на то что в идеологии и практике хорватского национального Возрождения были представлены и действовали общественные силы различного сословно-классового характера, преследовавшие неодинаковые цели, сущность мировоззрения и освободительной деятельности этой эпохи в конечном счете определялась потребностями поднимавшегося буржуазного общества в условиях национального угнетения.

Народные массы на поверхностный взгляд стояли как бы в стороне от национального Возрождения, не принимая прямого и непосредственного участия в формировании его идеологии и в общественно-политической деятельности. На самом же деле без народных масс вообще невозможно по-

пять это историческое явление. Не говоря уже о том, что народные массы своим трудом и борьбой обеспечили историческую возможность хорватского национального Возрождения, стихийная антифеодалная борьба крестьян была тем крупнейшим фактором, который оказывал решающее влияние на движение общественной мысли в эту эпоху. Что же касается культуры Возрождения, она своими корнями непосредственно уходила в народное творчество.

Развитие капиталистических отношений в недрах феодализма и формирование хорватской нации определили необходимость и неотложность упразднения феодального строя, политического воссоединения хорватских земель в одно целое и ликвидации национального гнета. В период перехода хорватского общества от феодализма к капитализму социально-экономические и национально-политические противоречия тесно переплетались и их последовательное разрешение взаимно обуславливалось.

Определяющим в идеологии Возрождения было буржуазно-дворянское течение. Восприятие представителями этого направления назревших задач исторического развития хорватского народа ограничивалось их классовыми интересами. Социальная узость усиливалась идеологической незрелостью, которая проистекала из экономической слабости и провинциальной отсталости хорватских буржуазных сил, а также сотрудничества их с консервативной частью помещичьего класса на попрание национальной борьбы. Поэтому понимание буржуазно-дворянскими идеологами насущных вопросов было непоследовательным и узким.

Разные стороны буржуазно-дворянского идейного течения складывались не одновременно и имели неодинаковую степень выразительности. Хорватский народ во многих отношениях был раздроблен. Его территория была разделена на несколько административно-политических единиц с разной системой управления. В Хорватии, Славонии и Приморье при господстве латинского и немецкого языков хорваты подвергались насильственной мадьяризации, в Военной Границе — германизации, а в Далмации и Истрии интенсивно протекал процесс италянизации югославянского населения. У хорватов было три региональных литературных языка на разных диалектах с богатыми традициями. Положение усложнялось неупорядоченностью и пестротой орфографии местных наречий. Неудивительно поэтому, что изменение общественных отношений, потребности молодого буржуазного общества в условиях национального угнетения раньше всего обусловили осознание необходимости решения языкового вопроса в плане как литературно-языкового объединения хорватского народа, так и утверждения национального языка в жизни общества.

Национальная проблема в широком смысле имела доминирующее значение в идеологической концепции и деятельности обуржуазивающихся сил в годы иллиризма. В центре внимания были национально-политические задачи. Программа предусматривала административно-политическое воссоединение хорватских земель, их автономию и преобразование общественно-политического строя в буржуазном направлении. В культурно-идеологическом отношении программа имела широкий южнославянский аспект, предполагая объединение южных славян в одном литературном языке и одной культуре. За казавшимся реальным и близким литературно-языковым единством воображению представлялись заманчивые перспективы политического союза южнославянских народов. Аграрный вопрос, важнейший социальный вопрос эпохи, получил признание буржуазно-дворянских деятелей значительно позднее, на рубеже 30—40-х годов XIX в. под решающим влиянием антифеодалной борьбы крестьян и всегда сохранял в программе подчиненное значение.

Консервативные помещики в новой обстановке стремились сохранить

и упрочить дворянское господство. С переменой условий жизни, перед лицом возвышения национальной буржуазии и под воздействием политических факторов (нарастающей угрозы мадьяризации, а также укрепления венгерского либерализма) часть консервативного, в основном небогатого дворянства, была вынуждена в какой-то мере приобщиться к идеям общественного прогресса. В основном это ограничилось осознанием некоторых национальных и экономических задач. Помещики использовали новые идеи для защиты своих интересов и положения.

Хорватское дворянство на протяжении веков вело борьбу за политические права Хорватского королевства, которые в эпоху феодализма по существу означали привилегии господствующего класса. Традиционность политического сопротивления, громадный вековой опыт политической борьбы облегчили для части местного дворянства известную идеологическую и политическую перестройку в новых общественных условиях, постепенное усвоение национальных идей. Так, реакционная по своему социально-экономическому и политическому положению часть общества, решительно противившаяся радикальным социальным и политическим преобразованиям, явилась в какой-то мере союзником новых общественных сил в решении национальных задач. При всем различии общественно-политических течений в хорватском национальном Возрождении их объединяла национально-освободительная направленность идеологии и деятельности.

Выступление консервативного дворянства под национальными лозунгами принесло известные плоды. Его усилия, направленные на защиту и развитие национального языка, литературы и культуры, на политическое воссоединение хорватской территории и сохранение особого политического статуса народа, содействовали укреплению позиций сформировавшейся хорватской нации перед лицом угнетения и насильственной денационализации. Однако участие консервативного дворянства в национальном движении скорее тормозило его, чем активизировало. Дворянство шло вперед в национальной борьбе лишь под давлением новых общественных классов. Оно усиливало умеренность лозунгов движения и его тактики.

Начало хорватского национального Возрождения восходит ко времени, когда в Хорватии капиталистические отношения достигли достаточной зрелости, чтобы вызвать сдвиги в идеологической и творческой жизни и в общественно-политической деятельности.

Период хорватского национального Возрождения, характеризовавшийся борьбой за решение важнейших исторических задач, ведет свое начало с того времени, когда передовые хорватские мыслители поняли и выразили потребности общественного прогресса. Публичная постановка актуальных вопросов развития хорватской нации была первым сознательным актом в борьбе за разрешение общественных противоречий, которые назрели в результате развития в Хорватии капитализма.

Элементы нового мировоззрения зарождаются в Хорватии во второй половине XVIII в., проявляясь в усилении общественного внимания к хорватской и южнославянской истории, пробуждении интереса к живой народной речи и народному творчеству, тяготении к родному языку, литературе и культуре. Но лишь в конце столетия идеология Возрождения приобретает определенную выразительность и отчетливость, охватывая, правда, не все насущные вопросы хорватского развития, а только языковую область. Провозвестниками новых идей на раннем этапе явились лица, связанные с торговой средой, и интеллигенция.

В 1796 г. Й. Шипуш, хлеботорговец из города Карловаца, в брошюре «Основа хлебной торговли согласно природе и событиям», отталкиваясь от интересов хлебной торговли, показал необходимость литературно-язы-

кового объединения Хорватии, Славонии и Далмации на базе одного из господствующих говоров. Вскоре одно за другим последовали другие выступления в печати, выражавшие в большей или в меньшей мере понимание национальной проблемы: А. Михановича, находившегося на государственной службе, Ю. Шпорера — студента-медика, происходившего из влиятельной торговой семьи в Карловаце, Л. Гая — студента, сына аптекаря из города Крапины, и юриста И. Деркоса.

Буржуазно-национальная идеология Возрождения в целостном виде оформилась в годы иллирийского движения. Ее выразителями выступили тогда представители интеллигенции и выходцы из среды господствующего класса — передовые небогатые дворяне. Это были — Л. Гай, Б. Шулек, Д. Раковац, И. Кукулевич-Сакцинский, Л. Вукотинович и др.

Идейная перестройка консервативного дворянства, которое, конечно, идейно не было однородным, нашла отражение в политической брошюре графа В. Драшковича «Диссертация» (1832 г.). Поднимая вопросы политического, экономического и культурного развития хорватских земель, Драшкович решал острые проблемы переходного периода в дворянских интересах, но с учетом реальных запросов нового общественного класса.

Национальное и социальное (в антифеодальном смысле) освобождение для хорватов в условиях двойного национального угнетения было делом чрезвычайно трудным. Оно зависело не только и не столько от баланса общественных сил в самих хорватских областях, но и от успехов демократии в Австрийской империи в целом. Поэтому до 1918 г. коренные проблемы, поставленные буржуазным развитием хорватского общества, — аграрная и национальная — не были решены. Для хорватов они сохранили свое значение и в буржуазной Югославии, но это уже была новая ситуация и иные отношения.

Но все же в 1848 г. в обстановке буржуазной революции в Австрийской империи в Хорватии и Славонии под напором крестьянской борьбы были ликвидированы феодальные отношения, правда, при сохранении максимальных преимуществ для помещичьего класса. Австрийская реакция не посмела ликвидировать это завоевание революционных дней. В политическом же плане революция 1848—1849 гг. существенно не изменила положения хорватского народа. Хотя в период революционного подъема в империи хорватское национальное движение и достигло известных политических успехов, они были уничтожены австрийскими властями после поражения революции. Во многом этому способствовала соглашательская, близорукая политика самого хорватского буржуазно-дворянского блока.

В культурно-идеологической области к середине XIX в. были достигнуты важные результаты. Деятели иллиризма заложили основы общехорватского литературного языка, а также культуры общенационального значения. Все это сопровождалось поступательным развитием и распространением вширь гражданского сознания и чувства национального единства всех хорватов.

Революционные годы явились для Хорватии завершением периода национального Возрождения и одновременно началом капиталистической эпохи, которая частично унаследовала от предшествовавших десятилетий ряд неразрешенных исторических задач и в то же время поставила перед хорватской общественно-политической мыслью новые вопросы. Изменение социально-экономической структуры хорватского общества привело к перегруппировке общественных сил, выдвиганию на первый план национальной борьбы буржуазии, которая сама по себе стала иной, возникновению новых идеологических концепций, словом, обусловило новый этап национально-освободительного движения.

В истории хорватского национального Возрождения отчетливо разли-

чаются два периода: первый — с конца XVIII в. до 1848 г. и второй — революционные 1848—1849 годы. В свою очередь первый период можно расчленить на два этапа. С конца XVIII в. до 1835 г. — это время формирования национально-освободительной мысли, проявившейся в отдельных печатных выступлениях. Политические акции хорватского дворянства в это время, не заключающие в себе нового в идеологическом плане и продолжавшие традиционную линию дворянского сопротивления, не могут иметь значения для периодизации Возрождения. 1835—1847 годы — это время национально-освободительного движения, охватившего довольно значительную часть среднего и верхнего слоя общества и имевшего разработанную программу, организацию и руководство. Национальное Возрождение в Далмации и Истрии, являясь неразрывной частью общехорватского Возрождения, имело отличительные особенности хронологического, идеологического и тактического плана.

Современные хорватские историки по-разному определяют хронологические рамки национального Возрождения в Далмации. Ведущий исследователь этой эпохи Г. Новак в книге «История Далмации» началом национального пробуждения в Далмации считает 1836 год, а именно: выход альманаха Б. Петрановича на сербском языке⁹. Историк далее выделяет период революции. 1860-й год, по мнению Г. Новака, означал «перелом в далматинской истории нового времени». Конечной хронологической точки Возрождения ученый не называет¹⁰. Н. Чолак также видит три фазы в истории Возрождения, но называет иные хронологические рамки, а именно: I фаза (1797—1847 годы), II фаза (1848 г.), III фаза (60—80-е годы)¹¹. В. Форетич отмечает две фазы Возрождения. Он относит первую из них к первой половине XIX в., причем 1848—1849 годы рассматривает как кульминационные для этой фазы. Исходной точкой второй фазы автор считает 1861 г. Завершение Возрождения В. Форетич относит к тому времени, когда у далматинских хорватов окончательно победило «хорватское национальное имя»¹². Согласно Р. Петровичу, первые признаки «славянского национального пробуждения» проявились в Далмации только после 1835 г. в связи с иллиризмом. Процесс развития национального самосознания в Далмации продолжался интенсивнее после 1860 г. Период между 1870 и 1880 гг. был переломным, ибо тогда утвердилась современная хорватская и сербская национальная мысль. 1880 год, по мнению автора, имел в далматинской истории принципиальное значение¹³.

В коллективной работе хорватских историков «История хорватского народа в 1860—1914 гг.» окончание национального Возрождения в Далмации датировано 1882 г. (победа народняков во всех общинах), при этом отмечаются два этапа — с 1860 г. до 1870 г. и с 1870 г. по 1882 г.¹⁴

⁹ В статье же «Очерк истории города Задара» тот же автор «весь период национального Возрождения в Далмации» начинает с падения венецианского господства, т. е. с конца XVIII в. (G. N o v a k. Presjek kroz povijest grada Zadra. «Radovi Instituta Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti u Zadru», sv. XI—XII. Zagreb, 1965, s. 72).

¹⁰ G. N o v a k. Prošlost Dalmacije, II. Zagreb, 1944, s. 329, 334, 360, 385; е г о ж е. Povodom 100-godišnjice narodnog preporoda u Dalmaciji. «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. VIII. Zagreb, 1961, s. VIII—XI.

¹¹ N. Č o l a k. Narodni preporod u Dalmaciji u svjetlu historiografije. «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. VIII. Zagreb, 1961, s. 345.

¹² V. F o r e t i ć. Prva faza hrvatskog narodnog preporoda u Dalmaciji (do sredine 19 stoljeća). «Kolo», 1966, br. 8, 9, 10, s. 158, 164, 166.

¹³ R. P e t r o v i ć. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću (Narodna stranka i nacionalno pitanje 1860—1880). Sarajevo, 1968, s. 65, 66, 252, 440.

¹⁴ «Povijest hrvatskog naroda g. 1860—1914». Zagreb, 1968, s. 53—61, 105—112. Главы «Национальное Возрождение в Далмации с 1860 до 1870 гг.» и «Национальное Возрождение в Далмации с 1870 по 1882 г.» написаны Я. Шпдаком.

В силу особенностей исторического развития Далмации и Истрии хорватское национальное Возрождение здесь протекало с хронологическим отставанием. Хотя одиночные проявления сознания, выходящего за узко региональные рамки, имели место в Далмации и раньше, но только с иллиризмом у местных дальновидных хорватов складывается понимание общехорватского национального единства, появляется интерес к судьбам всего хорватского народа. Уже в первые годы выхода «Даницы» (вторая половина 30-х годов) в ней сотрудничали некоторые далматинцы. В Истрии признаки национального сознания обнаружили в 40-х годах XIX в.

Как в Хорватии, где идеология национального Возрождения была многогранной, включавшей разные течения и оттенки, так и в Далмации в силу разнovidности направлений она представляла собой сложный комплекс общественного сознания. С выходом в Задаре в 1844 г. журнала «Зора далматинска», ставшего средоточием общественной мысли далматинских хорватов, в Далмации развернулась острая идеологическая борьба по вопросу о литературно-языковом развитии местных хорватов. Носители сознания хорватского национального единства выступали в поддержку литературно-языковой концепции Загребской филологической школы, за объединение на ее основе всего хорватского народа в литературном отношении. Позиция же редактора журнала Анте Кузманича и его ближайших единомышленников была противоречивой. А. Кузманич был решительным противником засилья итальянского языка в Далмации, сторонником всемерного развития родного языка и культуры, просвещения широких слоев населения и духовного единства всех хорватов, однако, на далматинской литературно-языковой основе. В очень важном, литературно-языковом вопросе, тесно связанном с проблемой политического развития хорватского народа. А. Кузманич проявлял провинциализм. Его позиция тормозила процесс объединения хорватского народа на основе единого литературного языка, диктовавшийся формированием нации. Общественный деятель не смог понять, что в условиях XIX в. его провинция в силу своей периферийности, отставания в развитии от Хорватии, не могла стать центром национальной консолидации хорватов. Но при всей противоречивости идейного склада и непоследовательности А. Кузманич находился в лагере национального Возрождения. В 1848 г. он выступил за политическое воссоединение Далмации с Хорватией и с 1849 г. ввел в «Зору» новую орфографию, на которую еще в 30-е годы перешла национальная загребская литература. Тем не менее А. Кузманич до конца своих дней (умер в 1879 г.) остался приверженцем далматинских литературно-языковых особенностей¹⁵.

В годы революции 1848—1849 гг. силы национального Возрождения в Далмации идейно консолидировались, требуя введения хорватского языка в учреждения и школы провинции и административно-политического ее воссоединения с Хорватией. Однако сторонники хорватского единства были здесь малочисленны и организационно разобщены.

1848 год не принес значительных перемен Далмации, ибо господствовавшая там система поземельных отношений — полуфеодальный колонат — не подлежала действию аграрной реформы. Развитие Далмации было более консервативным, чем Хорватии, в первую очередь в социально-экономическом, а отсюда и в общественном плане.

¹⁵ Иную характеристику следует дать другим сотрудникам «Зоры», например, священнику Шиме Старчевичу, отстаивавшему провинциальную обособленность Далмации и выражавшему в целом клерикальные консервативные взгляды.

В связи с неразрешенностью коренных вопросов общественного развития национальные силы Далмации после периода реакции вновь вернулись к идеям Возрождения. С 1860 г. национальное Возрождение здесь развернулось с новой силой в форме организованного национального движения, захватившего, помимо интеллигенции, часть землевладельцев и буржуазии. Оно было нацелено на политическое воссоединение Далмации с Хорватией и буржуазные преобразования, но конкретные его задачи сводились к уравниванию прав хорватского языка с итальянским, а также национальному и идеологическому сплочению хорватского населения в этой провинции.

Характер национальной борьбы в Далмации не позволяет провести в провинции четкую грань между национальным Возрождением и последующим этапом освободительного движения. Трудность установления конечной даты национального Возрождения в Далмации усугубляется еще и недостаточной изученностью этой проблемы. Несомненно однако, что с установлением в Австрийской империи в 1867 г. буржуазного конституционно-монархического строя и дуализма во всем государстве, в том числе и в Далмации, сложилась новая общественная ситуация, серьезно изменились условия, в которых развивалось хорватское национальное движение в целом и в этой провинции, в частности.

В 70-х годах XIX в. в Далмации развернулось самостоятельное сербское национальное движение, что изменило расстановку общественных сил и привело к разделению единого дотоле сербо-хорватского фронта.

Хорватское объединение, которое не могло быть достигнуто в политическом плане, во второй половине XIX в. было осуществлено в культурном и национальном отношениях. Последним писателем, который упорно держался далматинских языковых особенностей, был вышеупомянутый А. Кузманич. Далматинские хорваты постепенно в 60—70-х годах XIX в. перешли на национальный литературный язык, что означало установление общехорватского литературно-языкового единства, являвшегося необходимым условием для завершения процесса оформления народа в нацию.

Периодизация национально-освободительного движения, конечно, связана с общей периодизацией, но в то же время, имея свои специфические особенности, может несколько отклоняться от нее. Исходя из всего сказанного, есть основания считать конечной гранью национального Возрождения в Далмации 70-е годы XIX в. С этого времени для Далмации начался новый период истории, характеризующийся более интенсивным развитием капитализма, ростом самого передового класса общества — рабочего класса — и, наконец, его выходом на путь самостоятельной борьбы. Все это оказало влияние на общественную мысль и освободительное движение в этой провинции. Но отдельные черты национального Возрождения некоторое время еще продолжали сохранять свое значение¹⁶.

¹⁶ Приведенные в статье фактические данные взяты из кн.: И. И. Лещиловска я. Иллиризм. М., 1968, а также из вышеперечисленных работ югославских историков.

В. А. ДЬЯКОВ

ИДЕЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОГРАММАХ ПОЛЬСКИХ, РУССКИХ И УКРАИНСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 1840-х ГОДОВ

Настоящая работа не претендует на рассмотрение буквально всех точек зрения на межнациональное революционное сотрудничество, высказывавшихся на протяжении 40-х годов XIX в. в Польше, на Украине и в России. Речь пойдет лишь о существовавших почти одновременно политических объединениях: конспиративной организации Петра Сцегенного, Кирилло-Мефодиевском братстве и Тайном обществе М. В. Буташевича-Петрашевского. Это, разумеется, не исчерпывает проблемы, в особенности по отношению к польскому освободительному движению. Однако, думается, что такое ограничение рамок исследования правомерно, поскольку программы названных организаций вместе с материалами об их деятельности составляют достаточно прочную базу для обобщений, касающихся рассматриваемого периода в целом.

В литературе, которая посвящена каждой из рассматриваемых организаций, отношение их участников к идее межнационального сотрудничества, уже освещалось с той или иной степенью подробности. Среди опубликованных работ о Сцегенном наиболее широко данный вопрос рассмотрен в монографии Чеслава Выцеха¹; то, что относится к кирилло-мефодиевцам, в определенной мере затронули Юзеф Голомбек², А. И. Бортников³ и П. С. Гончарук⁴, а относящееся к петрашевцам — Виктория Сливовская⁵ и тот же А. И. Бортников⁶. Опираясь на имеющуюся литературу и кое в чем дополняя ее по новым источникам, мне хотелось бы с максимальной четкостью выяснить существо каждой из трех концепций, сопоставить их друг с другом и попытаться сделать некоторые общие выводы. Представляется, что решение этих задач имеет определенный интерес, как для истории освободительной борьбы польского, русского и украинского народов, так и для истории революционных связей между этими народами.

¹ Cz. Wycech. Ks. Piotr Sciegienny. Zarys programu społecznego i wybór pism. Warszawa, 1953; в сокращенном и несколько переработанном виде эта работа включена в сб.; Ч. Выцех. Воспоминания. Статьи. Исследования. М., 1965.

² J. Gołębek. Bractwo św. Cyryla i Metodego w Kijowie. Warszawa, 1935.

³ А. И. Бортников. Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение. В сб. Развитие капитализма и национальные движения славянских народов. М., 1970, стр. 176—193.

⁴ П. С. Гончарук. Питання єднання та співробітництва народів у поглядах кирилло-мефодіївців. «Український історичний журнал», 1971, № 1, стр. 74—83.

⁵ W. Sliwowska. Sprawa pietraszewców. Warszawa, 1964.

⁶ А. И. Бортников. Петрашевцы и польское освободительное движение. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 42, М., 1964.

Взгляды Сцегенного на межнациональное революционное сотрудничество излагались до сих пор на основании так называемого «Послания папы», опубликованного несколько раз по давно обнаруженным вариантам текста. Мне удалось найти еще несколько вариантов «Послания папы», переписанных рукой Сцегенного, в том числе наиболее ранний и наиболее полный вариант, который представляется правильным принять за первоисточник. Кроме того, в составе многолетнего судебного-следственного дела мною обнаружены еще пять программных и агитационно-пропагандистских произведений организации Петра Сцегенного, переписанных его собственной рукой или рукой его брата Кароля. Одно из этих произведений называется «Золотая книжечка или история рода человеческого» (до сих пор в литературе «золотой книжечкой» называли «Послание папы», но, как теперь выяснилось, сам Сцегенный называл так совершенно иное произведение). Второе произведение, известное раньше только по названию, — «Афоризмы об устройстве человеческого общества». Заглавием третьего текста, о котором в имеющейся литературе не было никаких сведений, является латинское изречение «*Volenti nihil difficile*» (его можно перевести словами «Нужно только желать»). Два остальных из вновь обнаруженных текстов называются: «Краткое и правдивое изложение учения Иисуса Христа» и «Мысли, облегчающие понимание учения Иисуса Христа»⁷. Относительно межнационального революционного сотрудничества особенно ценный дополнительный материал имеется в «Афоризмах», в «Золотой книжечке» и в неизвестных ранее фрагментах «Послания папы».

Судя по всем этим источникам, Сцегенный резко осуждал национальную вражду, выплывающую нередко в кровопролитные войны. Появление постоянной армии и войн он связывал с наличием эксплуататоров, которым они были необходимы, чтобы увеличивать свои владения и удерживать власть над угнетенными народами. В структуре идеального общества Сцегенный не видел места для постоянной армии. На страницах «Афоризмов» их автор заявил: «Войско иметь я бы не хотел. И как только народы примут одинаковые учреждения, как только нравственность расцветет на земле, нации воевать перестанут». Между прочим, большая сноска к последней из процитированных фраз, направлена против тех, кому кажется будто без войн население земли будет увеличиваться слишком быстро. Такого рода опасения «Афоризмы» считают совершенно необоснованными. «Природа, — говорится в них, — сама ставит предел перенаселению»⁸.

Сцегенный вовсе не был простым пацифистом, противником любой войны и всякой армии. Когда армия защищает страну от опасности извне, охраняет ее жителей от внутреннего врага, т. е. стоит на страже жизни, свободы и собственности граждан, «тогда, — говорится в «Афоризмах» — предназначение солдата свято, его деяния похвальны, его самопожертвование достойно подражания». Если же войско служит щитом для эксплуататоров народных масс и их орудием, то «такое войско пусть будет проклято» (№ 7, л. 8).

«Золотая книжечка или история рода человеческого» содержит специальный раздел, озаглавленный «Что такое война и кто ее ввел». Война, говорится в этом разделе, это ничем не оправданное убийство трудящимися

⁷ Подробное сообщение об этой находке см. «Советское славяноведение», 1968, № 3. В настоящее время тексты подготовлены к печати и приняты для издания как в Польше, так и в СССР.

⁸ Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА). ф. 16233, оп. 3/29, д. 84, т. 10, № 7, л. 23. В дальнейшем ссылки на «Афоризмы» и другие вновь обнаруженные произведения будут даваться непосредственно в тексте с указанием номера приложения (например, № 7, л. 23).

друг друга, это величайшее зло, которое влечет за собой разорение, голод, болезни. Бог не устанавливал войн, ее учредили и велют вести короли и паны, чтобы ослабив и напугав людей, легче их потом грабить. Может ли война быть справедливой? На этот вопрос «Золотая книжечка» отвечает так: «Война, ведущаяся для защиты собственной жизни, свободы, труда, либо с целью освобождения от неволи и возвращения того, что отнято у людей, справедлива и священна. Такую войну бог благословит. Война же, ведущаяся, чтобы лишить человека спокойной и хорошей жизни, лишить свободы, имущества и земли, — несправедливейшая война, и те, кто приказывает вести такую войну, как и те, кто выполняет их приказ, являются бандитами и разбойниками». В заключение высказывается уверенность, что войны прекратятся как только люди станут соблюдать закон «что тебе не нравится, того другому не делай», как только они увидят, что глупо убивать друг друга по приказу королей и панов (№ 9, л. 26—27).

Самой справедливой, самой нужной и совершенно неизбежной войной Сцегенный считал революционную войну угнетенных против угнетателей. Характерно, что такую войну он выводит за национальные рамки и условием победы считает межнациональное сотрудничество эксплуатируемых масс. Трудящимся, заявляет «Золотая книжечка» (а вслед за ней и «Послание папы», которое появилось позже), нужно пройти еще через одну большую войну. Ее будут вести вместе крестьяне, мещане, официалисты разных стран против всех тиранов и угнетателей на земле, против всех королей и господ. Война будет короткой и сравнительно легкой, только трудящимся нужно объединиться и действовать дружно. «Золотая книжечка» призывает: «Вместе все угнетенные обруштесь на угнетателей, и победа будет за вами, вы обеспечете себе, вашим детям, внукам и более поздним потомкам мир и счастье» (№ 9, л. 27).

«Независть между народами, — говорится в «Золотой книжечке», — привили и взрастили господа, а глупые люди — землепашцы и ремесленники, по приказу королей и панов убивают друг друга неизвестно за что. Монархи и господа пользуются несогласием и все сильнее угнетают народы». Для иллюстрации этого положения берется в качестве примера вражда между поляками, с одной стороны, и русскими, немцами, — с другой. Бей ляха, заявляют русские, бей москаля или немца, восклицают поляки. А чем люди виноваты, что родились один русским, другой — поляком, третий — немцем!? «Каждый из них человек, наш ближний, он несчастлив и его надлежит защищать от нападения злых людей, а не убивать» (№ 9, л. 11).

Понятие «ближний», употребленное в только что процитированной фразе, очень часто используется в агитационно-пропагандистских и программных текстах организации Сцегенного. Это понятие не простая дань религиозной фразеологии, ибо в него вкладывается совершенно иное, в конечном счете классовое содержание. В одном из неизвестных ранее фрагментов «Послания папы» по этому поводу дается специальное пояснение «Нашим ближним, — говорится там, — является каждый человек — католик или еврей, поляк или украинец, русский или немец, солдат или ремесленник, крестьянин или пан, ибо все братья и должны, как друзья, любить друг друга». А следом идет определение тех, кто противостоит «ближним». «Вашим врагом, — заявляет «Послание папы» своим читателям, — является тот человек, который жаждет вашего несчастья, который отнимает у вас заработок и детей, который вас соблазняет либо принуждает делать зло, который вас угнетает либо убивает. Такой человек плох, независимо от того католик он или еврей, поляк или украинец, русский или немец, солдат или ремесленник, крестьянин или пан, чиновник или король, светский или духовный; такой человек, повторяю, является вашим врагом»

(№ 1, л. 5). Классовая, революционная направленность приведенного определения подтверждается тем, что это определение употребляется тогда, когда речь идет не просто о плохих людях, но о «врагах народа» и о «врагах человечества».

Необходимость классового, а не национального подхода при выяснении союзников в освободительной борьбе подчеркивается и в «Золотой книжечке». Там приводится разговор двух крестьян и устами одного из них автор названного произведения заявляет: «Крестьянин из Жмуди, крестьянин из Литвы, украинский, польский, русский, немецкий крестьянин и крестьянин из Франции — это все тот же крестьянин; он везде несчастен, везде крестьянина гнетут одни и те же беды. Пускай же крестьяне не притесняют, не бьют, а пусть любят друг друга, пусть их связывает единство и братское взаимопонимание так же, как их связывают одинаковые беды, одинаковые страдания. Пускай крестьянин и мещанин одной страны не убивает крестьянина и мещанина другой страны на войне, тогда и войны не будет. Пускай крестьяне, мещане, солдаты одной страны держатся вместе с крестьянами, мещанами и солдатами других стран; тогда паны, чиновники, офицеры не будут нам надоедать, не будут как скотину, гонять нас на работу, не будут обирать нас, продавать, убивать... Не будем слушаться царей, королей, господ, тогда наша беда кончится» (№ 9, л. 13—14).

Стараясь показать читателям плодотворность межнационального революционного сотрудничества, автор «Золотой книжечки» и «Послания папы» повествует об одном, будто бы уже имевшем место историческом факте. Случилось, якобы, так, что монарх и господа одной страны решили напасть на соседнюю страну, чтобы установить там удобные им порядки. Объявили войну; одни крестьяне и мещане в солдатской одежде двинулись навстречу другим крестьянам и мещанам, также одетым в солдатскую одежду. Когда же дошло дело до сражения, то они, сговорившись заранее, вместе двинулись на своих общих врагов. Бой состоялся на том месте, где его планировали полководцы, только все солдаты из крестьян и мещан встали в нем с одной стороны, а с другой — заняли позицию все господа вместе с теми, кто остался им верен. И получилось, что русские и польские труженники стояли рядом и стреляли в русских господ, объединившихся с польскими панами. «Выиграли сражение крестьяне и мещане, землепашцы и ремесленники. Королей и всех плохих господ, как самых заклятых врагов, одних поубивали, других посадили в тюрьму... С этого момента в тех краях стало очень хорошо, жители стали очень счастливыми, они ни в чем не имеют недостатка» (№ 9, л. 14—15).

Таким образом, в вопросе о межнациональном революционном сотрудничестве трудящихся и их освободительной борьбе Сцегенный и его единомышленники стояли на интернационалистских позициях. Они верили, что трудящиеся разных стран могут и должны объединиться, образовать единый фронт против эксплуататоров, они были убеждены, что сотрудничество является при этом одним из важнейших условий их победы. Из числа возможных союзников польского трудового народа не исключались народные массы государств, разделивших тогдашнюю Польшу. Напротив, эти народы, в особенности русский народ, выступали как наиболее возможные и желательные союзники. Первостепенными, хотя и не единственными, признавались задачи социального преобразования. Что касается национальных противоречий, то их существование прямо связывалось с наличием эксплуататорских классов; естественно, что в этих условиях проблеме границ будущей Польши не придавалось особенно большого значения, хотя она и не снималась.

Освобожденную Польшу Сцегенный рассматривал как ядро свободной и демократической федерации народов, которая в его произведении «Нуж-

но только желать» именуется «Всевластием славян». В проекте одного из декретов верховного органа этого государства говорится, что восстание будет начато «с целью вырваться из-под власти сильных мира сего, во имя защиты собственности, гарантирования себе и детям, всему славянскому племени, всем людям благополучной жизни и вечного счастья» (№ 8, л. 6). Планируя действия повстанцев за пределами Царства Польского, Сцегенный писал: «Действовать придется во все стороны с одинаковой энергией, с одинаковой поспешностью, с одинаковым самопожертвованием, на тех же основаниях занимая города и деревни, провозглашая свободу, равенство и братство. Мы остановимся на Карпатах и берегах Днестра, на Днепре и на Двине: Рига, Кролевец и Гданьск будут польскими. Правый берег Одры отделит нас от Запада. Освободим Литву, Жмудь, Подолию. А славяне, находящиеся под скипетрами австрийским и прусским, к нам присоединятся сами» (№ 8, л. 8).

Приведенный отрывок является по существу единственным местом программных произведений организации Сцегенного, где прямо говорится о желательных границах будущего польского государства. Границы эти определены вполне четко. Что же касается остальной территории «Всевластия славян», то здесь определенности значительно меньше. Более или менее ясен вопрос со славянами, подвластными Пруссии. Относительно австрийских славян такой ясности нет: непонятно, идет ли речь только о Галиции или также и других славянских землях, входивших в Австрийскую империю? В будущей славянской федерации, во всяком случае в первое время, как будто бы не находится места для русских. Возможно это описка или результат недоработанности данного вопроса во взглядах Сцегенного. А скорее всего сознательное решение, отражающее довольно естественное в николаевскую эпоху неверие в революционные возможности России. Косвенным подтверждением такого предположения служит то место из «Афоризмов», где говорится, что «извне, особенно с востока и севера мы окружены преимущественно народами, не признающими общественных прав» (№ 7, л. 23).

Участникам Кирилло-Мефодиевского общества идея межнационального сотрудничества в освободительной борьбе была также близка. Это нашло отражение в каждом из трех программных документов Общества, известных в настоящее время исследователям.

В объяснительной записке В. М. Белозерского (дек. 1845 г.) анализировались неудачи освободительного движения польского народа, ведущего борьбу в одиночку. Применительно к Украине самостоятельная борьба и отдельное существование в будущем признавались невозможными и делалась ставка на объединение всех славян для борьбы за свободу, за возвращение народных прав. Записка призывала всеми путями распространять воспитание «в духе славянской идеи». Используя слова А. С. Пушкина и А. Мицкевича, учредители Общества писали: «Пусть нас радует мысль, что при наших усилиях придет пора, когда славяне, распри позабыв, в великую семью соединятся»⁹.

Устав, написанный организатором и фактическим руководителем Общества Н. И. Гулаком в 1845 г. или в начале 1846 г., важной задачей освободительной борьбы считал создание в будущем политического объединения славянских народов. Оговаривались при этом следующие обязательные условия: «Каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность..., каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное равенство сограждан по их рождению, христианским вероис-

⁹ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), ф. 109 и, I экзп., 1847 г., д. 81, ч. 4, л. 69; опубл. «Украина», 1914, № 1, стр. 81.

поведаниям и состоянию». Отмечая наличие религиозных распрей и разного рода предубеждений между славянскими народами, устав заявлял, что «общество будет стараться об уничтожении всякой племенной и религиозной вражды между ними и распространять идею о возможности примирения в христианских церквях»¹⁰. В уставе было зафиксировано, что членами Общества могут быть выходцы из всех славянских племен, независимо от их социального положения.

В основном программном документе Кирилло-Мефодиевского общества, называвшемся «Книга бытия украинского народа» или «Закон божий», взаимоотношения Украины с Польшей и Россией изображались следующим образом. Украина, не имея условий для создания самостоятельной государственности, хотела жить «нераздельно и несмеси́мо» сначала с Польшей, потом с Россией. Однако первая «никоим образом не хотела отречься от своего п а н с т в а», а вторая обманула ожидания и принесла неволю. Украина «любила и поляков и великоруссиян как братьев своих и не хотела с ними разбрататься», но этого не поняли ни те, ни другие, и украинские земли были разорваны «на две половины по течению Днепра». Так продолжаться не может, все должно перемениться, и решающую роль сыграет при этом Украина. «Ибо голос Украины не умолкнет; встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ее и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа... И Украина сделается независимой Речью Посполитой в союзе славянском»¹¹.

Из сказанного явствует, что программные документы Кирилло-Мефодиевского Общества рассматривали польское освободительное движение как весьма желательного и очень сильного союзника в освободительной борьбе украинского народа. Отдельные участники общества, особенно Н. И. Гулак, были осведомлены о состоянии и задачах польских конспиративных организаций, внимательно следили за идейными столкновениями среди польской революционной эмиграции. С обществом так или иначе были связаны несколько поляков (Стефан Зенович, Филипп Яблонский, Евстафий Врублевский, Юлиан Бельня-Кенджицкий). Однако об отношении к польскому освободительному движению внутри Общества было немало споров.

Споры, достигавшие временами значительного накала, происходили между представителями либеральной тенденции (Н. И. Костомаров, В. М. Белозерский) и идеологами революционного крыла Общества (Н. И. Гулак, Т. Г. Шевченко). Позиции сторон запечатлены в ряде источников, но, думается, что наиболее живо и отчетливо они обрисованы в воспоминаниях Ю. Бельни-Кенджицкого — молодого студента, с которым Шевченко вел переговоры о вступлении в Общество. Костомаров, по словам мемуариста, не явился на встречу с ними, во время которой предполагалось принять окончательное решение. Объясняя это, Шевченко заявил: «Это такой человек, что не доверяет ни богу, ни чорту. Я ему говорю: «Послушай, хочешь строить новый свет славянскими руками, а боишься с поляками об этом поговорить. Так с кем же, чорт поберит, ты будешь строить? С нашими господами не поладишь»¹². Когда встреча

¹⁰ Цитируется по статье А. И. Бортника в сб. «Развитие капитализма...», стр. 192.

¹¹ П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество 1846—1847 гг., М., 1959, стр. 158—160.

¹² Т. Г. «Шевченко в воспоминаниях современников». М., 1962, стр. 162.

наконец состоялась, Костомаров изложил программу Общества так, будто она требует объединения славян «под одним православным царем и в одной православной вере». По словам мемуариста, это вызвало возмущение Шевченко, который воскликнул: «Вот тебе, баба, и свадьба! Ты, Микола, хочешь всех славян в поповскую хату затащить»¹³.

Политический радикализм и стремление к украинско-польскому революционному сотрудничеству сочетались и в позиции Н. И. Гулака. Как ученый, он много занимался правовым положением угнетенных сословий в России и у других славянских народов. Объясняя это Вацлаву Ганке, Гулак многозначительно писал в 1846 г., что речь идет о предмете, который заслуживает внимательного изучения «по важности и современности своей предпочтительно перед другими»¹⁴. Что касается польского освободительного движения, то положительное отношение к нему со стороны Гулака неоднократно подчеркивалось во время следствия. Так весьма осведомленный провокатор, выдавший Общество властям, на следствии показал: «Неизвестно существовали ли в числе соумышленников Гулака поляки, но он имел намерение распространить между ними свои идеи и всего более надеялся получить от них денежные пособия для скорейшего осуществления своих замыслов. Вообще он думал о поляках как о людях, скорее всего могущих быть его помощниками»¹⁵.

Тайное общество, основанное М. В. Петрашевским, не оставило программных документов, которые были бы известны всем его участникам и признавались ими. Поэтому для характеристики отношения петрашевцев к межнациональному революционному сотрудничеству придется использовать высказывания, а отчасти и сведения о практической деятельности отдельных лиц. Задача усложняется, но мы все-таки сохраняем возможность получить необходимую для сравнения общую картину.

По словам провокатора П. Антонелли, долгое время изнутри наблюдавшего за деятельностью петрашевцев, Петрашевский заявлял ему: «Всякий народ должен управляться сам собою, быть сам себе властелином»¹⁶. Петрашевский был убежден, что в тогдашних условиях правильно было бы государства создавать по национальному признаку с тем, чтобы каждый народ мог иметь свое государство. Войны между народами и государствами вызывали с его стороны резкое осуждение. Не только в беседах с единомышленниками, но и на допросе в следственной комиссии он нашел возможность высказать «мысли о том, что со временем нужда в военной силе может уменьшиться и даже самое войско исчезнуть»¹⁷.

Ту освободительную борьбу, которую при Николае I вели против царизма кавказские горцы, башкиры, казахи и другие народы России, петрашевцы считали важнейшим резервом революции. Петрашевский, как о том свидетельствует Антонелли, заявлял, что единство Российской империи поддерживается только военной силой, что падение самодержавия или его серьезное ослабление неизбежно должны привести к распаду России. Угнетение Польши Петрашевский не только считал вопиющей несправедливостью, но и был убежден, что оно крайне обременительно для русского народа и государства. В своей записке, датированной 1841 г., он писал: «Если вывести войско из Польши, то сколько выиграет этим денег и увеличится русская армия»¹⁸.

¹³ Там же, стр. 168—169.

¹⁴ Цитируется по статье А. И. Бортникова в сб. «Развитие капитализма», стр. 186.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1847 г., д. 81, ч. 1, л. 13

¹⁶ «Дело петрашевцев», т. III, М.—Л., 1951, стр. 385.

¹⁷ Там же, т. I, М.—Л., 1937, стр. 161.

¹⁸ Там же, стр. 548.

Будучи противниками всякой национальной ограниченности, являясь горячими сторонниками дружественного общения и сотрудничества между народами, петрашевцы живо интересовались положением в Польше и сочувствовали борьбе польского народа за свою свободу. В их библиотеке, в списках книг, которые заказывались для ее пополнения, были многие работы польских авторов (в том числе книги И. Лелевеля, Л. Мерославского, Р. Солтыка, А. Гуровского, А. Цешковского и др.). Во время обыска у Петрашевского были обнаружены заметки, сделанные им при чтении А. Мицкевича; петрашевцы С. Ф. Дуров, Н. А. Момбелли, А. Д. Толстов переводили произведения великого польского поэта. При этом их внимание особенно привлекало то, что касалось освободительной борьбы польского народа и русско-польских революционных связей, в частности стихотворение «Русским друзьям». Один из наиболее радикально настроенных петрашевцев — Н. А. Спешнев, который, кстати говоря, был женат на польке, изучал философские работы Генрика Каменского и переписывался с Эдмундом Хоецким¹⁹. Польской литературой увлекался петрашевец А. В. Ханьков, который вместе с В. П. Лободовским немало содействовал расширению знакомства с Польшей у молодого Чернышевского²⁰.

Интерес петрашевцев к польскому освободительному движению особенно усилили события 1846 и 1848 годов. Сведения об этих событиях они черпали не только из подцензурной печати, но и из различных неофициальных каналов. Существенную роль, по-видимому, сыграло то, что с лета 1846 г. по март 1848 г. петрашевец М. Е. Салтыков служил в канцелярии Военного министерства и был прикомандирован «для усиления» к особому отделению, через которое проходила относящаяся к Польше секретная переписка²¹. Чтобы подтвердить значимость этого канала информации, достаточно сказать, что в делах этого отделения за 1846 г. хранятся: сообщения секретных агентов царизма на польских землях; донесения наместника и указания царя И. Ф. Паскевичу о «военных предосторожностях» в Царстве Польском и западных губерниях; сведения о содержании краковских и других польских газет; копии показаний Л. Мерославского перед прусскими властями; сообщения о деятельности конспиративных групп в Варшаве, Вильно, Россиенах, Белостоке, Житомире; переписка о Мочульском, Рере, Круликевиче и некоторых других польских революционерах, а также сводный «Алфавит лицам, прикосновенным к краковскому возмущению»²².

В конкретных планах революционных действий, разрабатывавшихся петрашевцами, Польша занимала одно из ведущих мест. Фиксируя в дневнике слухи об аресте участников Кирилло-Мефодиевского общества и анализируя приписываемый Т. Г. Шевченко план восстания на Украине, Н. А. Момбелли писал: «С восстанием же Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно весь юг и запад России взялся бы за оружие»²³. Н. А. Спешнев также был уверен, что революция начнется в западной части Российской империи, прежде всего на польских землях. Он неоднократно высказывался за русско-польское революцион-

¹⁹ А. И. Бортник о в. Петрашевцы и польское национально-освободительное движение, стр. 42; W. Sliwowska. Ibid., s. 193—194.

²⁰ А. П. Медведев. Н. Г. Чернышевский и В. П. Лободовский. В сб. «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», вып. 2, Саратов, 1961, стр. 3—34.

²¹ С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография. т. 1, М., 1949, стр. 152, 450—453.

²² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 16375—16398.

²³ «Дело петрашевцев», т. 1, стр. 312.

ное сотрудничество. При этом Спешнев доказывал, что в поисках союзников вообще следует обращать внимание преимущественно на партийные (т. е. идейно-политические), а не национальные факторы²⁴.

С Обществом петрашевцев поддерживало связи немало поляков. Это были: чиновник морского ведомства, пианист и учитель музыки М. Кашевский; происходивший из однодворцев Подолии студент А. Мадарский; чиновник департамента железных дорог Е. Марциновский; чиновник министерства государственных имуществ И. Понятовский; чиновник Заемного банка К. Витковский; чиновник министерства иностранных дел В. Войцеховский²⁵. Их участие в кружках, из которых состояло Общество, показывает, что при создании своей организации петрашевцы исходили из интернационалистских принципов. Об этом говорит и то, что многие петрашевцы (Ф. Г. Толь, Н. А. Спешнев, Н. А. Момбелли, Д. Д. Ахшарумов, А. В. Ханыков и др.) имели друзей и знакомых среди поляков.

Одним из наиболее активных и радикально настроенных петрашевцев являлся поляк Ян Ястжембский (уроженец Минской губернии, выходец из бедной шляхетской семьи). Перед своими товарищами он не раз в весьма экзальтированной форме говорил об освободительной борьбе польского народа. За независимую Польшу он готов был отдать по капле всю свою кровь, но в то же время заявлял, что пожертвует самостоятельностью польского государства, если она окажется вредной для развития «общечеловеческой идеи»²⁶. Совершенно очевидно, что, будучи поляком, Ястжембский высказывался по польскому вопросу чаще и резче других. Однако источники не оставляют сомнения, что занимаемая им позиция вполне соответствовала взглядам большинства петрашевцев, а те его действия, которые жандармы называли «восторженными выходками в пользу Польши», встречали в Обществе почти единодушную поддержку. Вот факты, подтверждающие сказанное.

Еще в 1844 г. Н. А. Момбелли расспрашивал своего однополчанина капитана Ленца о польском восстании 1830—1831 гг. и сделал в дневнике подробную запись, показывающую, что он сочувствовал восстанию и старался сохранить побольше подробностей о нем для передачи своим единомышленникам²⁷. В октябре 1846 г., выступая на заседании кружка с рефератом о ситуации в Европе, Момбелли осудил «самовольные» действия России, которые вопреки существующим международным соглашениям привели к уничтожению Краковской республики²⁸. На собрании кружка в декабре того же года прозвучал реферат А. И. Макшеева «Польская революция», который также был откликом на революционную волну, прокатившуюся по польским землям. 8 апреля 1849 г. во время одной из «пятниц» у Петрашевского еще раз широко обсуждались связанные с Польшей вопросы, включая последние познанские события, причем сочувствие борьбе польского народа было вполне очевидным²⁹.

Переходя к сопоставлениям и обобщениям по трем кратко обрисованным программам, начнем с констатации того неоспоримого факта, что в 40-х годах XIX в. идея межнационального сотрудничества являлась существенной составной частью идеологии польских, русских и украинских революционеров, что среди них эта идея имела весьма значительное число

²⁴ См. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», М., 1953, стр. 489, 492.

²⁵ А. И. Бортников. Петрашевцы и польское национально-освободительное движение, стр. 46—47.

²⁶ «Дело петрашевцев», т. III, стр. 431.

²⁷ Там же, т. I, стр. 264—271.

²⁸ Там же, стр. 287.

²⁹ «Дело петрашевцев», т. II, М.—Л., 1941, стр. 221.

приверженцев и энтузиастов. В отношении к украинскому и русскому освободительным движениям данное положение едва ли требует комментариев, поскольку в Кирилло-Мефодиевском братстве и Обществе Петрашевского были сконцентрированы практически все революционные силы, которые тогда имелись. В польском движении положение было иным — организация Сцегенного играла в нем большую роль, но вовсе не занимала монопольного положения. Как относились к идее межнационального сотрудничества другие польские конспираторы?

Источники показывают, что эта идея увлекала не только Сцегенного, что в той или иной форме ее высказывали и многие другие деятели освободительного движения 40-х годов. Не имея возможности дать исчерпывающий обзор, приведем лишь несколько примеров касающихся деятелей, наиболее тесно связанных с событиями внутри страны. Начнем с Юлиана Госляра. Предстоящая революция виделась ему как совместное выступление многих народов. В «Воззвании к солдатам», написанном накануне Краковского восстания, он заявлял: «Восстают не только поляки, восстают также немцы и русские, ибо и они угнетены вместе с нами; венгры, чехи, итальянцы освобождаются от чужеземного ига, с восстанием они ждут только нас. Сегодня австрийский император дрожит перед австрияками так же, как перед нами, а царь сам не знает от чьей руки он погибнет — от русской или польской. Сегодня вся Европа, все народы радуются и восстают вместе с нами»³⁰.

В качестве второго примера возьмем Генрика Каменского. Он заявлял, что демократ должен горячо любить свою национальность, но это чувство «не исключает любви ко всему человечеству, а подкрепляет ее»³¹. В другом месте «Демократического катехизиса» Каменский писал об этом подробнее: «Каждый добрый поляк является естественным врагом тех правительств, которые растерзали его отечество и держат его в неволе, он борется против них; но совершенно иначе он относится к народам, которые являются пассивным орудием этих гнусных государей. Он не питает к ним ненависти и повторяет слова Иисуса Христа, сказанные им на кресте: «не ведают, что творят». Наши враги — это не несчастные народы, которые сами угнетены, но те железные руки, которые господствуют над ними и управляют ими. . . Мы радуемся, когда какой-либо из этих народов освобождается от гнета насилия и деспотизма... Воистину, друзья свободы — братья между собой». Однако пока народы остаются темными и забытыми враги свободы могут использовать их для борьбы с освободительным движением, в том числе польским. «На этот счет мы не должны питать никаких иллюзий, ибо народы еще долго будут покорствовать деспотизму, их кровь еще будет проливаться наравне с нашей в отчаянной борьбе, пока не дойдет до того, что мы с ними все же окончательно побратаемся»³².

Польское освободительное движение 40-х годов немыслимо без Эдварда Дембовского — его мы и возьмем в качестве третьего примера. Дембовский считал, что каждый народ в отдельности, различные народы во взаимоотношениях друг с другом, все человечество в целом имеют один общий интерес, живут одной общей жизнью. В этой жизни отдельные, наиболее выдающиеся народы имеют свою историческую миссию: французам, например, досталась область дела, немцам — область мысли, а полякам суждено уничтожить это раздвоение, соединив воедино мысль

³⁰ «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей» (ИППМ), т. III, М., 1956, стр. 383.

³¹ Там же, т. II, стр. 772.

³² Там же, стр. 715—716.

и дело, создав новый общественный строй. Исходя из всего этого, Дембовский заявлял: «Народ, установивший у себя порядок, основанный на общности, ставший свободным и социально счастливым, послужит примером для всего человечества. Все человечество, все народы станут единым народом, хотя и говорящим на разных языках, и оправдается изречение: «Любовь к народу и к человечеству — это одно и то же»³³.

Дембовский видел общее в историческом развитии и социальном строе славянских народов, но считал, что общность долгое время уменьшалась и сходство может появиться снова только тогда, когда каждый из них самостоятельным путем подойдет к великой идее, объединяющей все славянские народы, но не сливающей их в единое политическое целое. «Эту великую идею, — утверждал он, — видвинула Польша. Она выразила ее в своей истории, общественном состоянии и в интеллектуальной жизни. Однако против нее восстала иная идея, полностью чуждая польскому и славянскому духу — идея панславизма, т. е. объединения в одно эклектическое целое разнородных элементов, лишь механически соединенных друг с другом и связывающих все славянство. Поднимаясь на все более высокий уровень в своем развитии, польская идея и идея панславизма многократно сталкивались, победа и превосходство были то на одной, то на другой стороне. Все славянство принимало и принимает участие в борьбе, от исхода которой должно зависеть его будущее, должно зависеть решение вопроса о том, будет ли объединение славян основано на европейском просвещении или же на варварстве татарских орд. Этот пункт очень важен для сближения национальностей, истории, литературы и языка Польши, Чехии, Словакии и т. д.»³⁴

Приведенный фактический материал полностью подтверждает сделанный выше вывод о том, что идея межнационального сотрудничества была широко распространена среди участников польского освободительного движения. Вместе с тем факты показывают, что удельный вес этой идеологии у различных групп был далеко не одинаковым. Если взять все рассмотренные случаи, если выйти за пределы левого крыла движения, которое в основном рассматривалось выше, то станет совершенно очевидным, что идея межнационального сотрудничества приобретала в программе и идеологии данной группы тем больший удельный вес, чем радикальнее были ее позиции в социально-политической сфере.

Указанная закономерность присуща не только польскому движению. Она проявлялась в западноевропейском революционном движении тех лет, в чем можно убедиться, ознакомившись с соответствующей литературой³⁵, сказывалась и на освободительном движении в Российской империи, что подтверждается приводившимся выше материалом. Особенно показательны в этом смысле дискуссии в Кирилло-Мефодиевском обществе, где революционный демократ Т. Г. Шевченко горой вставал за развитие межнациональных контактов, в частности за сотрудничество с поляками, тогда как Н. И. Костомаров хитрил, осторожничал и всячески саботировал такого рода контакты. Подчеркнем, что речь идет о революционных связях, так как по личным знакомствам среди поляков и научно-культурным взаимоотношениям с ними ни Костомаров, ни еще более умеренный по политическим взглядам П. А. Кулиш вовсе не уступали Шевченко.

Источники показывают, что среди польских, украинских и русских участников освободительного движения идея межнационального сот-

³³ Там же, т. III, стр. 153.

³⁴ Там же, стр. 258—259.

³⁵ См., например, Em. H a l i c z. Międzynarodowe towarzystwo demokratyczne w Brukseli w latach 1847—1848 i udział w nim Marksa, Engelsa i Lelewela. «Z pola walki», 1961, № 3; М. И. М и х а й л о в. История Союза коммунистов, М., 1968.

рудничества на протяжении рассматриваемого периода во многих случаях воплощалась в мечту об объединении славянских народов, в лозунг демократической федерации славян. Наиболее яркое выражение это нашло, пожалуй, в программе Кирилло-Мефодиевского братства, само название которого по замыслу его создателей должно было напоминать об общем историческом прошлом и призывать славян к будущему объединению. О свободной славянской республике мечтали петрашевцы. Среди польских революционеров такую же мечту лелеяли участники организации Сцегенного и эмигранты из громад «Людз польского».

Стремление славянских народов к единству возникло в период разложения феодализма и, будучи прогрессивным явлением, сыграло весьма значительную роль в истории славянского возрождения. Стечение обстоятельств и различного рода политические спекуляции привели в конечном итоге к тому, что идея славянского единства превратилась в опасное оружие реакционных сил, вылилась в форму панславизма, который европейское общественное мнение прочно связывало с консервативной политикой русского царизма³⁶. Однако это вовсе не значит, что оценка тех, кто выступал под лозунгом славянского единства, должна быть однозначной.

Приводившийся выше материал показывает, что наличие лозунга славянского единства само по себе недостаточно для оценки существовавших политических групп, что правильная оценка возможна только после тщательного изучения сословно-классового облика каждой из них, после уяснения тех целей, которые они выдвигали в своей программе. Это отчетливо проявилось в спорах Т. Г. Шевченко с Н. И. Костомаровым. Оба они пропагандировали идею единства славян, только первый во имя демократической федерации славянских республик, а второй во имя создания общеславянской монархии во главе с православным царем. Другим примером могут служить высказывания Э. Дембовского. Осуждая панславизм, Дембовский не отвергал идею единства славян как таковую, лишь высказывал убеждение о том, что объединение должно стать результатом демократических преобразований, а не осуществляться путем простого перехода славян под скипетр русского царя. Специфика польских демократов состояла здесь в более или менее значительном скепсисе по отношению к возможности русского освободительного движения, в убежденности, что во главе демократической федерации славян может встать только революционная Польша.

Сочувствие кирилло-мефодиевцев и петрашевцев к польскому освободительному движению, стремление польских конспираторов к союзу с русскими и украинскими революционерами не привели к продуманному и централизованному сотрудничеству между ними. Это объясняется, с одной стороны, недостаточным распространением идеи межнационального сотрудничества, с другой, — сравнительно низким организационным уровнем движения, обусловленным, во-первых, отсутствием внутреннего единства, а, во-вторых, зверскими репрессиями царизма по отношению к любым проявлениям освободительных стремлений. Потребовались еще долгие годы и многие усилия обеих сторон для того, чтобы русско-польское революционное сотрудничество встало на прочную почву повседневной практики движения. Не следует забывать, однако, что в подготовку последующего этапа польские, русские и украинские революционеры 1840-х годов внесли свой вклад и вклад довольно существенный.

³⁶ Подробнее об этом см. В. К. Волков. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» в сб. «Славяно-германские культурные связи и отношения». М., 1969, стр. 25—69.

Е. П. НАУМОВ

К ИСТОРИИ АГРАРНОГО ПЕРЕВОРОТА В СЕРБИИ В 30-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Проблемы аграрного переворота и перестройки системы землевладения в Сербском княжестве в 30-х годах XIX в. представляют большой научный интерес, как пример процессов развития аграрных отношений в южнославянских и других балканских странах после их освобождения от турецкого ига. Изучение этих проблем открывает возможность широких историко-сравнительных обобщений и выявления этапов и закономерностей государств Юго-Восточной Европы. Однако многие из них (в частности, оценка происходивших изменений в аграрном строе, их хронология и влияние на соотношение крупного и мелкого земельного владения) еще не достаточно освещены в современной историографии как советской, так и югославской.

Поэтому в исторической литературе все еще встречаются утверждения, которые в действительности не опираются на имеющиеся исторические источники (в том числе — и на недавно введенные в научный оборот публикации документов Сербского княжества). К их числу можно отнести утверждение будто султанскими манифестами в Сербии (в 1830 и 1833 гг.) не только была уничтожена турецкая феодальная система, но и создана свободная земельная собственность сербских крестьян¹. Эта точка зрения восходит к тезисам буржуазных историков XIX — начало XX в., находившихся под немалым влиянием династических (обреновичевских) легенд и мифов о князе Милоше Обреновиче — «освободителе и защитнике» крестьян. Между прочим нельзя не отметить явного возрождения таких взглядов на аграрную и крестьянскую политику князя Милоша в монографии югославского историка В. Стоянчевича². В противовес этому в югославской и советской литературе мы встречаем и другие оценки характера и этапов аграрных преобразований, совершившихся в Сербском княжестве после II антитурецкого восстания. Так, например, советский историк В. Г. Карасев говорит об «аграрном перевороте» 20—30-х годов в Сербии, а югославский историк В. Чубрилович — о «такой аграрной революции, которой не было в Европе XIX века»³. Все это обуславливает необходимость рассмотрения данного вопроса на материале доступных нам первоисточников.

¹ См., например: Д. Јанковић. О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951, стр. 59—60; В. Чубриловић. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, стр. 148; Б. Перунич и др. Београдски суд 1819—1839. Београд, 1964, стр. 16; и др.

² В. Стојанчевић. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966, стр. 190—211.

³ «История южных и западных славян», М., 1957, стр. 237; «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 331; В. Чубриловић. Там же, стр. 138.

Как показывают законодательные и другие сохранившиеся источники, отмена турецкого феодального (спахийского и султанского) землевладения в Сербском княжестве султанскими манифестами 1830—1833 гг. вовсе не привела сразу же к установлению буржуазных аграрных отношений и к признанию свободной крестьянской поземельной собственности. Оценивая результаты ликвидации феодальных турецких владений (спахилуков), нужно учитывать, что в сербской деревне того времени уже оформились две социальные группировки — крестьянство и сельская буржуазия, представляющие соответственно мелкокрестьянское и крупное сербское землевладение. Представители буржуазии (старейшины и др. «именитые» сербы) имели немалые земельные владения, которые они обрабатывали с помощью принудительного труда сербских крестьян (так называемый старейшинский кулук); у князя Милоша Обреновича было также много земель, которые обрабатывались крестьянами (так называемый княжеский кулук).

Согласно султанским манифестам 1830—1833 гг., как известно, «управление» спахилуками перешло к сербам, что означало освобождение крестьянина от зависимости по отношению к турецким феодалам, но не предоставило ему полных прав собственности на свою землю. Неурегулированность аграрных отношений в Сербском княжестве, таким образом, позволила сербским богачам увеличить свои владения не только за счет пустующих земель, но и за счет крестьянских наделов. Сохранялась зависимость монастырских крестьян, вакуфные и турецкие частновладельческие земли. Был сохранен и даже увеличен после уничтожения спахилуков крестьянский кулук.

Часть сербской сельской буржуазии стремилась стать новыми помещиками, требуя от князя Милоша наделения спахилуками, якобы свободными после султанских манифестов. Граф Боа ле Конт, французский дипломат, побывавший тогда в Сербии, великолепно отразил в своих донесениях (1834 г.) настроения старшин, приписывавших Милошу верховные права земельной собственности лишь для получения от него феодальных владений — спахилуков.

«Каждый спокойно пользуется землей, которую он некогда обрабатывал в пользу спахии, по понятие собственности не могло еще проникнуть в умы», — писал Боа ле Конт. «Князь, или кто другой, — заявил ему один из видных сановников, но должен всегда быть один спахия, собственник земли». «Не считается возможным, — резюмирует Боа, — чтобы земля принадлежала тому, кто ее обрабатывает, или какому-либо простому человеку.

«Но на деле, — продолжал Боа ле Конт, — это признание высшего права не мешает никому покупать, продавать и свободно распоряжаться своим имуществом и своей собственностью; хотя частная собственность и неизвестна в теории, в понятиях, она существует на практике»⁴. Тем самым, крестьянину после ликвидации спахийской системы приходилось защищать свою фактическую собственность от посягательств сельской буржуазии, бороться за установление буржуазных аграрных отношений.

Названные выше манифесты на деле явились сигналом для подлинной вакханалии земельных захватов, этой важной формы первоначального накопления в создающемся буржуазном обществе. Однако земли захватывали прежде всего и более всего — сельская буржуазия во главе с князем Милошем, а не только крестьяне, как старались изобразить сербские буржуазные историки С. Йованович, Д. Страньякович, Е. Петрович и др.

⁴ «Споменик Српске Краљевске Академије». XXIV, 1894, стр. 29.

Князь Милош, как известно, переселял села, чтобы присвоить крестьянские нивы, огораживал леса, которые находились ранее в общем пользовании, и устраивал там загоны для своих стад. «Так Милош власть укрепил, бедноту сильно устрошил, он луга и нивы отбирал, виноградники, цветущие сады и дома, постройки, мельницы получше», — описывает аграрную политику Милоша анонимный «Голос народа Сербского»⁵. Этот захват князем Милошем крестьянских земель принял массовый характер именно в годы так называемого «идеального имущественного порядка» в сербской деревне (в 1833—1836 гг.), когда, по мнению буржуазных историков, Сербия «была классическим примером крестьянской страны мелких независимых собственников и всеобщего собственничества»⁶.

Известно, например, что Милош в Пожаревацком округе присвоил нивы и луга 211 жителей⁷, отнял луг у жителей села Жаркова в Белградском округе, захватил луг М. Крезича из Кнежевца, согнал с земель жителей села Дражевца и т. д.⁸. Сохранилась в частности, очень интересная жалоба крестьян двух селений Белградского округа (с. Кнежевец и Баньице), у которых князь Милош отнял 160 дней пахоты (т. е. свыше 57 га) в местности Топчидере и которые «после этого остались последними несчастными бедняками»⁹.

В захватах крестьянских земель от князя Милоша не отставали представители сельской и городской буржуазии: приближенные князя, старейшины, старосты, священники и прочие «нотабли», которые нередко под предлогом покупки земли у турецких феодалов (спахий) занимали лучшие общинные леса и пастбища, огораживая их как законно приобретенную собственность. Отдельные столкновения старейшин с Милошем в этот период несколько не изменяли соотношения крупного и мелкокрестьянского землевладения.

Таким образом, на основании приведенных фактов и других сохранившихся данных мы можем говорить о последовательном наступлении полуфеодальной верхушки сербского общества на освобожденное от спайской зависимости крестьянство, о расширении крупного сербского землевладения (прежде всего владений князя) и увеличении в этот период крестьянского принудительного труда, эксплуатации крестьянства сельской и городской буржуазией. В связи с этим в Сербии с 30-х годов XIX в. развертывается крестьянское движение за ликвидацию правовой неформальности и неурегулированности аграрных отношений, уничтожение остатков феодализма и тем самым установление буржуазного аграрного строя. Тем не менее это крестьянское движение было использовано группировкой так называемых «уставобранителей» (т. е. защитников «Устава» — конституции), которые демагогически поддерживая крестьянские требования в борьбе против князя Милоша, сумели захватить власть (в 1839 и далее — в 1842 гг.).

Крестьянство вкладывало в требование «Устава», «Закона», «справедливости» вполне буржуазное по своей сущности содержание: закрепление свободной крестьянской земельной собственности, отмену княжеского и старейшинского курса, полную свободу торговли, короче говоря, полную юридическую и экономическую свободу крестьянского хозяйства.

⁵ «Глась народа Србскогъ», 1843, стр. 9, Ср. В. П е р у н и ч и Ћ. Там же, стр. 760.

⁶ Ј. П е т р о в и Ћ. Окуђе или заштита земљорадничког минимума. Београд, 1930, стр. 88.

⁷ Н. А. П о п о в. Россия и Сербия. т. 2. М., 1869, стр. 495.

⁸ Н. В у ч о. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955, стр. 175.

⁹ В. П е р у н и ч и Ћ. Там же, стр. 775 (ср. стр. 776).

Под этими лозунгами и проходило крестьянское движение 1834 г., направленное также против огораживаний лесов княжескими чиновниками, против расширения крупного землевладения. Непосредственным результатом этого движения было издание Милошем конституции (Сретенский устав 1835 г.), обещание отменить старейшинский кулук, а также заявление князя на скупщине в феврале 1835 г., что леса и пастбища отныне будут общинной и общенародной собственностью, что «сего времени никто не имеет права — ни наше правительство, ни старосты (кметы), ни торговцы, ни крестьяне, — одним словом никто, — огораживать их (леса), кольями или рвами, хотя бы в них (заповедных лесах) было по 10 деревьев, и никто не сможет препятствовать братьям из других сел пользоваться ими», т. е. лесами и пастбищами ¹⁰.

Однако крестьянство вскоре убедилось, что запрет новых огораживаний вовсе не означал отмены старых. Сербские крестьяне со своими стадами устремились в заповедные леса «новых собственников», разрушили все ограды, рубили лес, причем крестьяне не обращали внимания на то, что «новые собственники» якобы откупили права спахий или же получили разрешение князя Милоша. Крупному сербскому землевладению тем самым был нанесен первый чувствительный удар. Князь Милош был тогда совершенно бессилён, как и новые собственники; ответом крестьян всегда были слова: «князь сказал, что мы все равны» ¹¹.

Недовольство крестьян было несколько смягчено в этот период частичным отказом Милоша от своих земель, обрабатывавшихся с помощью крестьянского кулука. Однако вскоре крестьянское движение усилилось снова, ибо ни одно требование крестьян не было осуществлено, а после быстрой отмены Сретенского устава исчезла даже видимость каких-то уступок крестьянству. Вполне понятно, что планы переписи населения и земель сербские крестьяне толковали в том смысле, что скоро Милош введет новый палог, что он хочет заново разделить землю, а также, кто хотел бы сохранить свои баштины (наследственные наделы), заставят выплатить их стоимость князю, если у них нет купчих. Между тем купчих, как признавал ревностный сторонник Милоша Б. Куниберт, не было почти ни у кого ¹².

Попытки Милоша и его приверженцев успокоить крестьянство формальным провозглашением свободы торговли, неприкосновенности имущества, отмены принудительного труда (указы 1837 г.) остались напрасными. Крестьянство поддержало уставобранителей, добившихся издания «Устава» (конституции) 1838 г. и затем свергнувших Милоша. Этот Устав — хартия создающегося буржуазного сербского общества — покончил с неурегулированностью аграрных отношений и, закрепляя буржуазно-демократические преобразования, провозгласил: «как спахилуки, тимары и зиаметы уничтожены в Сербии, так этот старый обычай никогда не может быть восстановлен в стране» (статья 59) ¹³.

Устав впервые признал юридическую земельную собственность освобожденного сербского крестьянства, переход спахийской земли в собственность крестьянина. Провозглашенная буржуазная земельная собственность была абсолютной, полной, неограниченной; право частной собственности владелец мог потерять лишь по решению суда (статья 47).

¹⁰ Б. К у н и б е р т. Српски устанак и прва владавина Милоша Обреновића (1804—1850). Београд, 1901, стр. 400.

¹¹ Там же, стр. 425.

¹² Там же, стр. 487—488.

¹³ «Сборникъ законâ и уредбâ и уредбены указâ, изданы' у княжеству Србскомъ», кн. 1. Београд, 1940, стр. 13.

Это обеспечение поземельной собственности, а также провозглашение свободы торговли и свободы крестьян от всяческого кулука было направлено против захватов князя Милоша и представителей сельских верхов, притеснявших «сербскую бедноту печальную»¹⁴. Статья 46 Устава гласила: «Любой серб в пределах законов государства есть неограниченный собственник — продать свое собственное имущество и собственность, располагать им по своей воле и оставлять его по завещанию»¹⁵.

Вместе с тем, интересы крестьянства не были полностью удовлетворены. Ибо благодаря гарантии неприкосновенности чьей бы то ни было частной собственности, не только крестьянин признавался собственником своей земли, но и крестьянские (захваченные сельской буржуазией после уничтожения спахилуков) земли уже юридически становились собственностью старейшин и чиновников. Таким образом уставохранители старались сохранить крупные владения сельской буржуазии и привлечь на свою сторону приверженцев Обреновичей. Несмотря на утверждения буржуазных историков, будто «создание нашего национального спахийского крупного землевладения было исключено»¹⁶, ни в Уставе, ни в последующем законодательстве нельзя найти запрещения или ограничений размеров крупного (какого бы то ни было) землевладения. Более того, «отчизнолюбцы» довольно спокойно относились к требованиям крестьянства возратить отнятые земли, на «многочисленные тяжбы из-за земель».¹⁷

Но это относительное спокойствие продолжалось недолго. В начале 1839 г. в период обострения борьбы уставохранителей и сторонников Обреновичей уставохранители пошли на новые уступки, чтобы удержать за собой крестьянство. Самой важной из них был «Закон о возврате земель» от 28 июля 1839 г. Обычно в историографии этот закон рассматривается лишь как закрепление крестьянской земельной собственности, как основа новой баштинной системы¹⁸, а непосредственная цель закона — «возврат самовольных и несправедливых захватов»¹⁹, вовсе не упоминается, хотя еще 17 июня 1839 г. судам предписывалось решать споры «из-за несправедливого присвоения или отнятия чужого имущества, земли или чего другого»²⁰.

Закон 28 июля 1839 г. подтверждал право собственности всех тогдашних землевладельцев, несмотря на начатые против многих судебные дела. «Любой нынешний владелец любой земли, — повторял вслед за уставом пункт 2 Закона, — должен считаться полноправным и неограниченным собственником и не может потерять права собственности без суда и судебного решения»²¹. Разумеется прежний собственник владел некогда этой землей, но он мог, например, потерять землю еще до завоевания сербской автономии (август 1815 — начало 1816), когда «турецкая власть распоряжалась имуществом, и ничто не могло быть захвачено самовластно или отнято без ее ведома»²².

Тем самым, землю свою истец потерял законным образом, а судебные решения, вынесенные до 1815—1816 гг., не могут быть пересмотрены.

¹⁴ «Глась народа Србскогъ», стр. 13.

¹⁵ «Сборникъ законá . . .», кн. 1, стр. 10.

¹⁶ Б. Недељков и Љ. Историја баштинске својине у новој Србији од краја XVIII века до 1931 г. Београд, 1936, стр. 180.

¹⁷ «Сборникъ законá . . .», кн. 1, стр. 103.

¹⁸ Б. Недељков и Љ. Там же, стр. 180; ср. Н. Вучо. Там же, стр. 173; С. Марковић. Избранные сочинения, М., 1956, стр. 391 (прим.).

¹⁹ «Сборникъ законá . . .», кн. 2, Београд, 1845, стр. 206.

²⁰ Там же, кн. 1, стр. 238.

²¹ Там же, кн. 1, стр. 103.

²² Там же, кн. 2, стр. 206—207.

После завоевания сербской автономии начинается «несправедливое занятие чужих земель»²³, но и в этом случае притязания истца должны быть отклонены. Ибо после завоевания автономии, — гласил Закон, — вплоть до издания фермана 26 октября 1833 г., уничтожившего спахийную систему, «только те могут считаться полными собственниками своих земель, кто имел тапии (купчие), а все остальные были лишь простые владельцы и держатели, поскольку земли находились под спахиями, или мукадом, или еминлуком, которые были подлинными и полноправными собственниками»²⁴. Как известно, до 1830 г. о покупке турецких земель фактически не могло быть и речи, а захваты земли сельской буржуазией были не так значительны. Уставохранительские же законодатели ловким перенесением срока ликвидации спахилуков (и перехода земли к крестьянству) закрепили за сельской буржуазией все захваченные в 1830—1833 гг. земли.

Но крестьянству, чтобы сохранить его под своим влиянием, взамен предоставлялась возможность вернуть свои земли, захваченные после 1833 г. старейшинами и князем Милошем. После хатти-шерифа 1833 г. — гласил Закон 28 июля — «все сербы стали полными собственниками своих земель и были уравнены с теми, кто имел на земле тапии», «И поэтому, как кто чем владел тогда и где кто в то время находился, так то и стало его собственностью, которая должна быть неприкосновенной и не может быть отобрана без надлежащего исследования и суда». Напротив, «владение землями до 26 октября 1833 г. было переменным или определялось правом спахийской системы, переносилось с одного на другого», и поэтому не имело силы тапии, в противоположность держанию на 26 октября 1833 г.²⁵

Земли, потерянные до 1833 г., не могут быть возвращены, если истец не имеет тапии. Но по Закону о возврате земель тапия против нынешнего владельца должна быть признана на суде с 1816 (затем с августа 1815), а в шести новых округах — с 26 октября 1833 г. Толкование этого закона (от 2 марта 1843 г.) было еще откровеннее — на суде признается тапия «какого угодно времени»²⁶. Это признание тапий в противовес крестьянскому держанию давало возможность крупному землевладельцу не только удержать захваченные земли, но и присвоить новые (как мы упоминали выше, путем покупки турецких земель).

И снова обращаясь к крестьянству, уставохранительские законодатели специальным пунктом 11 Закона 28 июля 1839 г. разрешали пересмотр судебного решения, вынесенного в 1816—1833 гг., если будет доказана явная неправедливость и «насилие под видом суда», если какой-либо представитель власти или судья данную землю сам занял и в свою пользу употребил, так как ни один представитель власти — ни судья, ни кмет, ни капетан, ни один старейшина и не мог и не может сам себе и для себя судить, а еще менее — без решения силой власти захватить что-нибудь и присвоить себе»²⁷. Одно это упоминание «забот» чиновников о правосудии достаточно ярко характеризует обстановку, сложившуюся в стране после ликвидации турецкого феодального землевладения.

Закон о возврате земель решал также и вопросы землепользования общин, споры из-за земель между старожилами и переселенцами, предусматривал возвращение баштины (или равноценного участка) сиротам, ушедшим в другое село или внаймы, если тем временем их баштины были

²³ Там же, стр. 206.

²⁴ Там же, кн. 1, стр. 104.

²⁵ Там же, кн. 1, стр. 105.

²⁶ Так же, кн. 2, стр. 206.

²⁷ Там же, кн. 1, стр. 105.

заняты старожилami или переселенцами. Главным же в Законе 28 июля 1839 г. было, разумеется, юридическое оформление результатов крестьянских выступлений против крупного землевладения князя Милоша и его приверженцев, последовавших после его вынужденного отречения. Хотя возможно, что часть земли Милоша и его сторонников перешла к сельской буржуазии полуфеодалного типа (но боровшейся против власти Милоша), все же, видимо, большая часть этих земель (особенно кулучные земли), снова перешла к крестьянам. Так, например, суд Пожаревацкого округа в 1839 г. вернул 211 крестьянам все их нивы и луга, некогда присвоенные Милошем и находившиеся в его собственности до отречения от престола ²⁸.

Между тем, свержение Милоша по сути дела означало конец всех заигрываний уставобранительской группировки сельских верхов, полуфеодалной буржуазии сербской деревни с крестьянством. Низложение Милоша вовсе не привело к ликвидации крупного землевладения сельских верхов, «народных» старейшин, чиновников и прочих полуфеодалных сельских буржуа. Поэтому крестьяне легко поддавались агитации сторонников Обреновичей, выдвинувших внешне радикальные лозунги.²⁹

Приверженцы Обреновичей, используя недовольство крестьян сохранением крупного землевладения, установили власть князя Михаила (1840—1842), власть полуфеодалной сельской буржуазии, которая пыталась сохранить кулук (под названием «моба») и расширить свои владения за счет крестьянства. Были восстановлены огромные княжеские имения, и князь Михаил отобрал у известных нам 211 крестьян Пожаревацкого округа их земли, некогда занятые Милошем, и даже потребовал денежного возмещения за годичное пользование ими ³⁰. Во владении князя к 1842 г., кроме домов в Белграде, были поля, луга, так называемые «дачи», имения в Крагуеваце и Пожареваце. Приближенные его огораживали леса, устраивая свои «забраны» (заповедные леса) ³¹, нередко впрочем, встречая сопротивление крестьянства. Так, в октябре 1840 г. крестьяне 8 мачванских сел Шабацкого округа «взбунтовались», отказались повиноваться окружным властям и во главе со своими кметами овладели одним из заповедных лесов и другими землями ³². Бунт был подавлен и у виновных стали описывать имущество. Однако их оказалось так много, что опись пришлось отменить.

Постепенно правительство князя Михаила стало все сильнее притеснять крестьян. Была запрещена рубка леса и пользование государственными пастбищами, общины обязывались выделять священникам земли (не менее 8 дней пахоты) и строить им дома. Со страхом смотрели крестьяне на подсчет своих сливовых деревьев княжескими чиновниками, ожидая введения нового налога.

Эта политика правительства князя Михаила Обреновича вызвала сильное недовольство крестьянства, которое было использовано уставобранителями для свержения Михаила 26 августа 1842 г. После установления вновь уставобранительского режима (1842—1858) были восстановлены все те завоевания, которых добилось крестьянство в результате выступлений и восстаний 30-х годов XIX в.: утверждение свободной крестьянской земельной собственности, окончательная отмена принудительного труда (кулука) в пользу князя и старейшин, возвращение большей части захваченных сельской буржуазией крестьянских земель.

²⁸ Н. А. Попов. Там же, т. 2, стр. 495.

²⁹ Там же, стр. 499.

³⁰ Там же, стр. 495.

³¹ «Глас народа Србскогъ», стр. 20—21.

³² Н. А. Попов. Там же, т. 2, стр. 102.

Указом 6 ноября 1842 г. был снижен государственный налог, затем разрешена рубка леса и корчевка для расширения крестьянской запашки, некоторым общинам были уступлены правительственные земли³³, конфискованы земли князя Михаила и, тем самым, уничтожен княжеский кулук. Эти княжеские земли были большей частью возвращены крестьянам. 2 марта 1843 г. (а затем в 1822—1845 гг.) было издано толкование закона о возврате земель, фактически восстановившее полностью сам закон. Так, например, в 1843 г. снова получили свои земли 211 крестьян Пожаревацкого округа³⁴, как, видимо, и многие другие. Об этом возвращении крестьянам пахотных земель, лугов и пастбищ сохранилось немало свидетельств в документах окружных властей того времени. Это наглядно видно, в частности, на примере Ужицкого округа (юго-западная Сербия).

Только в этом округе уставобранительские власти в 1844 г. ввиду настойчивых просьб сельских общин и отдельных крестьян вынуждены были признать необходимым возвращение крестьянам 349 «кос» лугов (т. е. около 77 га) в срезам Моравицком и Руянском. Эти данные весьма любопытны не только тем, что свидетельствовали о восстановлении прежних размеров крестьянского землепользования. В данном списке правительственных земельных владений в Ужицком округе четко сказано о захвате тех или иных участков в 1837 г. князем Милошем. Более того, в жалобах и просьбах крестьян по поводу той или иной земли указывалось, что эти участки были их «баштиной», наследственными наделами еще при турках. В числе этих земель была, например, Жарска Долина, которая была присоединена к правительственным (т. е. княжеским) землям в 1837 г.; как гласит документ, «крестьяне Брусничане — их 11 дворов — просят ее, потому что она относилась раньше к их баштине и была у них отнята»³⁵.

Точно так же, как свидетельствует названный список (от 11 мая 1844 г.) и в срезе Црногорском было решено вернуть селам ряд земель, отобранных у них после ликвидации спахийского землевладения (здесь также в крестьянских просьбах делается ссылка на то, что и при турках крестьяне держали эти земли на правах баштины)³⁶. К сожалению, точно не известно, когда земли этого среза были отобраны у сел. Хотя часть крестьянских земель осталась в ведении уставобранительского правительства, все же данные факты позволяют говорить об изменении в соотношении крестьянского и крупного землевладения по сравнению с временами правления князя Милоша (в данной связи следует сказать и о конфискации владений других Обреновичей, например, Йована).

При уставобранителях вновь были подтверждены и постановления Устава о нерушимости поземельной баштинной собственности, об окончательной ликвидации спахилуков в Сербии (статьи 211—213 Гражданского кодекса 1844 г.). Это признание свободной крестьянской собственности означало установление именно буржуазных аграрных отношений, несмотря на попытки югославских буржуазных историков уверить, что в Сербии возникла некая «новая баштинная система», что крестьянская революция была не буржуазной, а «баштинной аграрной»³⁷. Однако ликвидацией спахилуков и признанием свободной крестьянской собственности не исчерпывались задачи буржуазной перестройки турецкой аграрной системы.

³³ Н. А. Попов. Там же, стр. 607.

³⁴ «Записи Јеврема Грујића», књ. 3. Београд, 1923, стр. 12

³⁵ Б. Перунич и Ђ. Чачак и Горњи Милановац 1815—1865. Чачак, 1968, стр. 488—496.

³⁶ Там же, стр. 487—488.

³⁷ См., например, Б. Недељковић. Там же, стр. X, 170.

В период правления «уставобранителей» (1842—1858 гг.) были завершены начатые в 30-х годах XIX в. преобразования аграрных отношений на территории Сербского княжества, окончательно устранены последние турецкие земельные институты («мюльки», «вакуфы»). В этот период было законодательно закреплено освобождение (но неполное) крестьян из монастырских сел; в руки сербских собственников перешли турецкие частновладельческие земли, христианская церковь получила от уставобранительского правительства вакуфные имущества и поставила тем самым в зависимость от себя крестьян, живших на вакуфных землях.

Всеобъемлющий характер охвативших все категории земельной собственности изменений в аграрных отношениях, общеисторическая значимость этих изменений, означавших переход от феодальных к буржуазным аграрным отношениям, свидетельствуют, что в Сербии в этот период совершился аграрный переворот. Огромную роль сыграло крестьянское движение. Следует отметить однако, что аграрный переворот и крестьянское движение 30-х и 40-х годов XIX в. не уничтожили крупного сербского землевладения сельской и городской буржуазии, хотя и привели к определенному сокращению и ограничению его в целом (по сравнению с началом 30-х годов) за счет имений династии Обреновичей и их виднейших приверженцев.

Характерной особенностью сербского общества, начавшего (хотя еще и весьма медленно) развиваться по буржуазному пути, было наличие крестьянства свободного (в юридическом смысле) и от феодалов (турецких спахий и читлук-сахибий) и от сербской сельской полуфеодальной буржуазии. Этот аграрный переворот следует признать несомненно радикальным, поскольку надежды сербской полуфеодальной верхушки на создание новых спахилуков (поместий) были бесследно развеяны мощным подъемом крестьянского движения, поскольку крестьяне были освобождены от власти турецких феодалов, а выкуп крестьянской земли в централизованном порядке (в сумме общего государственного налога) был гораздо выгоднее крестьянам, нежели выкуп земли в форме частной сделки, когда земля в конце концов нередко переходила не к крестьянину, непосредственному производителю, а к представителям сельской или городской буржуазии.

В результате освобождения от власти турецкого феодального государства (1815) и антифеодального аграрного переворота (в 30-х годах XIX в.) Сербия стала страной преимущественно мелкокрестьянской, мелкобуржуазной, в которой, однако, наибольшим политическим и экономическим влиянием пользовалась молодая сербская сельская буржуазия (позднее — также и городская буржуазия)³⁸. Ввиду общей экономической отсталости страны и неразвитости буржуазных отношений³⁹ сербская сельская буржуазия представляла еще прослойку полуфеодального типа, в известной мере сходную с болгарскими чорбаджиями, а отнюдь не буржуазию фермерского типа, вовсе не сельскохозяйственных капиталистов и аграриев эпохи развитого капитализма.

³⁸ Ср. С. А. Никитин. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале). в сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов» (VI Международный съезд славистов). М., 1968, стр. 70—71, а также выступление его на научной сессии в Москве в 1966 г. в сб. «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма». М., 1969.

³⁹ О господстве (и малой развитости) капиталистического способа производства при parcelлярной крестьянской собственности см. К. Маркс. Капитал, т. III, гл. 47, разд. V. (Издольное хозяйство и крестьянская parcelлярная собственность).

Д. С. ПРОКОФЬЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ПОЛЬШИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (Корреспонденция издателей Завадских)

В Польше после разделов частные типографии играли особую роль. Деятельность типографов и книгоиздателей способствовала оживлению литературной жизни, становясь настоящим общественным институтом, центром культуры. Издатели вели корреспонденцию с широким кругом лиц, деятелями просвещения, литературы, искусства. Большой интерес для историка литературы представляет переписка издателей Завадских.

Типография и издательство Завадских существовали 130 лет. Основателем этой династии был Юзеф Завадский (1781—1838). Он создал крупные издательства в Варшаве и Вильне. Его сыновья, Адам (ум. в 1875 г.) и Феликс (ум. в 1891 г.), вели дело также в Вильне, Варшаве и Ковно, сын Юзеф (ум. в 1885 г.) — в Киеве, внук Юзеф — в Житомире. Деятельностью этой фирмы, перепиской издателей уже интересовались польские ученые¹. В то же время немалое количество писем осталось не использовано. В неопубликованных письмах содержится обширный материал, интересный для историка литературы. Для того чтобы ввести весь этот материал в научный обиход, необходима кропотливая и длительная работа.

Книгоиздатели и книгопродавцы получали письма и заявки на польские книги из разных частей России — не только из обеих столиц, но и из Вятки и Енисейска, Херсонской и Воронежской губерний, Курска и Верхнеудинска. По этим заявкам можно не только определить географию пребывания польских ссыльных, военных частей, в которых служили поляки, и т. д., но и утверждать, что посланная польская книжка переведена, пересказана, прочитана русскому знакомому, другу, соседу в различных уголках России. Так, в одном из писем из Великого Устюга Вологодской губернии сообщается о некоей русской даме, прекрасно знающей немецкий и французский языки, которая хотела бы изучать польский. Поэтому в Великий Устюг были посланы словари и учебные пособия. В 1852 г. филолат, ориенталист Ян Верниковский (1800—1877) просил прислать в Симбирск все произведения Юзефа Коженевского, интересовавшегося переводами Афанасьева (Чужбинского) и сообщал, что «в Симбирске есть несколько человек, прекрасно знающих оба языка и желающих заняться переводами»². Нередко приходили запросы на польскую книгу от русского адресата. Еще в начале 40-х годов некто А. Федоров

¹ T. Turkowski. Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi. Z archiwum drukarni i księgarń Józefa Zawadzkiego w Wilnie z lat 1805—1865. Wilno, 1935—1937; L. Abramowicz. Cztery wieki drukarstwa w Wilnie. Wilno, 1925.

² T. Turkowski. Ibid., t. I, s. 315.

писал: «Я живши несколько лет поблизости Вашего пребывания, — присвоился к польскому языку — полюбил его до крайности, а по приезде в Москву занимаюсь переводами с оного...»³. В 1862—1863 гг. Алексеев из Казани просил прислать польско-русско-французский словарь и историю польской литературы Л. Кондратовича⁴.

Среди русских адресатов фирмы Завадских — известные русские деятели Н. Станкевич и Н. Костомаров (правда, их письма хронологически выпадают из рассматриваемого периода). Письмо Н. Станкевича — это просьба прислать историческое сочинение И. Лелевеля. Написано оно 28 марта 1834 г. Кстати, в одном из опубликованных писем этого периода Станкевич сообщает адресату о своих работах для профессоров Надеждина и Каченовского:

«Каченовскому стану писать: „О причинах постепенного вызвышения Москвы до смерти Иоанна III-го“⁵. В связи с этой работой и понадобилась „История Польши“ ... И. Лелевеля. „Милостивый государь“! Прошу Вас прислать мне следующую, публикуемую в каталоге Вашем книгу: *Lelewel. Dzieje Polski potoczny sposobem opowiedzial, do nich 12 krajobrazów skreślił. Warszawa, 1830.*

Адрес мой: Николаю Владимировичу Станкевичу, на Большой Дмитровке в доме профессора Павлова в Москве. Ваш покорный слуга Н. Станкевич.

28 марта 1834

Москва

Надеюсь, что Вы книгу вышлете с первою почтою»⁶.

По всей вероятности, книга была послана вовремя, так как в сноске к опубликованной в «Ученых записках императорского Московского университета» работе Станкевича в этом же 1834 году приводятся слова именно из этой книги Лелевеля⁷.

Н. И. Костомаров просил Завадского прислать дневники о войнах при Хмельницком и другие книги. Кроме того, ученый предложил Завадскому принять участие в издании народных памятников: «Сверх того, не угодно ли Вам будет взять на себя издание сборника украинских народных памятников, который я выдаю в свет... Он будет носить название Памятника народной южнорусской поэзии и состоять из номеров, из которых три, заключающие в себе 600 пиес, уже получены из цензуры»⁸.

Начиная с 50-х годов, в соответствии с духом времени, начинают преобладать запросы на энциклопедии, книги по географии, истории, философии, эстетике, истории литературы. Из литературных сочинений больше всего просят прозу Крашевского, Коженевского, Качковского. Из поэтов, пожалуй, чаще всего встречается имя Сырокомли. Популярность сочинений того или иного автора оказывала влияние на издателей. Это играло не последнюю роль в решении вопроса о переиздании того или иного произведения, о заключении новых издательских договоров с популярными писателями.

Адам Завадский был многолетним издателем сочинений Юзефа Игнация Крашевского. В Вильне же, у Завадских, публиковалась большая часть произведений Юзефа Коженевского. Сохранилась переписка этих

³ ЦГИА Лит.ССР, ф. 1135, оп. 7, ед. хр. 403, л. 345.

⁴ Там же, ед. хр. 400, л. 65—68.

⁵ Н. Станкевич. Переписка. М., 1914, стр. 279.

⁶ ЦГИА Лит.ССР, ф. 1135, ед. хр. 460, л. 184.

⁷ «Ученые записки императорского Московского университета». 1834, ч. 5, № 2, стр. 266; «*Dzieje Polski Ioachim Lelewel potoczny sposobem opowiedzial do nich dwa-naście krajobrazów skreślił.* Warszawa, 1830, s. 134.

⁸ ЦГИА Лит.ССР, ф. 1135, оп. 7, ед. хр. 426, л. 390.

писателей с Завадскими. Письма Крашевского Завадскому и Завадского Крашевскому опубликованы в упомянутом выше издании Т. Турковского. В этих письмах исследователь найдет интересные материалы к творческой биографии одного из основоположников реализма в польской прозе. Крашевский в целом ряде писем пишет о трудностях писательского труда, делится мыслями о своих собственных сочинениях.

1850, 17 ноября: «Кончаю переписывать „Кордецкого“ т. 1. Высылаю его тебе, как и обещал. 2 том будет незамедлительно переписан и отослан. Сначала прошу тебя прочитать и сделать свои замечания. <...> Потом проследи за цензурой, и спаси боже от вычеркиваний, сообщи мне, какие будут, чтобы я залатал дыры, если ты сам этого не сможешь сделать. А теперь, сперва богу, а потом тебе поручаю мое детище... многих трудов и страданий оно стоило...»⁹.

1850, 29 ноября: «Мокрым еще пером, которым я закончил поправлять 2-й том „Кордецкого“, пишу к тебе, посылая тебе самое лучшее, что я имею, и не нужно тебя просить, чтобы ты поспешил с цензурными делами. Не знаю, напишу ли я еще раз что-либо подобное, не знаю, будут ли биться людские сердца при чтении; мое билось, когда я писал, это точно; наверняка это не один из тех обыкновенных романов, которые каждый день пишутся и печатаются. <...> Это мое любимое дитя...»¹⁰ Преувеличена ли эта оценка или нет — это мнение автора о своем сочинении, и с этим нельзя не считаться.

Не только как к официальному лицу, но как к доброму знакомому обращался к Адаму Завадскому и Юзеф Коженевский. Ему он поверял свои суждения о собственных творениях, делился своими переживаниями, трудностями, планами. О втором томе «Странствий оригинала» Коженевский писал: «Мне кажется, что я справился с довольно трудным заданием удачно и сделал вещь интересную и отвечающую времени. Это мнение разделяют несколько знакомых, которым я показывал рукописи, дай бог, чтобы таким было и Ваше мнение и мнения всех. Мне этот том стоил большого труда, так как я переработал его почти готовый»¹¹.

Высокие оценки своих произведений — это не стремление автора «выгодно предложить свой товар». Об этом между прочим говорится в письме поэтессы Деотымы (Ядвиги Луцевской, 1834—1908): «Трудно выразить, как мне неприятно, что моя работа затянулась сверх всякого ожидания. В дальнейших частях она оказалась несравненно более кропотливой, чем я предполагала; со второй частью я особенно долго не могла справиться... То, что работа была медленной, это правда, но поэма очень выиграла от этой переработки; можно смело сказать, что она теперь в два раза больше стоит, чем раньше. Я совсем не приноравливала эти слова к гонорару, который, само собой разумеется, остается неизменным, поскольку это только моя добрая воля заставила меня взяться за переделку моей давнишней работы. Посылаю теперь, милостивый государь, вещь законченную, украшенную и обогащенную целым арсеналом техники, приобретенным мною за тридцать лет, истекших с написания первого текста...»¹².

В письмах Юзефа Коженевского, как и в письмах других писателей, немалое место занимают вопросы, связанные с цензурой. В письме от 23 марта 1851 г. он писал, что «...цензура у нас чрезвычайно подозрительна...». А 8 мая 1852 г. протестовал против вмешательства цензуры¹³.

⁹ Т. Turkowski. Ibid., t. III, s. 163.

¹⁰ Ibid., s. 166.

¹¹ ЦГИА Лит.ССР, ф. 1135, оп. 7, ед. хр. 424, л. 26.

¹² Там же, ед. хр. 40, л. 81, 81 об.

¹³ Там же, ед. хр. 424, л. 26, об., 35.

Из письма Крашевского (2 января 1852 г.) издатель узнает, что повесть «Гриць Сорока» была предложена для «Газеты варшавской», «но цензура ее с середины не пропустила, хоть я и не вижу в этом смысла»¹⁴. Этот «смысл» становится понятным из письма А. Завадского Крашевскому (1 февраля 1852 г.): «Прочитав вплоть до исповеди, до той таинственной встречи под Ледовым гаем, я не знал, что цензор мог иметь против этой повести, но как только я перешел к описанию страшной общественной катастрофы, которая стоила столько крови, я не мог надивиться, как ты, дорогой пан Юзеф, мог даже предполагать, что подобный отрывок каким-либо способом может быть одобрен... Подумав и посоветовавшись частным образом с цензором, я убедился в том, что весь отрывок со стр. 149—202 должен быть совершенно выброшен, переработан...»¹⁵. Крашевский не раз просил Завадского помочь провести его или чье-либо произведение через цензуру с наименьшими потерями.

У Завадского были дружеские отношения с цензорами, а как следует из материалов «комиссии для рассмотрения польских и жмудских книг...», учрежденной по распоряжению главного начальника Северо-Западного края, «...рассматривая действия цензора Кукольника, живущего в Вильне более 40 лет, в связи с деятельностью также весьма старинной фирмы Осипа Завадского, комиссия не может не прийти к заключению о существовании между польским книгопродавцом и русским цензором весьма близких... отношений»¹⁶.

Книгоиздателей Завадских комиссия (1865 г.) нашла «более чем неблагонадежными и заключила о необходимости прекратить издательскую деятельность их и закрыть их книжный магазин»¹⁷. Завадским в числе прочего инкриминировалось то, что у них была найдена запрещенная книга Немцевича («*Podróże historyczne po ziemiach polskich 1811—1828*», Paryż, 1858). А в секретном архиве III отделения о Завадских в докладе политического отделения по вопросу о торговле польскими и жмудскими книгами сообщается, что «...у Завадских найдено множество книг, хотя и пропущенных цензурой, но которые, состоя большей частью из молитвенников и сочинений с историческим характером, все более или менее направлены к возбуждению религиозного и политического фанатизма. Таковы есть 42 сочинения Сырокомли (Кондратовича) и сочинения об учреждении братств трезвости»¹⁸.

Комиссия усматривала отягчающие для фирмы Завадских обстоятельства в том, что Феликс Завадский в 1847 г. решением Паскевича был сослан в Саратов, а в 1866 г., как раз в период, когда комиссия генерала Столыпина рассматривала деятельность издательств, он после 10-летней ссылки вернулся к книгоиздательской деятельности.

За длительную деятельность у Завадских было немало конфликтов с официальными властями, с цензурными ведомствами. Так, по жалобе Завадского в 1875 г. было заведено специальное дело — «Дело по жалобе типографа Завадского на предание его суду за напечатание в новом издании молитвенника на польском языке под заглавием „Золотой алтарь“ мест, запрещенных цензурою»¹⁹.

В связи с приведенными фактами, вероятно, понятнее становится отношение многих писателей к издателям. В 1851 г. писатель Зенон Фиш писал Завадскому: «Мы Вас все выделяем из толпы ординарных книго-

¹⁴ Т. Turkowski. Ibid., t. III, s. 189.

¹⁵ Ibid., s. 192.

¹⁶ И. Корнилов. Русское дело в Северо-Западном крае. СПб. 1901, стр. 376.

¹⁷ Там же, стр. 366.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 109, с.а., оп. 1, ед. хр. 1834, л. 29—30.

¹⁹ ЦГИА Лит.ССР, ф. 1241, оп. 1, ед. хр. 67, л. 1.

издателей; видим в Вас книгоиздателя-эстетика»²⁰. Антонин Петкевич (Адам Плуг), обращался к издателю со словами доверия и почтения: «С совершенным доверием обращаюсь к Вам: мне придает смелости известная Ваша репутация человека чести и Ваши благородные намерения поддерживать начинающих»²¹.

В архиве Завадских представлены различного рода договоры, условия которых представляют интерес для историка литературы. Иной раз такой договор содержит автограф того или иного писателя, автограф делового письма, в котором нередко проявляется индивидуальность автора, его принципы, его темперамент (см. ниже письмо-договор Деотымы).

Договор с поэтом Леонардом Совиньским (1831—1887), участником патриотических манифестаций, который выдвигал в своем творчестве лозунг борьбы с захватчиком («Z żucia», 1860), пытался наполнить поэзию философским содержанием, — представляет собой автограф его письма.

Другой писатель, прозаик, мастер бытового портрета, Клеменс Шанявский (псевдоним Юноша, 1849—1898) продает фирме Юзефа Завадского в Вильне право одноразового издания своих новелл под названием «Из Варшавы». Это тоже автограф польского писателя²².

Личность автора, поэтессы Деотымы, отчетливо вырисовывается в одном из пунктов договора, выделенного ею NB: «Юзеф Завадский приобретает от Вной * Ядвиги Луцевской (Деотымы) одно издание ее поэмы п.н. „Польша в песне“ — „Gonitwy w dolinie Prądnika“, — за которое обязуется: 1-е выплатить гонорар в количестве ста тридцати рублей серебром rs 130, которые будут вручены поверенному автора одновременно с получением рукописи. 2-е Согласно принятому обычаю, выдать бесплатно двадцать экземпляров, которые будут посланы автору сразу же после напечатания поэмы. 3-е прислать автору две корректуры, без подписи которой не может быть напечатан ни один лист. NB Автор предупреждает, что не согласится ни на какие изменения цензуры, и в случае, если нельзя провести поэму без цензуры, отбирает у издателя свою рукопись и возвращает ему гонорар. Варшава 18/6 августа 1897 г. Ядвига Луцевская»²³. Этот выделенный пункт договора убеждает в том, что и в условиях гнета царской цензуры писательница оставалась верной своим принципам.

В письмах к Завадским встречаются чрезвычайно любопытные мысли писателей у своих собратьях по перу. Так, Юзеф Коженевский неоднократно упоминает имя Сырокомля, пишет о его растущей популярности²⁴.

Сырокомля в эти годы был очень популярным поэтом. Редкое письмо к Завадским с просьбой прислать польские книги обходилось без имени поэта. В 1854 г. Адам Завадский писал Крашевскому: «Поэзия у нас принимается общественностью трудно. В течение 20 лет почти один Сырокомля... пришелся по вкусу»²⁵.

Многие факты и лица, упоминаемые в корреспонденции Завадских, малоизвестны, забыты или неясны. А иногда лишь одно письмо или факт могут пролить свет на интересные и важные проблемы. Историк литературы не может ограничивать поле своей деятельности именами крупных или известных писателей. Потребность в обращении к так называемым второстепенным именам возникает довольно часто. В этом убеждает, в частности, изучение корреспонденции Завадских.

²⁰ Там же, ф. 1135, оп. 7, ед. хр. 402, л. 192.

²¹ Там же, ед. хр. 446, л. 152.

²² Там же, ед. хр. 40, л. 62.

* Вной — вельможной.

²³ Там же, л. 84.

²⁴ Там же, ед. хр. 424, л. 41.

²⁵ T. T u r k o w s k i. Ibid., t. III, s. 240.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

ЕЩЕ РАЗ О НАЧАЛЬНОЙ ДАТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧЕШСКОГО ОБЩЕСТВА НАУК

Чешское общество наук, возникшее в Праге в 1770-е годы, первоначально под наименованием Частного общества в Чехии для содействия успехам математики, отечественной истории и естествознания, с самого начала объединило в своих рядах всех сколько-нибудь заметных представителей чешской просвещенческой науки. Оно сыграло большую роль не только в развитии науки и культуры Чешских земель, но и в пробуждении национального самосознания чешского народа. Поэтому факты, касающиеся истории Общества, представляют немалый интерес, тем более что в этой области выяснено далеко не все: например, спорным остается вопрос о дате его возникновения.

Этот вопрос за последние годы вновь привлек к себе внимание чехословацкой общественности, чему в немалой степени содействовало приближающееся двухсотлетие Общества и объявленный в связи с этим на 1971 г. конкурс на создание работ по его истории¹. Заслуживают, в частности, упоминания помещенные в чехословацкой печати статьи о ранней истории Общества и о деятельности отдельных его участников — И. Борна, Ф. Пельцла, А. Фойгта, Ф. Кинского и др. В статье «К оснванию Частного общества наук» Й. Гаубельт² обратил внимание на письмо И. Борна к Ф. Кинскому 20 июня 1773 г. и опубликовал недавно выявленное письмо И. Борна в Берлинское общество друзей естествоиспытателей 20 августа 1774 г., на которое несколько ранее обратил внимание И. Беран³. Ближайшее отношение к интересующему нас вопросу имеет статья В. Ванечка «Заметки по вопросам 200-летия королевского Чешского общества наук». Автор детально анализирует источники и литературу и приходит к совершенно правильному выводу, что процесс складывания общества не был единовременным, а прошел два этапа: 1769—1772 гг. и 1772—1774 гг.⁴ Эти соображения дают повод еще раз вернуться к уточнению предмета спора. В самом деле, выясняя причины существенных расхождений в датировке возникновения научного общества, можно заключить, что в значительной мере они вызваны различием подхода отдельных

¹ См. обзор: J. B e r a n. Osmdesátiletá diskuse o vzniku Soukromé společnosti nauk. «Dějiny věd a techniky», t. 1, 1968.

² J. H a u b e l t. Ke vzniku soukromě učené společnosti. «Dějiny věd a techniky», t. 4, 1969, s. 247—253.

³ J. B e r a n. Vznik soukromé společnosti nauk v Cechách. Věstník ČSAV, 1968, № 6, s. 658—659.

⁴ V. V a n ě ě k. Glosy k otázkám 200. výročí vzniku královské české společnosti nauk. Věstník ČSAV, 1969, № 3, s. 331—332.

исследователей к решению вопроса. Если часть исследователей⁵ сосредотачивается на поисках первичной даты усилий его основателей⁶ (т. е. рассматривают проблему датировки в широком смысле слова), другая часть⁷ обращает внимание на выяснение времени возникновения именно Чешского общества наук в форме Частного общества и на вскрытие его соотношения с предшествующими формированиями — частными кружками, борнианским Обществом ученых мужей и т. п. (т. е. рассматривают проблему датировки в узком смысле слова).

Понимая правомерность и даже необходимость сочетания обоих подходов, мы в данном случае хотели бы остановиться на втором⁸, т. е. на источниках, говорящих о времени начала работ членов Частного общества как самостоятельно оформившегося научного объединения.

Открывая первый том «Трудов» реорганизованного Чешского общества наук, его секретарь Ян Майер в 1785 г. сделал краткий экскурс в историю Общества, связывая его основание с именем И. Борна. «Возникновение этого учреждения, которое известно под именем Чешского ученого частного общества, — писал он, — приходится на 1769 г. В следующем году в печати появились первые плоды этого общества: ими являются хорошо знакомые, принятые со всеобщим одобрением „Пражские ученые известия“. Однако многие препятствия, которые в те времена еще стояли перед каждым печатным сочинением, особенно перед таким, как это, где выражались требования неограниченного и беспристрастного свободомыслия, которое служило бы непосредственной пользе, вынудили издателей год спустя прекратить работу. Вскоре после этого вышли в свет настоящие и более целесообразные работы этого общества: это со многими одобрениями принятые „Труды чешского частного общества...“, выпущенные г-ном придворным советником Борном... в шести томах»⁹.

Сходные сведения, скорее всего заимствованные у Майера, были в 1787 г. повторены Германом из Германсдорфа в некрологе кн. К. Э. Фюрстенберга, первого президента Чешского общества наук¹⁰. В итоге версия Майера — Германсдорфа положила начало мнению, что Чешское общество наук, первоначально в форме Частного общества, возникло в 1769—1770 гг. Но со временем эта традиционная точка зрения, не подкрепленная иными источниками, стала вызывать сомнения.

В самом деле, сообщения Майера, повторенные Германом из Германсдорфа, содержат несоответствия и противоречия. Прежде всего «Праж-

⁵ C. d'Elvert. Historische Literatur-Geschichte von Mähren und Osterreichisch-Schlesien. Brünn, 1850, S. 224; J. K a l o u s e k. Děje král. české společnosti nauk. «Naše věda», 1934, № 10, s. 244; A. P r a ž á k. O dvě hlavní data vzniku soukromé společnosti nauk a české společnosti nauk. «Naše věda», 1934, № 10, s. 247; V. V o j t i š e k. 180 let královské společnosti nauk. Věstník KC SN. Třída filosoficko-historicko-filologická. Praha, 1952, VI, s. 1.

⁶ Следует отметить плодотворную мысль В. Войтишека о существовании определенной взаимозависимости истоков Чешского научного общества с состоянием библиотек в Праге. Ссылаясь на опыт Англии и Германии, он обращал внимание на то, что для объединения усилий пражских ученых на рубеже 1760—1770-х годов большое значение имели крупные шляхетские библиотеки гр. Ностиц и гр. Кивских. См. V. V o j t i š e k. Ibid., s. 3—4.

⁷ J. H a n u š. Počátky král. české společnosti nauk. ČSN, 1908, s. 324; A. K r a u s. Kdy byla založena soukromá společnost v Čechách? ČSN, 1936, s. 72; J. P r o k e š. Počátky české společnosti nauk do konce XVIII st. D. I. Praha, 1938, s. 11—12; M. K u d ě l k a. L. J. Seřník. Ostrava, 1957, s. 50—51; J. H a u b e l t. Ibid., e.a.

⁸ Время возникновения борнианского Общества ученых мужей мы датруем первой половиной 1771 г. См. подробнее: А. С. М ы л ь н и к о в. Возникновение раннепросветительских объединений в Чешских землях. В кн. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, стр. 48.

⁹ «Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften auf das Jahr 1785 nebst der Geschichte derselben». Bd. 1. Prag, 1785, S. III—IV.

¹⁰ «Abhandlung der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften . . .», Bd. 3, S. 178.

ские ученые известия» выходили в свет не в 1770 г., как утверждал Майер, а с октября 1771 по сентябрь 1772 г. С другой стороны, 1769 год как дата основания любого объединения во главе с Борном отпадает, так как Борна до конца 1770 г. не было в Праге. Все же традиционная точка зрения продолжала сохранять своих сторонников. В защиту ее выступали в свое время А. Пражак и О. Сейдл. Пражак высказывался за принятие версии Майера — Германсдорфа, ссылаясь на обнаруженное им письмо Ф. Пубички к Яблоновскому (1771 г.)¹¹. Из письма следовало, что уже в этом году в Праге существовало научное общество во главе с Борном. По-своему истолковывая найденный документ, Пражак выдвигал следующую гипотезу. В 1769 г. Борн совместно с Кинским разработали проект создания в Праге научного общества, в 1770 г. начали предпринимать практические шаги к реализации своего плана, в 1771 г. собрали вокруг себя участников «Пражских ученых известий», а в 1774 г. основали Частное общество. «Поэтому, — заключил Пражак, — мы отнесли бы начало общества наук к 1770 г.»¹². Солидаризировавшийся с ним О. Сейдл, сопоставляя существовавшие к тому времени противоречивые мнения о начальной дате Частного общества, сделал попытку документального подтверждения традиционной точки зрения. Он указывал, что на дату основания Общества в 1769 г. ссылался секретарь его И. Вегнер в 1884 г.; что другой секретарь Общества М. Калина из Етенштейна (1772—1848) в 1836 г. говорил об основании Общества Борном в 1770 г. и о том, что в 1771—1772 гг. вышло в свет 25 номеров «Пражских ученых известий»; что астроном М. Давид, с 1807 по 1831 г. занимавший должность секретаря Общества, в 1825 г. датой его основания называл 1769 г.¹³ Подводя итог своим наблюдениям, Сейдл указывал: «... Полагаем, что возникновение Частного общества следует отныне относить к 1769 г.»¹⁴.

Выводы Пражака подверглись критике со стороны А. Крауса, а затем и Я. Прокеша. Оба автора напоминали, что Борн прибыл в Прагу лишь в 1770 г. и, следовательно, до этого не мог стать организатором Частного общества. Краус исходил из того, что версия Майера была основана на заблуждении, так как сам он в начале 70-х годов был еще студентом и не имел связей с кружком борнианцев. Руководящее же место в Частном обществе Майер занял позднее, к концу десятилетия, после отъезда Борна из Праги¹⁵. Соглашаясь с аргументацией Крауса, Прокеш подчеркивал, что «Пражские ученые известия» составляют предысторию Общества. По поводу же ссылки Пражака на найденное им письмо Пубички, Прокеш замечал, что речь в нем шла не о данном Обществе, а об одном из существовавших в Праге кружков¹⁶. Эту мысль полностью поддержал М. Куделка: «Из смысла всей переписки между Пубичкой и Яблоновским вытекает, что Пубичка говорит скорее о двух группах пражских ученых, образовавшихся в ходе спора о праотце Чехе»¹⁷. Надо заметить, что ссылки на свидетельства секретарей Общества в XIX в., непосредственными или хотя бы ближайшими современниками основания Общества не являвшихся, лишены, строго говоря, доказательной силы, к тому же они нередко повторяют друг друга. Мы уже не говорим, что сами по себе эти свидетельства отличаются несогласованностью и неточностью. Например, если

¹¹ А. Краус. Ibid., s. 56—76.

¹² А. Пражак. Ibid., s. 246.

¹³ О. Сейдл. Ibid., s. 242—243.

¹⁴ О. Сейдл. Ibid., s. 247.

¹⁵ А. Краус. Ibid. s. 72.

¹⁶ Я. Прокеш. Ibid., s. 20—21.

¹⁷ М. Куделка. Spor Gelasia Dobnera o Hájkovu krniku. Praha, 1964, s. 32.

Вегнер в 1884 г. датой основания Частного общества, как и Давид в 1825 г., называл 1769 г., то Калина относил это к 1770 г. Совершенно неверно и его указание на то, будто бы в 1771—1772 гг. вышло 25 номеров «Пражских ученых известий», поскольку борнианцы за указанный срок успели выпустить два тома по 25 номеров каждый, т. е. всего 50 номеров. Лишено какого бы то ни было смысла и мнение Давида, что первые члены Частного общества были объединены Борном в 1769 г., когда последнего в Праге не было. При оценке подобных сведений нельзя отрешиться от мысли, что принадлежали они людям, как это ни покажется парадоксальным, весьма приблизительно знавшим историю Чешского общества наук. В основе этого, по всей вероятности, лежала недооценка вопроса¹⁸, при освещении которого автоматически и с существенными неточностями из поколения в поколение переказывался очерк Майера. Так, одна неточность порождала другую, а сведения, искаженные сами по себе, с годами обрастали легендами, чья подлинность освещалась давностью их возникновения.

Несравненно более существенны и авторитетны свидетельства участников Частного общества, близко знавших Борна и потому хорошо осведомленных об истории организации научного общества. Какими же материалами мы располагаем теперь? В первую очередь «Автобиографией» Г. Добнера, некрологом А. Фойгта, написанным Ф. Пельцлем, автобиографией Л. Шершника, двумя письмами И. Борна, соответствующим фрагментом рецензии И. Добровского на «Историю чешской литературы» И. Юнгмана и некоторыми косвенными материалами. Правда, все эти документы написаны (исключая письма Борна) не ранее конца 1780-х годов, а рецензия Добровского и подавно в 1827 г. Но тем не менее они обладают двумя особенностями, выгодно отличающими их от свидетельств секретарей Общества.

Во-первых, они исходили от участников общественного движения 1770-х годов и, независимо от времени создания, в определенном смысле носили характер первоисточников. Во-вторых, — и это самое главное — они по обстоятельствам возникновения отличались автономностью. Это значит, что писались упомянутые документы в разные годы, для совершенно различных целей, и потому их воспроизведение каждым последующим автором исключается. Так, Пельцль, работая над некрологом Фойгта, как и Добнер, писавший в 1780-х годах свою «Автобиографию», уже по смыслу этих произведений опирались в первую очередь на собственные воспоминания. Точно так же письма Борна или автобиографические заметки Шершника никак не могли повлиять на характер суждений Добровского в рецензии на книгу Юнгмана.

Итак, рассмотрим с учетом сделанных оговорок содержание этих свидетельств, начиная с «Автобиографии» Добнера. «В 1774 г. вышел в свет третий том его „Monumentorum“. И в том же году г-н фон Борн учредил в Праге ученое частное общество», — писал Добнер¹⁹. Рассказав о побудительных мотивах, которыми было вызвано появление в 1773 г. «Изображений чешских и моравских ученых и художников», Пельцль в некрологе Фойгта констатировал: «Вскоре после этого несколько патриотов собрались в Праге и основали Частное общество, заложив тем самым основу для сегодняшней публичной Академии наук»²⁰ — и называл секретаря Яна

¹⁸ «Ошибкой Общества в 1785 г. было то, что оно слишком лаконично говорило о своих истоках», — справедливо писал Ванечек и не без иронии добавлял: «Однако десять тогдашних действительных членов не могли знать, что будет мучить их историю спустя 120—200 лет». V. V a n e č e k. *Glosy* . . . , s. 325.

¹⁹ «Autobiografie G. Dobnera». Vyd J. Hanuš. ČCH, 1917, s. 137—138.

²⁰ «Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften». Bd. 3. Prag, 1787, S. 16—17.

Майера фактическим «основателем этого вновь устроенного общества». Шершник сообщал, что «общество стало создаваться в период ликвидации ордена иезуитов»²¹. Борн в письме Кинскому 20 июня 1773 г. замечал, что никто еще ни в Чехии, ни в других наследственных землях Габсбургов не помышлял об основании ученого общества для объединения усилий знатоков природы, а в письме 20 августа 1774 г. благодарил Фербера за избрание его членом Берлинского общества друзей естествоиспытателей и сообщал об основании им «Частного общества ученых мужей в Чехии, которые взялись разрабатывать различные предметы из области естественной истории, математики и физики»²². Наконец, Добровский, касаясь первого издания «Истории чешской литературы» Юнгмана, замечал: «На стр. 334 Частное общество, собравшееся благодаря ободрению Борна в 1774 г., смешано с содержавшимся иезуитами Литературным собранием»²³.

Таким образом, источники, исходящие от свидетелей образования Частного общества, относят его по времени — Добнер и Добровский к 1774 г., Шериник — к концу 1773 г., Пельцль и Борн — менее определенно, к 1773 или к 1774 г. Но все они совпадают в главном — никто не называет годом возникновения Частного общества 1769 или 1770 гг., а такие издания борнианцев, как «Пражские ученые известия» и «Изображения чешских и моравских ученых и художников», в числе изданий Частного общества не упоминает.

Но есть еще один источник, давно и хорошо известный, неоднократно цитированный, но, как это ни странно, как следует не проанализированный. Между тем он не только определенно указывает на отсутствие прямой организационной связи Частного общества с Обществом ученых мужей, но и позволяет составить примерное представление о времени возникновения самого Частного общества. Речь идет о «Предисловии издателя к читателям», которое предпослано первому тому «Трудов» Частного общества и написано Борном.

Обычно, касаясь этого документа, цитируют выдержки или пересказывают приведенные в нем рассуждения, которыми Борн мотивировал появление «Трудов». Последуем этой традиции и, ввиду важности свидетельства Борна, приведем текст «Предисловия» в интересующей нас части полностью. «Разные мои друзья, — так начинает Борн, — часто сетовали на недостаточность в наших краях публичных учреждений, посредством которых отдельные наблюдения ученых могли бы быть собраны и доведены до сведения публики. Мы видели, как вредно для славы нации, что в то время, как почти каждый небольшой университет в Германии учредил собственное ученое общество, у нас, в наше просвещенное столетие нечто подобное остается неосуществленным. Мы вспоминали о характере ученых сходок, которые собирал вокруг себя Лобковиц из Гасиштейна; о собраниях чешских поэтов, которые, ободренные Ходейвским, создали объединенными усилиями „Farragines Poetarum“ и оставили нам различные хорошие стихи, сделавшие честь своему времени и Чехии; и мы, наконец, приняли мужественное решение последовать этому примеру наших предшественников и свои работы докладывать сообща, а те из них, которые мы сочтем за достаточно важные, предлагать публике под названием „Труды“ и т. д.»²⁴. Прервем пока цитату, чтобы сделать необходимые выводы.

²¹ M. K u d ě l k a. L. Seršník, s. 50—51.

²² J. H a u b e l t. Ibid., s. 248; J. B e r a n. Ibid., s. 659.

²³ «Jahrbücher der Literatur». Bd. 37. Wien, 1827, S. 34.

²⁴ «Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen». Bd. 1. Prag. 1775. Vorrede des Herausgebers an den Leser.

Касаясь приведенных слов Борна, обычно упускают из вида, что Борн произносит их не только от себя лично. Он постоянно употребляет местоимение «мы», причем отнюдь не для академического приема выражения собственного мнения. Наоборот, Борн действительно излагает мысли определенного коллектива, стоящего за первым томом «Трудов». В самом деле, он пишет: «разные мои друзья часто сетовали...», «мы видели, как вредно для славы нации...», «мы вспоминали о характере ученых сходок...», «мы, наконец, приняли мужественное решение...». Не говоря уже о смысле приведенного отрывка, даже по форме он представляет собой сжатое объяснение причин возникновения Частного общества как коллективной акции. Что это так, видно хотя бы из фразы, непосредственно следовавшей за приведенной выше: «Такова краткая история возникновения нашего Общества». Но в таком случае отсюда вытекает, что само Частное общество было создано специально для выпуска «Трудов», говоря словами Борна, «ежегодно по одному тому», и что, следовательно, прямых литературно-организационных связей между ним и предшествующими объединениями борнианцев не существовало. Если же вспомнить, что над изданием «Пражских ученых известий» борнианцы трудились с осени 1771 по осень 1772 г., а над подготовкой общего замысла и текста первых двух томов словаря — в 1772—1773 гг., то вероятность возникновения Частного общества ранее 1773 г. отпадает.

Рассмотренные выше свидетельства ближайших сотрудников Борна в совокупности с его «Предисловием» позволяют локализовать во времени историю возникновения и оформления Частного общества, от имени которого в 1775 г. вышел первый том «Трудов». Прокеш относил это к первой половине 1774 г., Куделка более склонен доверять биографическим записям Шершника, согласно которым «Борн организовал общество в 1773 г.», после ликвидации ордена иезуитов, Гаубельт называл период между 20 июня 1773 г. и 20 августа 1774 г. (интервалы между обоими письмами (Борна), наконец, Беран датировал 1772—1773 гг. Думается, что первые три исследователя ближе к истине.

Примечательно, что при посещении в 1784 г. Иосифа II делегация Общества, обосновывая просьбу об официальном признании государством своего объединения, ссылалась на труды за последние 12 лет. По мнению Крауса и Берана, это означало, что за исходную дату своей деятельности члены Частного общества принимали 1772 г.²⁵ Такой вывод, однако, смущал Крауса, и он счел нужным оговорить, что члены делегации якобы имели в виду «Изображения чешских и моравских ученых и художников», а не «Пражские ученые известия», которые в 1772 г. не только не начинали выходить, но, наоборот, в сентябре этого года были прерваны изданием. Кроме того, по мнению Крауса, и по тактическим соображениям ссылка на этот, весьма радикальный для своего времени, орган вряд ли была бы уместной.

Но аргументация Крауса в этой части представляется чрезвычайно уязвимой. Во-первых, ссылка на «Изображения» очень неопределенна. Во-вторых, император не мог не знать о существовании «Пражских ученых известий» и о лицах, их издававших. Не составляло это секрета и в Праге. Более того, в «Трудах» Частного общества публиковалась торговая реклама с указанием изданий В. Герле. Среди изданных им книг, хранившихся в то время на складе, упоминались работы Борна, Кинского и других авторов, а также два тома «Изображений» и комплект «Пражских ученых известий»²⁶.

²⁵ A. K r a u s. Ibid., s. 59; J. B e r a n. Ibid., s. 658.

²⁶ «Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen». Bd. 2. Prag, 1776. Перечень книг, которые можно приобрести у В. Герле, опубликован вслед за оглавлением.

Но если доводы Крауса неубедительны, то как же в таком случае истолковать упоминание о 12 годах научной деятельности Общества? К сожалению, ввиду крайней расплывчатости этой ссылки, она понимается по-разному. Можно, конечно, оставаться в пределах гипотезы Крауса со всеми ее уязвимыми сторонами. Но возможен и иной подход.

Делегация Общества, как известно, посетила Иосифа II в сентябре 1784 г. Исчисляя каждый год как полный отчетный период (а в контексте беседы с императором подобное предположение вполне вероятно), исходным явился бы не 1772 г., как полагал Краус, а 1773 г. В свою очередь, возникает следующий вопрос: почему именно в сентябре 1783 г. рассматривался на заседании членов Общества новый устав и что означает упомянутая выше фраза Пельцля о «вновь учрежденном обществе»? Если совпадение времени приема Иосифом II делегации Общества — ровно через год, в сентябре 1784 г. — и можно считать за случайное, поскольку император тогда находился в Праге, то было ли случайным проведение организационного собрания именно в 1783 г. и именно в сентябре?

Надо вспомнить, какую важную роль в различных просветительских акциях XVIII в. играли традиционные, кратные и т.п. сроки. Журналы объявлялись на полгода, на год, на полтора года и т. д., альманахи выходили ежегодно, многотомные издания выходили на протяжении пяти или десяти лет — все это, разумеется, при условии, если какие-нибудь внешние факторы не нарушали раз задуманный порядок. Насколько прочными были эти представления в Чехии, видно, например, по «Новой литературе». В заключительном обращении к читателям в последнем номере, помеченном 20 февраля 1772 г., говорилось: «Поскольку 25 номером мы завершаем половину первого года издания нашего журнала, мы вынуждены просить у наших читателей разрешения прервать выход его на несколько недель и вот почему. Известно, что мы лишь приняли для продолжения этот литературный еженедельник, который был начат другим издателем. И по этой причине мы считали себя вынужденными продолжать его в раз принятом русле...»²⁷. Нас сейчас, разумеется, интересует не столько содержание этого обращения, сколько отчетливо звучащее в нем представление редакции о необходимости выполнить взятые первоначально перед подписчиками обязательства: до завершения полугодового срока новой редакции казались невыполнимыми ни приостановка издания, ни его серьезная перестройка по форме.

Это могло сыграть свою роль и в данном случае. Почему, собственно говоря, в 1783 г., или, точнее сказать, именно в 1783 г. потребовалось производить организационную перестройку и, как выразился Пельцль, «вновь учреждать» Общество? Вероятнее всего, потому, что именно в сентябре 1783 г. или около этого истекал календарный десятилетний срок существования Частного общества. И это могло показаться членам Общества хорошим поводом для постановки перед правительством вопроса об официальном признании Общества как прообраза будущей национальной Академии наук — мысль об этом, как мы видели, звучала в цитированном выше отрывке из некролога Фойгта.

Но если это предположение справедливо, то какой же год должен быть признан начальным? Письмо Кинскому неоспоримо свидетельствовало, что идея Частного общества родилась у Борна не позднее лета 1773 г. и, вероятно, была не следствием внезапного наития, а плодом продолжительного размышления. Справедливо подчеркивая документированность даты, Гаубельт не оценил, однако, должным образом следующей, чрезвычайно любопытной детали — и в письме Кинскому и в последую-

²⁷ «Neue Litteratur», 1772, № 25, S. 399.

щем письме Ферберу Борн упорно говорит об объединении естественнонаучного типа, ни словом не упоминая о включенных в первый том его «Трудов» работах гуманитарного содержания. То, что он не упомянул о них Ферберу, можно объяснить вполне конкретными научными интересами адресата — ведь, в конце концов, Борн просто делился теми сведениями, которые могли быть непосредственно интересны и Ферберу и Берлинскому обществу. Тем более что Борн вслед за этим добавлял: «Мы позначкомим с первой частью наших трудов в начале следующего года». Речь явно шла о первом томе «Трудов», действительно вышедшем в 1775 г. от имени Частного общества в Чехии для содействия успехам математики, отечественной истории и естествознания, т. е. от имени объединения естественнонаучного и гуманитарного характера. Но почему примерно то же сообщал Борн в письме Кинскому, человеку, хорошо информированному и близко стоявшему к научно-культурным интересам Чехии тех лет? Здесь возможны два объяснения. Во-первых, гуманитарное объединение уже существовало в лице Общества ученых мужей и авторского коллектива «Изображений чешских и моравских ученых и художников», тогда как научных объединений природоведческой направленности ни в Чехии, ни в других землях монархии еще действительно не существовало и самая мысль о необходимости их учреждения была и новой и смелой. Во-вторых, летом 1773 г., до отмены папской буллой ордена иезуитов, едва ли было возможно создание в Праге комплексного объединения естественнонаучного и гуманитарного характера, во главе которого стояли бы лица, незадолго до этого вынужденные приостановить выпуск «Пражских ученых известий» не без происков иезуитов. Создание же только естественнонаучного общества в такой обстановке оставалось бы вполне реальным делом.

Даже появившаяся в июле 1773 г. папская булла «Dominus ac redemptor» не внесла на первых порах существенных перемен. Примечательно, что русский посол кн. Д. Голицын, сообщая в доношении от 21 августа (1 сентября) о получении в Вене буллы Климента XIV о «разрушении общества Езуитского ордена» и не сомневаясь в ее конечном исполнении и в пределах Австрийской монархии, все же осторожно добавил: «...еще и не известно, какое их величества по сему важному делу примут с своей стороны намерение»²⁸. А спустя 10 дней, извещая, что исполнение, «которое по силе сей буллы следует здешнему двору», «не начато еще», он указывал, что «...повелено от императрицы королевы объявить находящимся здесь иезуитам, что ее величество соизволяет, дабы они в училищах своих продолжали свои должности до дальнейшей резолюции»²⁹.

Лишь после сентября 1773 г., когда ликвидация ордена иезуитов в наследственных землях Габсбургов все же стала фактом, положение в Чехии стало существенно меняться в пользу основания Частного общества в том виде, в каком оно предстает перед нами в своих «Трудах», т. е. именно как универсального объединения ученых естественнонаучных и гуманитарных областей знания. В таком случае делаются понятными сведения Шершника об организации Борном Частного общества в 1773 г., после запрета ордена иезуитов. Совпадает это и с принятым выше отсчетом тех «12 лет», о которых делегация Общества говорила Иосифу II в 1784 г.

Итак, исходя из сказанного, мы полагаем, что основание Общества следует датировать последними месяцами, после сентября, 1773 г. Разумеется, это был не однократный акт. Выработка организационных форм и, главное, подготовка научных работ для «Трудов» заняла весь 1774 г. Но это был год не организации, а начала работы.

²⁸ АВПР, ф. Сношения России с Австрией, № 540, л. 32 об.

²⁹ АВПР, ф. Сношения России с Австрией, № 540, л. 43 об.

А. С. ЛВОВ

О ПРЕБЫВАНИИ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА В МОНАСТЫРЕ ПОЛИХРОН

Старший брат Константина Философа Мефодий около 840 г. ¹, как рассказывает его Житие, избвиста княжения и шедз къ Олимпѣ, идеже живоуѣтъ етни оци, постригъ сѧ овѣче къ чърнзи риззи и къ покинутаѣ покорзѣ и сзвѣршаѣ къ сѧ исплѣна манишаскзи чинз, а книгахъ прилежа. Далее сообщается, что поставиша и игоумѣна къ манастири, иже нарицаютсѧ Полихронз ². Монастырь этот находился на азиатском берегу Мраморного моря на горе Сигрианской недалеко от г. Кизик ³.

Мефодий родился в 815 г. Таким образом, он прибыл на Олимп в возрасте не старше 25—26 лет и, по-видимому, вскоре был оставлен игуменом монастыря. Прожил он на Олимпе, возможно, с небольшими перерывами, не менее 20 лет, где, как подчеркивается в Житии, постоянно книгахъ прилежа.

Константин Философ, по свидетельству главы VII его Жития, къ Олимпѣ же шѧ къ Меѡдѣѣ братѣ своемѣ. Об этом в большинстве списков Жития Константина сообщено весьма кратко, лишь в списке 1469 г. Владислава Грамматика этот факт освещается более подробно. Приведем эти сообщения в обеих редакциях.

Список Жития 1469 г. из монастыря у подножия Черной Горы:

Къ Олимпѣ же шѧ къ Меѡдѣѣ, братѣ своемѣ, тамо живѣше, и мѡтѡвоу творѣ без прѣстанѧ къ богу, токмо книгами бесѣдоуѣ, нощѧ збо и днѧ выноу сз братѡ своимѣ къ си^х сѡпражняашесе, и сице свое житѣе чзетнѣ оуправляѣ, и възсхожденѧ же къ срци свое^м полагаѣ, и къ трудоу же трудоу прилагаѣ, велики еже по бѣ къ добродѣтели^х прѣоуслѣвааше. нз о сихъ збо ннѧ къ велико^у.

В остальных списках:

Къ Олимпѣ же шедз къ Меѡдию братоу своемуу, начаѣ жити и молитвоу творити беспрѣстани къ богу, токмо книгами бесѣдоуѣ ⁵.

Поездка Константина к брату Мефодию на Олимп состоялась после так называемой Сарацинской миссии, куда он ездил в возрасте 24 лет, т. е.

¹ F. Grives. Konstantin und Method. Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960, S. 26.

² П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 71.

³ О. Бодянский. О времени происхождения славянской письменности. М., 1855. Примечания, стр. XXI.

⁴ П. А. Лавров. Там же, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 11.

в 850 г. После возвращения в Константинополь из поездки к сарацинам по какой-то причине Константин стал жить уединенно. По мнению Ф. Дворника, Константин поехал на Олимп к брату в 857 г. В этом году умер его патрон логофет Феоктист, и это обстоятельство, по-видимому, и вызвало его уединение, а также поездку к брату⁶. Константину в то время было 30—31 год (родился в 826 г.).

Таким образом, братья встретились как умудренные жизненным опытом мужи, старший из которых был игуменом, а младший — философом, или профессором.

Приведенный выше краткий текст большинства списков Жития Константина, сообщающий факт прибытия Константина на Олимп, собственно ни о чем не рассказывает, а только констатирует, что он начал жить и молитвою творити..., токмо книгами вѣдѹа. Что значит при этом книгами вѣдѹа не ясно: то ли он только занимался чтением книг, то ли писал.

Наоборот, подробный текст Жития списка 1469 г. сообщает о многом. Прежде всего становится ясным, что значит книгами вѣдѹа. Оказывается, что Константин вместе с Мефодием постоянно кз си^х (т. е. кз книгахъ — А. Л.) ѡпражнѣаше. По всем данным здесь глагол ѡпражнѣти сѧ употреблен как в Син. пс. XLV, 11 и Супр. 54, 14 в значении греч. *δρῶλαζω* 'учиться, заниматься'. Поскольку слово книгы в старославянском языке многозначно и передает греч. *ἡ γραφή τῶ γραμμα τῶ γραμματά, ἡ βιβλος*, то здесь кз си^х ѡпражнѣаше можно истолковать как 'заниматься письменностью' в самом широком значении этих слов, т. е. обозначает 'заниматься писаньем, чтеньем', возможно и '... переводом'. Далее мы узнаем, что Константин кз трудом^х же трудомъ прилагае келми... кз доврѣдѣтѣм^х прѣдѹа спѣкѣаше, т. е. достигал в занятии письменностью больших успехов. В заключение подчеркнуто, что нз о сихъ ѡбѣ нма кзсѣлико, т. е. «по о них же (о письменности) и сейчас также всячески (заботимся)».

Последнее предложение, начинающееся с нз, по всей видимости, принадлежит перу автора Жития.

В целом, здесь прямая связь между сообщением Жития Мефодия о том, что он, Мефодий, на Олимпе книгахъ прилежа, и сообщением Жития Константина о том, что он по приезде на Олимп вместе с Мефодием в тех же книгахъ ѡпражнѣаше.

Приведенные сообщения главы VII Жития Константина о поездке и жизни его на Олимпе не привлекали специального внимания исследователей. Лишь Ф. Гривец как бы мимоходом, без всякой аргументации заявил, что приведенный выше текст главы VII Жития по списку 1469 г. — позднего происхождения⁷. Если этот текст в самом деле позднего происхождения, то для какой надобности он введен в Житие в противовес утверждению главы XIV о том, что Константин, получив поручение ехать в Моравию, абѣ сложи писмена, и начета вѣдѣдѣ писати егѣскоу, еже: исполни кѣ сѣмко...⁸.

Мы уже писали о том, что по всем данным приведенный текст из главы XIV Жития Константина о сложении писмен — поздняя восточноболгарская интерполяция. Основывается это убеждение на том, что здесь употреблено слово писмена вместо ожидаемого книгы в значении 'буквы, ал-

⁶ F. Dvorník. Les Slaves, Byzance et Rome au IX siècle. Paris, 1926, p. 144.

⁷ F. Grivec, F. Tomšič. Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Fontes. Zagreb, 1960, p. 182 (Примечание к главе VII).

⁸ П. А. Лавров. Там же, стр. 60.

фавит'. В памятниках старославянской письменности старших списков слово писма в указанном значении не встречается, и это значение передается словом кни҃га. Ср. например, Л. XXIII, 38: вѣ же написаниѣ написано надѣ нѣмѣ. кни҃гамі единаскѣми и роумьскѣми и еррискѣми. Ѡдъ еста црѣдѣ индѣиска (Ас., Сав., Остр., Зо҃гр., Мар.), греч. 'Ην δὲ καὶ ἐπιγραφὴ ἐπ' αὐτῷ γράμμασιν ἑλληνικοῖς καὶ ῥωμαϊκοῖς καὶ ἑβραϊκοῖς ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων οὗτος⁹.

Только в памятниках старославянской письменности восточноболгарской редакции слово кни҃га в значении 'буквы, алфавит', 'священное писание' начинают заменять словом писма — писма. Помимо всего, текст Жития, сообщающий о сложении писмен, находится в логическом противоречии как с предыдущим, так и последующим изложением¹⁰.

Подробный же текст главы VII о поездке и жизни Константина на Олимпе по списку Жития от 1469 г. должен быть первичным, принадлежащим автору данного сочинения. Поскольку этот текст стал противоречить тексту интерполяции в XIV главу о том, что акѣ сложи писма и начатъ вѣѣдоу писати, то текст главы VII подвергли сокращению, из нее удалили все, что свидетельствовало о занятиях Константина вместе с Мефодием письменностью. Текст же Жития списка 1469 г. о поездке, жизни и занятиях Константина на Олимпе случайно дошел до нас, может быть, потому, что этот список хранился в глухой провинции в монастыре у Черной Горы.

Что текст главы VII в целом подвергнут сокращению, пожалуй, не подлежит сомнению. Так, по списку 1469 г. глава VII начинается так: Та же по си^х ѡбо не по мноштвѣ времени, ѡрѣкѣе кззего житѣа сего¹¹, а в большинстве списков: не по мноштвѣ же времени, ѡтрѣкѣа сего житѣа¹². В списке 1469 г.: и на оутрѣшнѣи днѣ ниче҃соже не оставаѣе ѡ их^х же томѣ на пищѣ тѣлесноуѣ ѡбрѣсти, когда оубѣдаше҃е что, на нищѣима раздаѣе кзе¹³; в остальных списках: на оутрѣи днѣа ничтоже на оставаѣа, но нищѣимъ раздаѣа кзе¹⁴ и др.

Глава VI заканчивается словами: и на сѣю землю здрака кззкрати и пакъи. После этого вполне закономерно главу VII начать: Та же по си^х ..., т. е.: *И так после этого...*

Далее, почему-то текст и на оутрѣшнѣи днѣ и т. д. опять сокращен. В списке 1469 г. рассказывается, что на следующий день не оставлял пищи, раздавая при случае все нищим; в остальных же списках ввиду сокращения стало непонятным, что же он раздавал нищим.

В списке 1469 г. также совершенно ясно сказано: Вѣ^д Ѡлимѣѣ же шѣдѣ... тамо жикѣше... тѣкмо кни҃гами вѣѣдоуѣ... выноу сѣ братѣѣ ѡсѣимѣ кз си^х ѡпражнѣаше҃е, а в остальных после сокращения текст стал мало вразумительным: Вѣ^д Ѡлимѣѣ же шѣдѣ... начатъ жити и молиткоу тѣкорити... кз бо҃гоу, тѣкмо кни҃гами вѣѣдоуѣ. Что начатъ жити... кни҃гами вѣѣдоуѣ? или молиткоу тѣкорити кни҃гами вѣѣдоуѣ?

⁹ Об этом подробнее см. А. С. Львов. Очерки по лексике старославянской письменности. М., 1966, стр. 153—163.

¹⁰ А. С. Львов. Някои въпроси от кирилometодиевската проблематика. «Български език», 1960, год. X, кн. 4, стр. 309 и сл.; А. С. Львов. По поводу упоминания о Мефодии в календаре Охридского апостола. «Изучение русского языка и источниковедение», М., 1969, стр. 40 и сл.; е г о ж е. [Рецензия на книгу]: К. К у е в. Черноризец Храбър. «Советское славяноведение», 1968, № 6, стр. 101 и сл.

¹¹ П. А. Лавров. Там же, стр. 47.

¹² Там же, стр. 10.

¹³ Там же, стр. 48.

¹⁴ Там же, стр. 10—11.

Словом, едва ли можно сомневаться в том, что первоначальный текст главы VII Жития Константина в большинстве дошедших до нас списков сокращен, в результате чего во многом текст этой главы стал маловразумительным.

В списке 1469 г. сохранилась старшая форма местоимения *чѣго* в форме род. п. *ничѣсже* (фиксируется дважды), которое в большинстве списков заменено восточноболгарской *ничтоже*. Зато в большинстве списков читается: И тако *вѣста свѣдана* година, а в списке 1469 г. находим: И тако *бѣ свѣдана* ча, где, несомненно, первичное *година* заменено восточноболгарским словом *часъ*.

Наличие *ничѣсже*, *година* свидетельствует о том, что эти слова могли быть употреблены только в Моравии, где и составлялось Житие Константина.

Похвальное слово Кириллу и Мефодию, как известно, составлено целиком из фактов, отраженных в их Житиях. В Похвальном слове списка XII в. по Успенскому сборнику читаем: *КОНСТАНТИНА... ОУМАМА И ДОБРОДѢТЕЛМАМИ КЗИПРА КЗВЪКЪТА*¹⁵. Слово *ДОБРОДѢТЕЛА* зафиксировано, как видели, в списке 1469 г. Жития Константина: *кѣлми... кз ДОБРОДѢТѢЛМЕ*¹⁶ *прѣоуспѣкааше*. Кроме того, в памятниках старославянской письменности лишь в Малых пророках, Аввакум III, 3 читается: *покрзи нѣѣ ДОБРОДѢТѢЛА* его¹⁷, греч. *ἐκάλυψεν οὐρανοῦν ἢ ἀρετῆ αὐτοῦ*¹⁷.

В Похвальное слово *ДОБРОДѢТЕЛА* могло попасть только из главы VII Жития Константина. В списке 1469 г. Жития в главе IV употреблено прилагательное *ДОБРОДѢТЕЛНАЗНИ*, в остальных списках это место вычеркнуто, ср. и *рекнокати до конца протику экони зналъ еже по кѣтк ДОБРОДѢТѢЛНОМУ* того *пѣкыканію...¹⁸*. В Син. тр. читается: *псаждаи мѣгѣла прѣкѣдѣнж. I живни ДОБРОДѢТѢЛНАЖ* (7а, 12—14), греч. *παράσχου λογισμοῦς καὶ δικαιοσύνης καὶ πολιτείας ἐνάροστον*.

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что первые переводчики знали и употребляли слово *ДОБРОДѢТѢЛА* и *ДОБРОДѢТѢЛНАЗ* и поэтому неудивительно, что эти слова оказались в Житии Константина списка 1469 г., а из Жития попали и в Похвальное слово.

Из различных мнений о том, кто написал Житие Константина, наиболее вероятным является предположение, что его автором был сам Мефодий. Если даже допустить, что в основном Житие Константина написал кто-либо из учеников Константина и Мефодия, то и в этом случае личное участие Мефодия, как руководителя и редактора, в написании Жития бесспорно.

Большинство исследователей так называемой безымянной гомилии, имеющей в Клоцовом сборнике (лл. 16, 21—3а, 21), приходят к выводу, что ее автором был Мефодий¹⁹.

¹⁵ П. А. Лавров. Там же, стр. 80.

¹⁶ «Slovník jazyka staroslověnského», t. 1. Praha, 1966, s. 493.

¹⁷ A. R a h l f s. Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes, vol. II, ed. 8. Stuttgart, 1935, p. 536.

¹⁸ П. А. Лавров. Там же, стр. 43.

¹⁹ Fr. G r i v e c. Clozov — Kopitarev glagolit v slovenski književnosti in zgodovini. «Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Razprave. Filozofsko-filološko-historični razred», t. 1. kn. 5. Ljubljana, 1947, s. 348—408; A. V a i l l a n t. Une homélie de Méthode. «Revue des études slaves», t. 24, 1947, p. 34—47; J. V a š i c a. Anonymní homilie v rukopise Clozově. «Časopis pro moderní filologii, roč. XXXIII, č. 1, 1949, s. 6—9; его же. Origine cyrilleméthodienne du plus ancien code slave dit «Zakon sudnyj ljudem». «Byzantinoslavica», roč. XII, 1951, p. 154—178; его же. Anonymní homilie rukopisu Clozova po stránce právní «Slavia», roč. XXV, s. 2, 1956, s. 221—223; Clozianus codex palaeoslovenicus glagoliticus, Tridentinus et Oenipontanus. Edidit A. Dostál. Praegae, 1959, p. 127 etc.

Одной из особенностей синтаксиса анонимной гомилии является осложнение простого предложения так называемыми причастными оборотами, например: добрѣ кѣдѣшѣ. і помышлѣшѣшѣ ежѣ е бж҃і законѣ каписано глази оцѣ скоемоу. і мѣтері скоеі. не кѣдѣшѣ чѣ (л. 2а, 2—4); сего ади тѣрашѣ са і тѣршѣ. да бж҃и хранѣтѣ законѣ (л. 2б, 37—39); еіко стѣша книгѣ глашѣтѣ. грозѣ і стѣрашѣ тѣкорашѣ владѣикамѣ (л. 3а, 6—7) и т. д.

Другая особенность языка анонимной гомилии в том, что в речь автора органически вплетаются цитаты из церковных книг, например (цитаты заключены в кавычки): ашѣ оубо мѣвѣти правдѣж вѣдѣикамѣ земла. бж҃іе слово велѣтѣ. і пакы «пон' пжѣтоу влагоу тѣкорѣги(тѣ) правѣднѣа». іво стѣ правѣднѣшѣ дѣани зачинаемѣ влаженое жигѣе (16, 21—25) — цитата из Притчей XVI, 7; прѣдетѣ во пророкѣ мосі. стѣ ба наоученѣ сѣ. і владѣикамѣ прѣвѣзѣ гла. «слоушѣ во соуетѣнѣ сѣтѣ. не прѣмешѣ» (16, 28—31) — цитата из Исхода, XIII, 1; ашѣ е мѣтѣ поушѣгати женѣ скож. на вѣтѣко вѣтѣма. і стѣрекѣшю. «вѣтѣкѣ поушѣгати женѣ скож. разѣтѣ словесѣ мѣвѣдѣан'наго. тѣкорѣтѣ ж прѣмѣвѣзѣ тѣкорѣгі» (26, 7—11) — цитата из Мф. V, 32 и др.

Эти же особенности языка характерны Житию Константина. Все цитаты из церковных книг отмечены П. А. Лавровым²⁰.

Если мы обратимся к тексту Жития Константина по списку 1469 г., где сообщается о поездке и жизни Философа на Олимпе, то обнаружим те же характерные особенности языка, что и анонимной гомилии, ср.: Кѣ Олимѣба же шѣ кѣ Мѣвѣдѣтѣ, братѣ скоемѣ, тамо живѣше, і мѣтѣкоу тѣкорѣ без прѣкѣтанѣа кѣ боу, тѣкмо кнѣгамѣ вѣтѣдоуѣ нѣшѣа і днѣ вѣноу сѣ вѣратѣо вѣсѣмѣа кѣ сѣ ѣспражнѣащѣсе. Ср. шѣ... живѣше; тѣкорѣ... вѣтѣдоуѣ... ѣспражнѣащѣсе. Далее: і шѣе своѣ жигѣе чѣсѣтѣ ѣспражнѣае, і «вѣсѣхожденѣа же кѣ сѣрци своѣ полагѣа», і кѣ тѣроудом' же тѣроудѣа прилагѣа, велѣми ежѣ по вѣтѣ кѣ добродѣтѣкѣлѣе^х прѣтѣдоуѣтѣкѣше. Заключенное в кавычки — цитата Пс. XXXIII, 6; однако в псалтыри последнее слово закнѣшѣа согласно греч. διέθετο. Автор процитированного отрывка по смыслу закнѣшѣа заменил на полагѣа. Подобные замены в цитатах из церковных книг в Житии Константина не единичны, ср. молитѣ сѣ за обидѣше (гл. VI) — цитата Л. VI, 28, которая читается: молитѣ сѣ за тѣкорѣшѣгѣа камѣ обидѣж (Мар. и Зогр.); ашѣ і сѣмѣратѣно чѣо испѣтѣ, нѣчѣже кѣсѣа не вѣрѣтѣж; в списке 1469 г.: ашѣ і сѣмѣратѣно чѣо испѣтѣ, не имѣтѣ ка вѣрѣдѣги (гл. VI) — цитата Мк. XVI, 18, которая читается: ашѣ і сѣмѣратѣно чѣо испѣтѣа нѣчѣсѣже нѣшѣа не вѣрѣдѣтѣа вѣсѣкнѣкнѣтѣе гоу вѣсѣа земла, поитѣ і вѣсѣвѣдѣтѣе і вѣспѣитѣ (гл. XVI) — цитата Пс. XCVII, 4, которая читается вѣсѣкнѣкнѣтѣе гоу вѣсѣа земла. вѣспѣитѣ радѣуѣтѣ сѣа поитѣ (Син. пс.) и др.²¹.

Таким образом, так называемая подробная редакция главы VII Жития Константина по списку 1469 г. о поездке и жизни Константина на Олимпе во всех отношениях согласуется с характерными чертами языка Жития и безымянной гомилии. Нет никаких оснований относить этот текст к поздним добавлениям и расширениям первичной редакции Жития. Как уже мы отметили, автор поздней вставки никак не мог бы написать последнее неполное предложение, начинающееся: нѣ о сѣшѣа ѣво нѣта вѣсѣмѣко.

²⁰ П. Л а в р о в. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. Київ, 1928, стр. 315—330.

²¹ Другие примеры см.: П. Л а в р о в. Кирило та Методій . . . стр. 315 и сл.

Житие Константина существовало до 882 г.²² В 880 г. Мефодий по вызову был у папы в Риме. Полагают, что он привез туда Житие Константина²³. В это время в Моравии шла интенсивная переводческая деятельность, а также утверждение и распространение старославянского языка в церковной службе, и автор Жития Константина со всем основанием мог заявить: на о сихъ субо нзидѣ къслико.

В целом, сохранившийся подробный текст в Житии Константина по списку 1469 г. с сообщением о поездке, жизни и трудах его и Мефодия на Олимпе исключительно важен, ибо это сообщение является свидетельством того, что старославянская письменность возникла в монастыре Полихрон (полухронѣиѣ монастѣриѣи). Будучи игуменом, Мефодий мог привлечь к делу создания славянской письменности и церковных книг также и отдельных монахов, которые позже поехали вместе с ним и Константином в Моравию (оба Жития их именуют *поспешниками*). Это вполне реально для средневековья, когда монастыри были культурными центрами. В Полихрон приезжал и ученый брат Мефодия Константин и, как видно, он также принимал активное участие в создании старославянской письменности. Как сказано выше, Ф. Дворник полагает, что Константин прибыл на Олимп в 857 г. Если это так, то он пробыл там, видимо, около трех лет до поездки в так называемую Хазарскую миссию в 860 г. Не исключено и то, что дата возникновения старославянской письменности 6863 г., указанная Черноризцем Храбром, отражает византийскую, а не александрийскую хронологию и представляет, следовательно, 855 г.

Как бы то ни было, но в нашем распоряжении имеются две группы свидетельств:

1. Константин после поручения ехать в Моравию «авѣ (вариант тогда) сложи писмена и нача крѣдѣи шлѣти евангелѣскоу: исхнѣи въ сѣско... и прочак».

2. Несколько разбросанных сообщений, связанных преимущественно с деятельностью Мефодия:

а) сообщение его Жития о том, что на Олимпе, став монахом, он книгахъ прижежа;

б) запись в календаре Охридского апостола от 6 апреля о том, что Мефодий как учитель славянского языка рѣклѣжи къскрасна стѣкла пасати ѿ грѣхѣска къ сѣскѣнѣска ѣзѣкѣ;

в) сообщение главы XV Жития Мефодия о том, что незадолго до смерти он перевел ветхий завет, а до этого он вместе с Философом перевел псалтырь, евангелие с апостолом и некоторые другие книги;

г) сообщение главы VII Жития Константина по списку 1469 г. об участии Философа в создании старославянской письменности.

О первом свидетельстве мы не раз писали, что его не было в первичном тексте Жития и что оно вставлено в Житие в восточной Болгарии не ранее начала X в. Таким образом, действительными историческими свидетельствами, подтверждающими начало старославянской письменности и создание церковных книг, является вторая группа фактов.

Правда, имеется еще одно свидетельство Итальянской легенды, в которой читается: *cognoscentes loci indigene adventum illorum valde gavisi sunt, maxime cum reliquiis beati Clementis secum eos ferre audierant, et*

²² А. С. Львов. По поводу упоминания о Мефодии в календаре Охридского апостола, стр. 49 и сл. Здесь же ссылка на литературу.

²³ P. Devos, P. Meuvaeert. La date de la premiere redaction de la «Legende Italique». «Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863—1963». Köln — Graz, 1964, S. 57—71.

evangelium in eorum linguam a Philosopho predicto translatum²⁴ (их прибытию местные жители очень обрадовались, узнав, что они и мощи бл. Климента несут с собою и евангелие, переведенное на их (=свой, славянский.— А. Л.) язык упомянутым Философом). Однако Житие Мефодия утверждает, что *ѡанганіе съ аплазма . . . съ филозофъма прѣложила шарькѣ*²⁵.

В Житии Константина отсутствуют указания о переводе им евангелия, если даже учесть и восточноболгарскую интерполяцию, где говорится только о сложении им писмен и о начале переписывания, а не о переводе апракоса. Сведение о переводе евангелия Константином едва ли не сообщено Мефодием в его бытность в Риме в 880 г. Как известно, Мефодия вызвали в Рим для объяснений по жалобе о том, что он распространяет ересь²⁶. Подозреваемый в распространении ереси Мефодий едва ли смог бы сказать, что евангелие перевел он вместе с Константином Философом. Вероятнее всего он приписал перевод евангелия Константину с целью спасения славянской церковной службы в Моравии. В этом, нам кажется, следует искать причину того, что в Итальянской легенде Константин представляется как единоличный переводчик евангелия.

Итак, список 1469 г. Жития Константина в главе VII донес до нас первичный текст о поездке и жизни Философа на Олимпе, о его трудах вместе с братом Мефодием в деле создания старославянской письменности. По указанной причине нет оснований игнорировать это сообщение, объявляя его поздней интерполяцией, и оно должно войти в науку о старославянской письменности как один из весьма ценных исторических фактов.

²⁴ F. Grives, F. Tomšič. Ibid., p. 62; Кирилло-мефодиевский сборник. М., 1865, стр. 334.

²⁵ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения. . . , стр. 77.

²⁶ П. Лавров. Кирило та Методій . . . , стр. 76 и сл.; Н. Грацианский. Моравский период деятельности Константина и Мефодия. «Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 84—105.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВЕЛИКОПОЛЬСКОЕ (ПОЗНАНСКОЕ) ВОССТАНИЕ 1918—1919 гг. В ПОЛЬСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала подъему революционного и национально-освободительного движения во всем мире.

Познанское восстание 1918—1919 гг. было одним из крупнейших проявлений национально-освободительного движения на Западных польских землях, находившихся по условиям Компьенского перемирия 1918 г. под властью Германии, и самым значительным из всех великопольских восстаний против прусского владычества (такие восстания были также в 1794, 1806, 1846 и 1848 гг.). Успех восстания обеспечил воссоединение части земель Познанщины и Поморья с Польским государством.

Это историческое событие привлекало и привлекает к себе внимание исследователей и общественности в Польше и за ее пределами. Уже в 1919 г. появились первые заметки и статьи, преимущественно мемуарного характера¹. Эти воспоминания участников восстания, написанные под яркими, еще не стертими временем впечатлениями, представляют значительную ценность для историка. По случаю годовщины восстания издавались различные листовки, воззвания. За публицистикой стали появляться научные исследования. Сначала они были случайны. Затем, в 1926 г., было создано специальное Общество для изучения истории восстания, начавшее планомерный сбор материалов и документов. К этой работе были привлечены многие участники восстания, а также видные польские историки. Были изданы сборники и монографии о восстании, появилось значительное количество статей в различных периодических изданиях. Стали выходить специальные периодические издания по истории восстания, такие как «Жолнеж Велькопольски», «Юнак», «Пов-

станец Велькопольски», «Глос повстанца Велькопольского» и некоторые другие.

Литература о восстании росла. Безусловно, она не была однородной. В ней отражалась борьба течений, существовавших в польской исторической науке. Так, значительное место в литературе по этой проблеме после 1926 г. занимал спор между эндековским лагерем и официальной санационной историографией об оценке восстания.

С количественным ростом литературы возникла потребность в ее учете.

Первая попытка обзора литературы о восстании за десять лет была сделана А. Ковалковским в газете «Польска збройна» в 1929 г.²

По случаю 16-й годовщины восстания, в 1935 г., по польскому радио в Познани выступил историк З. Грот и затронул вопрос о литературе, посвященной восстанию. Он же в специальной статье³ предпринял серьезную попытку собрать и проанализировать вышедшую к тому времени польскую и немецкую литературу о восстании.

По инициативе Общества для изучения истории восстания сбором печатных материалов о восстании и их регистрацией занимались А. Войтковский (в те годы директор Библиотеки Рачинских), составивший обширную библиографию по истории Великой Польши и Познани, и Т. Грыгер, собиравший материалы, посвященные непосредственно восстанию.

В 1933 г. Т. Грыгер опубликовал свои библиографические материалы⁴. В них

² A. K o w a ł k o w s k i. *Wojna 1918—1921 w literaturze dziesięciolecia. Powstania: wielkopolskie i śląskie*. Cz. VII. — *Polska Zbrojna*, R. 9, 1929, № 356, s. 4—5.

³ Z. G r o t. *Literatura o Powstaniu Wielkopolskim*. В кн. *Rocznik Związku weteranów Powstań Narodowych R. P. 1914—1919 w Poznaniu*. Poznań, 1935, s. 97—110.

⁴ T. G r y g i e r. *Materiały do bibliografii historii Powstania Wielkopol-*

¹ Дата эта в какой-то мере условна. Так, Ст. Кубяк, например, называет 1920 год (см. S. K u b i a k, *Bibliografia historii powstania Wielkopolskiego. 1918—1919*. Poznań 1963, s. 7), хотя в его библиографии учтены издания 1919 г.

содержались 282 записи о польской литературе за 1919—1937 гг., расположенные в алфавитном порядке. В основном это были книги. Статьи из периодической печати были отражены лишь в незначительной степени. Как впоследствии справедливо отмечалось, это были еще сырые материалы для будущих библиографий, основа для дальнейшей работы в этом направлении. Следует отметить, что кроме названных было опубликовано в те годы еще несколько менее значительных библиографий о восстании. Перечень их приводит Ст. Кубяк в своей библиографии.

Параллельно с польскими историками и библиографами учет польской и немецкой литературы о восстании 1918—1919 гг. осуществляли и немцы. Ряд библиографических обзоров и материалов о восстании опубликовали Г. Я. Шмйтц, Г. Белле и др.⁵ Отбор литературы в этих немецких библиографиях был в значительной мере тенденциозным. В них учитывались главным образом книги, преимущественно немецкие. Более широко регистрировались польские материалы, по мнению Ст. Кубяка, М. Гунценхойзером, автором многих библиографий, издававшихся Библиотекой мировой войны⁶, но и его библиографии не были свободны от шовинизма и реваншистских тенденций, характерных для официальной немецкой фашистской историографии.

После образования Польской Народной Республики создались благоприятные условия для подлинно научного изучения Великопольского восстания 1918—1919 гг. и его объективной оценки.

Сразу же после войны в Познани начинается выходить специальное издание, посвященное проблематике восстания, — «Рочник дзёвю Повстаня Велькопольского». В 1946 г. возрождается деятельность существовавшей до войны органи-

skiego 1918/19. В кн. *Materiały do historii Powstania Wielkopolskiego 1918/19*. Poznań, 1938, z. 1, s. 171—193.

⁵ H. J. S c h m i t z. Literatur über den polnischen Aufstand und die Grenzkämpfe. Grenzmarkische Heimatblätter, Jg. 10, 1934, t. 1, S. 59—60; 1935, t. 2, S. 60; e g o ж е. Polnische Schriften zum Posener Aufstand und den Grenzkämpfen 1918/19. Там же, Jg. 13, 1937, t. 2, S. 113—115; H. B e l l e. Zur Geschichte des Posener Aufstandes (Literaturbericht). Jomsburg, Jg. 2, 1928, H. 1, S. 90—93.

⁶ M. G u n z e n h ä u s e r. Bibliographie zur Geschichte der deutschpolnischen Beziehungen und Grenzlandfragen. 1919—1939. Stuttgart, 1942. 205 S. (Bibliographien der Weltkriegsbücherei. № 34/36); e g o ж е. Bibliographie zur Aussenpolitik der Republik Polen 1919—1939... Stuttgart, 1942. 96 S. (Bibliographien der Weltkriegsbücherei. № 33).

зации «Союз участников Великопольского восстания 1918—1919 гг.»

В 1947 г. появляется новая библиография литературы о восстании⁷. Автор ее Я. Баумгарт — ныне известный польский библиотечарь и библиограф, директор Ягеллонской библиотеки в Кракове. Составитель поставил перед собой на первый взгляд скромную задачу — продолжить и дополнить библиографию Т. Грыгера. Я. Баумгарт не только учел пропущенные Т. Грыгером издания до 1937 г., но и дополнил библиографию польскими изданиями за 1938—1939 гг. и немецкими материалами за 1919—1944 гг. Новым в работе над библиографией было систематическое изучение и роспись польской и немецкой периодической печати. Библиография Я. Баумгарта содержала около 350 названий польских и немецких работ и в течение многих лет была самой полной из библиографий о восстании.

Одновременно с этой библиографией Я. Баумгарт опубликовал статью о необходимости дальнейшей разработки библиографии Великопольского восстания, обосновал принципы этой работы, подчеркнул важность специального издания по этой теме⁸.

Работа над дальнейшим сбором литературы о восстании продолжалась при библиотеке Университета им. Адама Мицкевича в Познани.

В 1963 г., к 45-й годовщине восстания, Ст. Кубяк издал новую «Библиографию истории Великопольского восстания 1918—1919 гг.»⁹, которая охватывает польскую и немецкую литературу за 1919—1962 гг., в том числе книги и статьи из журналов и газет. В ней дается систематическая роспись польских и немецких библиографий (их перечень приведен в I разделе работы и насчитывает 32 названия), а также большого количества периодических изданий (их перечень приводится во II разделе библиографии, он содержит 100 названий).

Библиография не является исчерпывающей. Составитель не включил не представляющие, на его взгляд, научной ценности статьи из ряда немецких периодических изданий, вышедших в Польше в период 1919—1939 гг. Отсутствуют также некоторые польские материалы (информации о праздновании различных годовщин восстания, не содержащие фактического материала, статьи

⁷ J. B a u m g a r t. *Materiały do bibliografii historii Powstania Wielkopolskiego 1918/19*. В кн. *Rocznik dziejów Powstania Wielkopolskiego 1918—1919*, t. I. Poznań, 1947, s. 88—110.

⁸ J. B a u m g a r t. O potrzebie opracowania bibliografii historii Powstania Wielkopolskiego. 1918/1919; *ibid.*, s. 81—87.

⁹ S. K u b i a k. *Ibid.*

о деятельности организаций участников восстания в период между мировыми войнами и т. п.). Весь материал в библиографии разбит на четыре раздела: I. Библиография; II. Периодические издания (назван неточно «Журналы»); III. Алфавитный указатель изданий о Великопольском восстании 1918—1919 гг.; IV. Указатели: 1) Алфавитный указатель авторов, издателей, заглавий работ, опубликованных без подписи авторов, заглавий периодических изданий и сборников. 2) Указатель имен и предметов.

По-видимому, алфавитное расположение в основной части библиографии нельзя признать удачным. Оно не дает возможности ориентироваться в таком обширном материале (раздел содержит более 1200 названий), а вспомогательный предметный указатель очень краток и мало чем может помочь исследователю.

В 1965 г. Ст. Кубяк опубликовал новые «Библиографические материалы по истории Великопольского восстания 1918—1919 гг.»¹⁰, содержащие перечень статей из познанских газет за 1919—1939 гг., расположенных опять-таки в алфавитном порядке. Эти материалы являются дополнением к предыдущей библиографии.

За десятилетие 1958—1967 гг. в Польше было издано немало литературы о Великопольском восстании 1918—1919 гг. В 1968—1969 гг. польская научная общественность отмечала 50-летие восстания. В университете им. Адама Мицкевича в Познани была проведена научная сессия, посвященная юбилейной дате. На сессии, кроме научных докладов, были заслушаны также сообщения и воспоминания ветеранов восстания¹¹.

В связи со знаменательной датой был издан ряд новых работ и исследований о восстании¹². Среди них особое внимание привлекает сборник статей «Великопольское восстание 1918—1919 гг.»¹³. Впервые в историографии восстания здесь затрагивается и освещается широкий круг вопросов, прежде мало изучен-

ных. Если ранее в литературе основное внимание уделялось военной и политической проблематике восстания, то здесь мы видим статьи и по социально-экономическим вопросам, по вопросам культуры и просвещения. Наибольший интерес для настоящего обзора представляет статья профессора З. Грота «Историография Великопольского восстания», которой открывается названный сборник. Эта статья, как, впрочем, и все издание, подводит итоги пятидесятилетнему изучению Великопольского восстания 1918—1919 гг. в Польше.

Говоря о послевоенной немецкой историографии восстания, необходимо отметить, что западногерманская историческая наука по-прежнему далека от какой бы то ни было объективности в рассмотрении и оценке исторических фактов. Несмотря на изменение политической карты Европы в результате второй мировой войны, западногерманские исторические библиографии отражают материалы и по истории тех земель, которые ныне воссоединены с Польшей¹⁴. А в 1953 г. в ФРГ отмечалось 700-летие «немецкого города» Познани и были изданы юбилейные издания.

Только с образованием Германской Демократической Республики появились условия для объективной оценки немецкими историками вооруженных восстаний в Великой Польше в 1918—1919 гг., для сотрудничества польских и немецких историков в разработке проблем новейшей истории.

В заключение следует отметить, что, хотя в советской исторической литературе нет работ, специально посвященных Великопольскому восстанию 1918—1919 гг., историки-слависты СССР, занимаясь такими проблемами, как международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, образование Польского независимого государства, история польского рабочего движения и др. в своих работах уделяют внимание и Великопольскому (Познанскому) восстанию 1918—1919 гг.¹⁵ и вносят тем самым свой вклад в марксистскую историографию восстания.

Г. П. Поченко

¹⁰ S. K u b i a k. Materiały bibliograficzne do historii Powstania Wielkopolskiego 1918/1919. Na podstawie zawartości prasy Poznań z lat 1919—1939. Zeszyty naukowe Uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 1965, № 57, Biblioteka, t. 5, s. 165—222.

¹¹ «Kwartalnik Historyczny», 1969, № 2, s. 527—528.

¹² См. R. Z i e l i ń s k i. Powstanie Wielkopolskie. 1918—1919. Warszawa, 1968, 176 s.; S. K u b i a k. Pięćdziesięciolecie Powstania Wielkopolskiego. Warszawa, 1968, 513 s., bibliogr. (Materiały Inform.—Odczytowe Tow-wa Rozwoju Ziemi Odzyskanych. Z. 7).

¹³ «Powstanie Wielkopolskie. 1918—1919». Praca zbiorowa pod red. Zd. Grot. Poznań, 1968, 498 s.

¹⁴ См. E. W e r m k e. Bibliographie der Geschichte von Ost-und Westpreußen für die Jahre 1957—1961 nebst Nachträgen aus früheren Jahren. Marburg/Lahn, 1963. XII, 378 S. и другие библиографии этого же автора.

¹⁵ См. М. В. М п с к о. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1957, 226 стр.; «История Польши», т. III. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1958, 668 стр.; И. С. Я ж б о р о в с к а я. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1919—1923 гг. М., «Наука», 1967, 300 стр.

С. И. СИДЕЛЬНИКОВ. Болгарский революционный центральный комитет (1869—1872 гг.). Издательство Харьковского университета. Харьков, 1970, 174 стр.

Рецензируемая монография — первое всестороннее исследование истории возникновения и деятельности БРЦК в первые его годы. Она написана на основе изучения обширного круга источников: десяти фондов болгарских и советских архивов, всех опубликованных и хранящихся в архивах сочинений, статей, писем и различных заметок идеологов и руководителей БРЦК, болгарской, русской, а также частично сербской и украинской прессы того времени. С. И. Сидельников не прошел мимо всего того, что было написано его предшественниками по истории революционного движения, дал обстоятельную и обоснованную критику работ буржуазных историков.

Автор по-новому решает ряд сложных вопросов проблемы. Возникновение БРЦК он рассматривает на широком фоне зарождения и развития революционной идеологии и борьбы различных идеологических течений в национально-освободительном движении болгарского народа. В работе прослеживаются попытки создания единого центра революционного движения болгарского народа, предпринимавшиеся в 60-х годах XIX в.

В монографии Сидельникова дан глубокий анализ расстановки классовых сил в болгарском национально-освободительном движении, исследована борьба политических течений в нем, показан процесс постепенного укрепления революционного течения, как внутри Болгарии, так и в среде многочисленной эмиграции. Автор убедительно показал, что возникновение первого БРЦК явилось логическим завершением процесса оформления и укрепления революционного течения, у истоков которого стоял Раковский, а дальнейшее развитие этого течения связано с теоретической и практической деятельностью великих болгарских революционеров-демократов — В. Левского, Хр. Ботева и Л. Каравелова.

Большой интерес представляет скрупу-

лезное исследование С. И. Сидельниковым многочисленных точек зрения относительно даты возникновения первого БРЦК. Автор пришел к выводу, что БРЦК возник осенью 1869 г. в Бухаресте. Однако вплоть до апреля 1872 г. он не играл роли руководителя революционного течения, поскольку в нем преобладали буржуазные либералы, мешавшие делу объединения революционных сил. Автор раскрыл большое значение газеты «Свобода», возглавляемой Л. Каравеловым.

Подлинным руководящим центром революционного движения внутри Болгарии и в эмиграции был БРЦК, созданный в г. Ловеч В. Левским. Он превратился в первую в истории болгарского народа революционную партию, которая руководствовалась революционно-демократической идеологией.

В этом плане и следует особо отметить главу 4, где рассмотрена программа освобождения болгарского народа, разработанная В. Левским, дан обзор деятельности В. Левского и его сподвижников по организационному укреплению и расширению сети местных (частных) революционных комитетов Болгарии.

Впервые в исторической литературе, как советской, так и болгарской, автор исследовал очень важный вопрос о количестве таких революционных комитетов и групп, об их численности и социальном составе. В 198 населенных пунктах Болгарии вели революционную работу комитеты и группы, в которых состояло 1281 человек — это была первая революционная партия.

Хочется пожелать, чтобы работа автора по данному вопросу была продолжена. Можно спорить об отдельных хронологических рамках возникновения БРЦК и частных комитетов, но это не меняет общей политической значимости книги.

В. Конобеев

В. КРЕСТИЧ. Хрватско-угарска нагодба 1838 године. Српска Академија наука и уметности. Београд, 1969, 401 стр.

В. КРЕСТИЧ. Хорватско-венгерское соглашение 1838 г.

В 60-х — начале 70-х годов XIX в. национальные государственно-правовые взаимоотношения в Австро-Венгрии были зафиксированы в ряде законов в соответствии с интересами австро-немецкого крупного капитала, венгерских помещиков и связанной с ними придворной аристократии.

Одним из основных актов, определивших политическую структуру государства, явилось Хорватско-венгерское соглашение 1868 г.

Исследователь, поставивший себе цель всесторонне осветить обстоятельства Соглашения 1868 г., оказывается перед необходимостью дать анализ обществен-

но-экономического развития Хорватии и Славонии в 50—60-е годы и характеристику основных идейно-политических течений здесь в связи с общеполитическими условиями в Австрийской империи и вне ее, в особенности в связи с национальным движением южных славян.

Важный период новой истории хорватского народа неоднократно привлекал внимание современных историков как в Югославии (В. Богданов, М. Гросс, М. Деспот, И. Караман, Д. Кермавер, Л. Куатич, Б. Стойсавлевич, И. Цази, Ф. Цвиттер, В. Цилига, Я. Шидак и др.), так и в других странах. Здесь надо назвать прежде всего имена венгерских ученых, посвятивших свои труды непосредственно истории южных славян (Л. Катуш) или ситуации в Австро-Венгрии в целом (П. Ханак, В. Шандор и др.), а также польского исследователя В. Фельчака¹.

Рецензируемый труд доц. Белградского университета Василия Крестича является первым монографическим исследованием предыстории Соглашения и его содержания. При написании книги автор широко использовал архивные фонды Югославии, Австрии и Венгрии. Широкий круг источников и научной литературы позволил автору серьезно обосновать свои выводы.

Многие факты и явления общественно-политической жизни, даже хорошо известные раньше, получили в книге Крестича новое обоснование, почти по каждому вопросу автору удалось сказать нечто новое и внести ряд исправлений в сведения, имеющиеся в литературе. Без большого преувеличения можно сказать, что монография Крестича представляет собой энциклопедию политической истории Хорватии и Славонии в 60-е годы XIX в.

Единственная область, которой автор уделил, на наш взгляд, недостаточно внимания — это идеологические принципы различных течений в хорватском движении. Можно предположить, что автор не ставил перед собой цель углубления выводов, имеющихся на этот счет в историографии. Поэтому в фундаментальном исследовании Крестича подчас встречаются чересчур беглые характеристики. Вряд ли можно удовлетвориться, например, утверждением, что Штросмайер хотел слияния южнославянских племен в единый народ, тогда как Старчевич считал необходимым создание и развитие хорватской государственной идеи и т. д. Читателя, естественно, интересуют причины этих суще-

ственных разногласий. Да и оппозиция хорватских народняков планам создания унитаристского южнославянского государства, как и ряд других фактов, свидетельствует о том, что наиболее влиятельное политическое течение в Хорватии (и его лидер Штросмайер), хотя и проповедовали идею единого народа, представляли интересы уже созревшего национального ядра хорватов и не считали ни возможным, ни желательным отказ от хорватского государственного права, национальности и т. д. Конечно, интересы Хорватии они не противопоставляли, как нечто антагонистическое, интересам Сербии. Как известно, эту линию продолжал Ф. Сушило. Даже в начале XX в., когда южнославянские нации консолидировались, он в тактически-политических целях пропагандировал теорию единого народа, но не игнорировал национально-хорватские цели.

Такова, вероятно, единственная существенная претензия, которая может быть предъявлена критиком автору.

В сводном очерке социально-экономических отношений в Хорватии и Славонии автор справедливо исходит из того, что основная тенденция процесса в 50-х и в 60-х годах XIX в. (независимо от политических перемен) сохранялась. Это был период кризиса, связанного с переходом от феодальных отношений к буржуазным.

В книге сделан убедительный вывод, что руководство национальным движением находилось в руках интеллигенции, поддержанной средней и мелкой буржуазией и далекой от нужд крестьянства. Крестич умело анализирует отношения в национальном лагере, показывая, что буржуазная интеллигенция под флагом общенародных интересов преследовала собственные цели, но что вместе с тем позиция большинства буржуазии в национальной области (борьба за широкую автономию или суверенитет) соответствовала интересам масс (стр. 110). Этот вывод имеет широкое значение: в нем отмечена специфика ряда национально-освободительных движений. В связи с вопросом об отношении крестьянства к национальному движению, в частности, следует указать на данные об использовании самими помещиками острого недовольства сельской массы в целях демагогической пропаганды в крестьянской среде. Эта — временами безуспешная — пропаганда, как отмечает автор, стала возможной ввиду оторванности национально-буржуазного движения от крестьянства.

Нам представляется важным наблюдение автора, как общественное мнение Хорватии давило на политических лидеров, побуждая их занимать ту или иную позицию (стр. 124). Это наблюдение Крестича свидетельствует о наличии более или менее развитого (хотя и ограничен-

¹ W. Felczak. Ugodą węgierska-chorwacka 1868 roku. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969. Здесь использован новый архивный материал (особый интерес представляют документы архива Чарто-рыских в Кракове).

ного определенными социальными рамками) общественного мнения в Хорватии, об оформившейся социальной основе движения.

В связи с этим можно упомянуть о не раз высказывавшейся в источниках и литературе точке зрения, что при более гибкой тактике народняков хорватское национальное движение могло бы достичь несколько больших результатов. Конечно, вряд ли можно считать тактику народняков идеальной. Но народняки выражали общественные интересы и настроения и должны были отстаивать свои требования широких национальных прав, пока сохранялась малейшая надежда на их удовлетворение, и даже какое-то время, когда эта надежда исчезла. Выходя за пределы рецензируемого труда, отметим, что еще более отчетливо социальная обусловленность движения проявилась в Хорватии в позиции радикальных кругов (правашей) в начале 70-х годов XIX в. Вероятно, тогда в их требованиях национальной независимости было мало «практицизма», но могли ли они, не отрываясь от своих общественных корней, не изменяя своим принципам, поступать иначе?

Исследователю приходится выявлять причину той или иной политической линии прогрессивных течений, а их ошибки подчас объясняются существом самого движения. Хотя деятельность его представителей не привела к «успеху», исторически она была оправдана (пусть это оправдание пришло через десятилетия).

Интересен анализ Крестича австрийской политики в хорватском вопросе в 1861—1865 гг.: в книге показано, что национальные хорватские учреждения, созданные Веной, в сущности, были инструментами австрийской бюрократии (стр. 180). Далее, говоря об этой политике непосредственно после австро-венгерского компромисса (февраль-апрель 1867 г.), Крестич сделал вывод, что Франц-Иосиф, дав согласие на включение Хорватии в состав Транслейтании, несколько недель не решался выдать Хорватию «с головой», так как надеялся сохранить здесь политическую опору. Император, однако, уступил аргументации Андраши. Как известно, стремление династии обеспечить себе возможность игры на хорватско-венгерских противоречиях в некоторой мере имело место и позднее.

Специальная глава книги посвящена политике Сербии по отношению к национальному движению хорватов. Автор отметил изменение взглядов сербских государственных деятелей на будущее южных славян (признание необходимости федерации). Важным рубежом в хорватско-сербских отношениях Крестич обоснованно считает 1866 год, когда народняки убедились в неосуществимости австро-федералистских планов. Здесь можно

лишь добавить, что, как известно, и до 1866 г. лидеры хорватского национального движения (Ф. Рачкий и др.), хотя и придерживались австрославизма, приветствовали возрождение национальных государств на Балканах и упрочнение внешнеполитических позиций Сербии, — а все это противоречило австрийской политике.

Крестич правильно осветил общее направление политики России, как благоприятное сербско-хорватскому сотрудничеству и противное австрийской экспансии на Балканы.

Следует иметь в виду, что правительство Александра II — А. М. Горчакова в 1866—1868 гг. способствовало созданию балканского союза, стремясь сохранить связь с национально-освободительным движением на Балканах и иметь возможность влиять на развитие событий. Но русская дипломатия хотела избежать всеобщего конфликта в условиях внешнеполитической изоляции России. С этой точки зрения франко-австрийское сближение после войны 1866 г. создало неподходящую обстановку для немедленного военного выступления Сербии, и Россия не побуждала ее к такому выступлению.

Наконец, большое место в книге уделено содержанию Хорватско-венгерского соглашения. Можно согласиться с автором, что «эксфеодалальные крупноземлевладельческие и реакционные слои хорватского общества», в результате Соглашения 1868 г., в последний раз смогли утвердить свое влияние, и то лишь ввиду поддержки социально-родственных им кругов империи и самой династии. «Умиротворение» страны на условиях 1868 г., удовлетворивших лишь часть местных дворянско-буржуазных слоев, не состоялась, и дальнейшая борьба хорватского народа за национальную свободу была неизбежной².

В. И. Фрейдаон

² Пользуемся возможностью внести уточнение в текст нашей книги «Борьба хорватского народа за национальную свободу». М., 1970, стр. 290. В 1866 г. проект чешского федералиста Ф. Ригера предусматривал создание польского, чешского, венгерского и австро-немецкого территориальных «комплексов» (областей). Принцип политической автономии Хорватии (необходимость признания особой хорватской области) не ставился под сомнение, но пределы автономии Хорватии в составе земель венгерской короны должны были быть установлены путем хорватско-венгерских переговоров. Кроме указанной в книге литературы см. J. Šidak. Die kroatische Politik in den sechzig Jahren des XIX. Jahrhunderts. «Österreichische Osthefte», Heft 3, S. 207, 211; M. Šesták. Vídeňský «Slovanský sjezd» roku 1866. «Slovanský přehled», 1969, č. 1, s. 31, 32.

«Rocznik Lubelski», t. XI, XII, 1968, 1969

«Люблинский ежегодник»

Люблинский ежегодник — научный исторический журнал, выпускаемый Люблинским отделением Польского исторического общества. XI¹ том Люблинского ежегодника открывается статьей Я. Добжапского, в которой рассказывается о создании Люблинского отделения Польского исторического общества и его деятельности за 40 лет существования. В довоенной деятельности Отделения следует упомянуть подготовительную работу над монографией по истории Люблина; были опубликованы и другие работы. Народная власть оказывала Польскому историческому обществу полную поддержку. Развертыванию его деятельности способствовало открытие в Упшверситете им. Марии Склодовской-Кюри гуманитарного факультета. Научные сотрудники исторического отделения активно включились в работу Исторического общества. Отделение организовывало научные сессии, были подготовлены к печати и опубликованы труды по истории городов и повятов.

В статье Э. Хороха на основании большого документального материала раскрывается деятельность народной милиции в Люблинщине в 1918—1919 гг. Она была создана на первом заседании Люблинского Совета Рабочих депутатов в 1918 г. Весной 1919 г. в отрядах народной милиции усилилось влияние Коммунистической рабочей партии Польши, что способствовало их полеванию.

Борьбе политических группировок в городском раде Люблина в 1919—1927 гг. посвящена статья Ю. Марчука. В ней говорится о борьбе во время избирательной кампании, вследствие которой социалистическим группировкам удалось добиться некоторого перевеса над буржуазными, о борьбе социалистических групп за демократический характер городского самоуправления в первые месяцы деятельности рады, о борьбе социалистических депутатов с попытками представителей партий (главным образом «народовой демократии») ограничить роль городской рады, о причинах ее роспуска в 1927 г.

В статье З. Лупина рассказывается о деятельности эдидции в Люблинском воеводстве в 1927—1930 гг. Исследования показали, что влияние эдидков проявилось в Люблинском воеводстве довольно неравномерно. В северных повятах они были самой влиятельной партией, в средней и южной части воеводства не играли серьезной политической роли. Образование Стронництва народного (Национальной партии) во второй половине

1928 г. затормозило кризис эдидции в этом районе. В статье рассмотрена также деятельность организаций, тесно связанных с Стронництвом народным — таких как Обуз велькей Польски (Лагерь великой Польши), Народова организация кобет, гимнастическое общество «Сокул», антисемитский «Розвуй» (Развитие), Млодзек Шхепольска, Звёнзек стоважшпнь млодзжи польскей, церковные братства, купеческие и ремесленные организации и другие, деятельность которых слабо изучена.

Х. Цимек в работе «Генезис союза левых групп крестьянской партии „Самопомоц“» пытается полемизировать со статьей Й. Шафлика «Возникновение Союза левых групп крестьянской партии „Самопомоц“»². Автора интересует, главным образом, роль КПП в образовании этой крестьянской партии. Анализируя дискуссию, ведущуюся внутри КПП главным образом на IV съезде КПП, после объявления вне закона Независимой крестьянской партии в марте 1927 г., автор статьи старается осветить ее в контексте фракционной борьбы в руководстве партии. КПП стремилась создать свою революционную крестьянскую организацию вместо Независимой крестьянской партии. Эта партия — Союз левых групп крестьянской партии «Самопомоц» была образована в начале января 1928 г.; с ее помощью КПП намеревалась вести свою агитацию среди крестьянских масс. Одновременно, автор полемизирует с Шафликом, который считает образование партии «Самопомоц» результатом процесса радикализации крестьян, на которых КПП не оказывала никакого влияния.

Р. Шцигль в статье «Польские города в период царствования последних Ягеллопов. Обзор исследований» рассматривает исследование, посвященные городам первой половины XVI в. Довольно хорошо изучены такие вопросы, как история ремесла, градостроительства, контакты польских городов с главными центрами Возрождения. Отмечается недостаток исследований о жизни городского населения в этот период, о внутренней борьбе в городах, о влиянии реформации на горожан, о политической роли городов в государстве.

XII том «Люблинского ежегодника» открывается статьей З. Маньковского «Люблинское воеводство в годы второй мировой войны (Общая характеристика, историческая роль, состояние исследований и планы исследовательских работ)». Автор характеризует политику

¹ Обзор I—X томов см.: А. К о п р у к о в н я к. «Rocznik Lubelski», t. I—X. «Советское славяноведение», 1969, № 4.

² «Roczniki Dziejów Ruchu ludowego», 1964, № 6, s. 193—210.

немецких оккупантов, польское освободительное движение в 1939—1944 гг. на территории Люблинского воеводства.

Партийным системам в социалистическом строе посвящена статья В. Склидю. Автор исходит из факта существовавшая в некоторых социалистических государствах различных политических партий, пытается охарактеризовать отношения между этими партиями, определить партийную систему этих государств. Тесное сотрудничество партий трудящихся, а не политическая борьба—основа их взаимоотношений. Руководящая роль марксистской партии признается всеми политическими группировками. Автор рассматривает генезис однопартийной системы в СССР, а также причины существования других партий при социалистическом строе, существующую в Польше форму сотрудничества между политическими партиями.

Об изменениях в общественно-экономической структуре Люблинского воеводства в 1950—1970 гг. под влиянием начавшейся индустриализации страны рассказывает в статье М. Валешко. Автор анализирует изменения в структуре промышленного производства, сельского хозяйства и занятости населения.

З. Новицкая пишет о начальном образовании в Томашовском повяте в 1944—1968 гг.

Охране исторических памятников в Люблинском воеводстве в 1944—1968 гг. посвящена статья М. Кужонтковского. В ней рассматривается ряд вопросов,

связанных с охраной культурных ценностей в Люблинском воеводстве — условия работы и трудности восстановления, потери культурных и исторических памятников в результате военных действий и разрушений, произведенных немецкими оккупантами, восстановление и консервация исторических архитектурных ансамблей Казимежа на Висле, Люблина. Замостья, работы по использованию культурных и исторических памятников, научные работы и исследования по охране исторических памятников.

В статье С. Вишневого «Положение крестьян и общественные противоречия в деревнях Луковского повята накануне отмены крепостного права», написанной на основе архивных материалов, рассматриваются причины низкого уровня развития сельского хозяйства в этом районе, тяжелое положение крестьян, рассматриваются выступления крестьян против помещиков в защиту своих прав в антифеодальном движении 1861—1862 гг.

Рассмотренные нами XI и XII тома «Люблинского ежегодника» представляют большой интерес не только для историков, занимающихся историей Польши, но и для специалистов по истории СССР. Используемые польскими авторами архивные материалы позволяют более полно изучить вопросы, касающиеся территории бывшего Царства Польского, входящего до 1917 г. в состав Российской империи.

Е. Пилишек

КНИГА О СЕРБОЛУЖИЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Написанные К. К. Трофимовичем и В. А. Моторным «Очерки по истории серболужицкой литературы»¹ не велики по объему. И все же их появление — заметное событие в изучении славянских литератур. Как верно отмечено в издательской аннотации, это «первая попытка» советских литературоведов осветить основные этапы истории серболужицкой литературы. Тщетными оказались бы поиски сведений об этой литературе в пяти вышедших томах «Краткой литературной энциклопедии». Их там почти нет. Нет их и в современных курсах зарубежных литератур. Поэтому стремление львовских славистов восполнить существующий в литературоведении пробел можно только приветствовать.

«Очерки» состоят из вступления, пяти разделов, списка литературы и указателя имен.

¹ К. Т р о ф и м о в и ч, В. М о т о р н ы й. Нариси з історії серболужицької літератури. Видавництво Львівського університету. 1970, 95 стор.

В первом разделе — «Начало серболужицкой письменности» рассматривается древний период литературного развития от старшей из уцелевших рукописей на верхнелужицком языке, так называемой «Присяги Будшинской» (первая половина XVI в.), и первых церковных книг на нижнелужицком и верхнелужицком языках (конец XVI — начало XVII в.) до XIX века, когда серболужицкая литература вступила в период национального возрождения. Отличительной особенностью древнего периода серболужицкой литературы, как отмечают авторы, было преобладание поэтических форм, что сказалось и на дальнейшем развитии литературы.

«Серболужицкая литература периода национального возрождения» — так озаглавлен второй раздел книги. Его верхним хронологическим рубежом является начало XX века, точнее вторая мировая война. Большую часть второго раздела составляют отдельные небольшие главы, в которых подробно освещены творчество Я. П. Йордана, Я. А. Смолера,

Г. Зейлера, Я. Радисерб-Вея, Я. Барт-Ципинского, М. Андрицкого, М. Косика. Помимо этих и других писателей XIX века Верхней и Нижней Лужицы во втором разделе упоминаются и некоторые культурные деятели, например М. Горник и А. Мука.

Третий и четвертый разделы книги, соответственно называющиеся «Серболужицкая литература между двумя мировыми войнами» и «Литература свободной Лужицы», по своей композиции подобны второму разделу. В основном они также состоят из небольших главок, посвященных отдельным писателям. В третьем разделе говорится о таких писателях, как Ю. Хезка, Я. Скала, Й. Новак, Я. Лайнерт, М. Новак-Нехоронский, М. Виткойц. В четвертом разделе характеризуются Ю. Брезан, М. Кубашец, К. Кренц, Ф. Метник, А. Новка, П. Маллик, Ю. Кох, Ю. Млинк, К. Лоренц, Г. Либш, Г. Беншова, М. Млинкова.

Привлекательную особенность второго, третьего и четвертого разделов книги составляет довольно значительная их насыщенность непосредственными образцами серболужицкой поэзии в украинских переводах. В названных разделах можно найти основные биографические данные о наиболее крупных серболужицких писателях. Если сообщения о литературе серболужицкого возрождения можно обнаружить в некоторых старых, дореволюционных работах, например у А. Н. Пыпина, то материал, относящийся к межвоенному периоду, а также сведения о серболужицкой литературе последних десятилетий вводятся в научный обиход впервые. И в этом — одно из важных достоинств книги.

Особого упоминания заслуживает последний, пятый раздел книги — «Связи лужицкой литературы с литературой народов СССР». Такого рода главы обычно отсутствуют в книгах, посвященных истории литературы других зарубежных славянских народов. Авторы «Очерков» убеждают в правомерности освещения в них темы связей лужицкой литературы с русской, украинской, белорусской и другими литературами. Краткий обзор литературных связей органически вписывается в книгу, помогает полнее и глубже понять другие ее разделы.

Не вполне ясной представляется предложенная в книге периодизация истории серболужицкой литературы, ее критерии. Это относится, в частности, ко второму разделу. Серболужицкое национальное возрождение авторы относят к XIX веку, беря за его нижний рубеж 40-е годы. А. Н. Пыпин, считавший пер-

вым деятелем серболужицкого возрождения будишинского пастора Андрея Любенского (ум. в 1840 г.), без основания, как нам кажется, датировал начало серболужицкого возрождения 30-ми годами². Не бесспорно и то, что весь второй раздел, охватывающий XIX и начало XX в., назван «Серболужицкая литература периода национального возрождения». А между тем во введении о нем сказано: «Этот период охватывает годы: а) лужицкого возрождения и б) становления классической серболужицкой литературы» (стр. 4). Стоит еще заметить что в списке литературы (раздел «Тексты»), к сожалению, отсутствует название книги «Эпос славянских народов» (М., 1959), содержащий переводы верхне-лужицких и нижне-лужицких песен.

Авторов «Очерков» можно было бы упрекнуть в некоторой информативности изложения, склонности к фактографии в ущерб аналитическому рассмотрению литературных явлений. Однако вряд ли это было бы вполне правомерным, имея в виду новизну темы и то, что книга очень невелика (всего 5 листов). Объем безусловно ограничивал авторские возможности, побуждал к отказу не только от анализа материала, по порою и от самого материала. Не случайно в книге говорится: «Очерки» не охватывают всех аспектов лужицкого литературного процесса. За их рамками осталось много имен лужицких писателей, которые в той или иной мере обогатили или обогащают лужицкую прозу, поэзию, драматургию и публицистику. Сказанное относится не только к именам литературных деятелей, но и к полноте освещения творчества вошедших в книгу писателей.

Однако о работе судят прежде всего по тому, что в ней есть. То, что К. К. Трофимовичу и В. А. Моторному удалось сделать, заслуживает одобрения, так как в определенной мере устраняет одну из белых пятен в изучении славянских литератур и обогащает читателя новыми знаниями. Издание представляется полезным и в справочном отношении. Хочется пожелать, чтобы разработка истории серболужицкой литературы авторами не прекращалась, чтобы при повторном издании книги (уточненном, дополненном и расширенном) издательство учло потребности не только украинских литературоведов (тираж вышедшей книги 1000 экз.), но и более широких кругов научной общественности.

Л. К.

² См. кн. А. Н. Пыпин, В. Д. Спассович. Обзор славянских литератур. СПб., 1865, стр. 348.

РУКОПИСНАЯ ПРЕССА В ПОЛЬШЕ XVIII В.

Недавно увидел свет «Каталог рукописных газет XVIII в. в собраниях Национальной библиотеки им. Ossolińskich»¹ составленный А. Булувной. Это первый в европейской науке опыт сбора такого материала и его систематизации. Напомним, что многочисленные рукописные газеты дошли до нашего времени в незначительном (по сравнению с первоначальным) количестве; в свое время они редко коллекционировались, поэтому трудно найти полный комплект — зачастую приходится сталкиваться с разрозненными материалами; дополнительные трудности представляет отличие оригинала от копии, выявление вариантов оригинала, посылаемого разным адресатам, и т. п. Нелегко и классифицировать подобный материал: до сих пор еще не разработана научная кодификация рукописной прессы, поэтому во всегда бывает ясно, где кончается обычная корреспонденция (перешка) и начинается рукописная газета. В этом отношении особую научную ценность представляет предпосланное книге вступление, представляющее собой самостоятельное научное исследование, написанное А. Булувной и Ю. Щепаньцем.

Сравнивая рукописную прессу с печатными газетами и находя в них некоторые общие черты, авторы в то же время подчеркнули своеобразие изученного ими материала, его отличие от печатной периодики. Вот, например, одна из таких отличительных особенностей, представляющая известный интерес для историка литературы: «В сопоставлении с печатными газетами рукописные проявляли меньший объективизм в отношении событий, однако, превосходили первых тематической широтой, пылкостью, красочностью описаний, увлекательным и часто доверительным характером информации. Заграничная информация черпалась из тамошней печатной прессы, а внутренняя — из устных или письменных сообщений, а также непосредственных наблюдений» (стр. 5). Эти замечания А. Булувны и Ю. Щепаньца вполне убедительны. Охарактеризованная ими черта рукописных газет по всей вероятности объясняется тем, что их писали для конкретного, индивидуального адресата или адресатов, а следовательно, и «под» них: зная их взгляды и вкусы, корреспондент, ими оплачиваемый, стремился угодить работодателям, соответственно препарируя информацию.

Авторы уделили внимание и вопросу отличия рукописной газеты от частного

письма. «В рукописной газете мы констатируем: отсутствие в начале и конце типичных для письма вежливых обращений к адресату и подписи автора; отсутствие заинтересованности автора личными, профессиональными, политическими, финансовыми и другими делами адресата; отсутствие данных, свидетельствующих о двустороннем обмене корреспонденцией; отсутствие информации на личные, профессиональные и иные темы автора; отсутствие информации о возможном участии автора в описываемых событиях, о его отношении к этим событиям, а также к проявлениям их комментирования; наконец, неупотребление глаголов в первом лице. Естественно, нет правил без исключения. Мы находим спорадические отклонения и в этих пределах, которые, однако, принципиально не опровергают вышеизложенные суждения» (стр. 6). Думается, что подобные выводы авторов резонны и в комментариях не нуждаются.

В соответствии с этими замечаниями А. Булувна не пошла по проторенному пути библиографического описания рукописной газеты как эпистолярного жанра, убедительно утверждая: «Рукописная газета имеет характер письма только с формальной точки зрения, но отличается от него элементами существенными: содержанием, внутренней структурой, а также общественной функцией, что обуславливает ее близость к печатной газете того времени» (стр. 55)². Исходя из такого рода соображений, автор вырабатывает систему библиографического описания, где принимаются во внимание в качестве критериев как формальные особенности, так и специфика содержания и типа его функционирования.

Учитывая ограниченность объема рецензии, остановлюсь лишь на основных припиках этого метода: 1) материал расположен в хронологическом порядке по годам, месяцам, дням; 2) в качестве названия, если газета его не имеет, фигурирует название или заголовок начала текста, воспроизведена дата; 3) указан объем, формат и при наличии вариантов — редакция; 4) приведены incipit (начальное предложение) и explicit (последнее предложение) в целях идентификации экземпляров, имеющих, возможно, разные редакции; 5) дан перечень статей и приложений; 6) указан корреспондент и адресат в случаях, когда это удалось установить; 7) даны примечания, комментирующие текст там, где возникает необходимость, и информирующие о различных приписках, изменениях почерка

¹ A. B u ł ó w n a. Katalog gazet pisanych z XVIII wieku w zbiorach Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Warszawa — Wrocław — Kraków, 1969, s. 480.

² Верность этого наблюдения подтверждается фактом, что передко рукописные газеты посылались вместе с печатными, как своего рода их дополнение.

и т. п.; 8) в заключение дан библиографический шифр.

Весь материал пронумерован — всего 1987 экземпляров.

Каталог снабжен указателями: а) корреспондентов и адресатов; б) названий местностей, фигурирующих в названиях газет и заголовках статей; в) названий копий документов и литератур, приложенных к газетам; г) соотношения библиотечных шифров и соответствующих порядковых номеров данного каталога.

Такой принцип систематизации, расположения и описания материала (чья специфика таким образом получает удачное отражение) обуславливает широту информации, обеспечивает возможность быстрой ориентировки в обширной и всесторонне представленной документации, способствует ее введению в научный обиход и в то же время облегчает исследователю ее использование. Правда, особенно при первом прочтении, может возникнуть некоторое сомнение: дают ли принятые принципы (см. 4-й и 5-й пункты) достаточную информацию о характере текстов. Тут, прежде чем делать категорические выводы, следует принять во внимание специфику материала: невозможно дать полную информацию о содержании газетной статьи жанра «информация», где почти каждая фраза сообщает о разных событиях, фактах. Попытка подобного рода привела бы к пересказу-изложению того же материала другими словами и почти в том же объеме. Это привело бы к «разбуханию» каталога до громадных размеров, а в таком случае не лучше ли было бы издать вместо каталога антологию?

Итак, путь, который избрали авторы, наиболее рационален. Следует к тому же учитывать, что это издание рассчитано, естественно, прежде всего на исследователей, ученых, которые в любом случае не ограничились бы изложением содержания, предпочитая общение с источником. Каталог же имеет функции информатора. И в данном случае реализует их, показывая: «когда», «где», «о чем». А если речь идет о «что» и «как» — то тут уж исследователь должен обратиться к указанному источнику.

Возвращаясь к предисловию каталогу исследованию А. Булувы и Ю. Щепаньца, следует подчеркнуть, что авторы впервые в зарубежной науке столь широко поставили саму проблему рукописной прессы и, публикуя практические результаты изысканий (каталог), в то же время выдвинули ряд интересных историко-теоретических решений. Помимо самого перечня и обобщения материалов по истории вопроса в польской науке, привлекают внимание разделы: «Характеристика газет», «Корреспонденты и адресаты», «Распространение», где наряду с новыми, неизвестными ранее материалами содержатся чрезвычайно инте-

ресные наблюдения и обобщающие выводы.

В первом из вышеназванных разделов раскрывается и анализируется специфика польской рукописной прессы в разных частях страны, дается характеристика центров наибольшей концентрации корреспондентов в разные периоды (времена Августа II, Августа III, Станислава Понятовского). Здесь же исследуется соотношение рукописной и печатной прессы, их взаимная обусловленность и влияние; вопросы периодичности и тиража; общественная роль; формально-стилистические особенности; характер информации. Особо рассматривается проблема хронологизации рукописных газет, характер их редактирования, копирования и вариации.

В другом разделе решаются интересные вопросы, связанные с установлением личности авторов и адресатов, анализируется характер их контактов, причем привлекается богатый исторический, социальный, бытовой, социологический материал, устанавливаются польские и заграничные источники информации.

Следующий раздел дает сведения об особенностях распространения рукописной и печатной прессы. Оказывается, рукописные газеты не продавались. Нельзя их было получить и по подписке. Они выслались корреспондентами адресатам на основе частного и секретного соглашения и взаимных обязательств. Причину подобного явления авторы исследования видят в характере самого содержания рукописной газеты, как правило не соответствовавшего официальной политике и пропаганде. Печатные органы подчинялись цензуре, которая не контролировала рукописных газет, посылаемых обычной почтой. Это накладывало отпечаток как на характер информации, так и на общественное значение рукописных изданий, игравших своего рода роль оппозиционной прессы.

Уже сам перечень научных открытий, разработанных проблем и поставленных вопросов говорит о емкости исследования, его ценности и значении. И если, останавливаясь на теоретической разработке достигнутых данных в области истории прессы, следует отметить роль Ю. Щепаньца, то говоря о практической стороне исследования, нужно особенно подчеркнуть кропотливый труд и успешные результаты, достигнутые составительницей каталога В. Булувной (в частности, установление авторства; личности корреспондентов и адресатов; выявление оригинала и копии; определение основной редакции и ее вариантов и т. д.).

Учитывая состояние поднятого А. Булувной и Ю. Щепаньцем вопроса не только в Польше, но и за ее пределами, принимая во внимание теоретическую и историческую разработку этой проблемы, значение постановки ряда важных на-

учных вопросов и общий уровень самого исследования и каталога — как его практической реализации — можно с уверенностью заключить, что этот труд — важный вклад польских ученых в европейскую науку³. А. Л.

³ Рукописная пресса привлекает не только ученых Вроцлава и Варшавы. В настоящее время подготавливается к изданию каталог рукописных газет, на-

ходящихся в фондах библиотеки Польской академии наук в Курнике. Крупные собрания польских рукописных газет XV—XVIII вв. имеются (по словам авторов исследования) также в библиотеках и архивах Кракова, Варшавы и Познани, а также в фондах других стран. Таким образом, труд А. Булувы и Ю. Щепаньца является первым в наме-чающихся, по-видимому, исследованиях большой и малозученной проблемы.

К. *HABOVŠTIAKOVÁ*. *Bernolákovo jazykovedné dielo*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1968, 445s.

К. *ГАБОВШТЯКОВА*. *Лингвистическое наследие Бернолака*

Книга К. Габовштяковой «Лингвистическое наследие Бернолака» — результат многолетней работы автора по изучению лингвистических трудов и нормализаторской деятельности Антона Бернолака — одного из видных представителей словацкого национального возрождения конца XVIII — начала XIX в., просветителя, первого кодификатора словацкого литературного языка.

Книга состоит из четырех глав: «Антон Бернолак», «Анализ лингвистического наследия Бернолака», «Источники бернолаковской кодификации литературного словацкого языка», «Лингвистическое наследие Бернолака и его значение для дальнейшего развития словацкого литературного языка». В книге имеется также список литературы и источников, резюме на немецком языке и словарь, составленный по работам Бернолака.

В первой главе, открывающейся кратким биографическим очерком о жизни и деятельности А. Бернолака, показана историческая обусловленность языковой реформы Бернолака — первой сознательной, научно-обоснованной попытки установления и узаконения литературных норм словацкого языка, раскрыты социально-политические, историко-культурные и собственно языковые причины этой реформы. Завершается глава обзором откликов современников на реформу Бернолака и критическим разбором старой и новой литературы о Бернолаке, о его лингвистических трудах и кодификаторской деятельности.

Основную часть книги составляет вторая глава, в которой дается детальный анализ всех лингвистических трудов Бернолака. Не будучи лингвистом по образованию, Бернолак написал, однако, серию научных работ, охватывающих различные стороны языковой структуры и представляющих собой серьезный вклад в изучение словацкого языка. В своих первых трудах («Филологическо-крити-

ческое рассуждение о славянских письменах» и «Орфографиях», 1787) Бернолак стремился обосновать необходимость самостоятельного словацкого литературного языка и установить его нормы в области орфографии и орфоэпии. В «Словацкой грамматике» (1790) он дает систематическое описание фонетики и грамматического строя словацкого языка, а в «Этимологии» (1791) излагает свое учение о словообразовании. Результатом титанических усилий Бернолака по изучению и обработке словацкой лексики явился многотомный пятиязычный «Словацкий, чешско-латинско-немецко-венгерский словарь», изданный уже после смерти автора (1825—1827). В книге К. Габовштяковой читатель найдет не просто изложение содержания этих трудов Бернолака, но и их всестороннюю характеристику, оценку их места и роли как звеньев целостной программы по кодификации словацкого литературного языка. Авторские оценки основываются на изучении и систематизации богатого языкового материала, представленного в работах Бернолака, а также на критическом осмыслении научной литературы, освещающей различные аспекты его кодификаторской деятельности.

Представляется удачным и целесообразным подход автора к исследуемой проблематике — раскрывая содержание и значимость того или иного труда, К. Габовштякова учитывает общую лингвистическую концепцию Бернолака, его программно-теоретические взгляды по вопросам нормализации, эволюции этих взглядов. Кроме того, лингвистическое наследие Бернолака рассматривается не изолированно, а с учетом уровня лингвистических исследований того времени, в сопоставлении с предшествующей грамматической традицией. Это дает возможность более глубоко и объективно осветить роль и значение лингвистических трудов Бернолака в процессе становления и формирования литератур-

ного словацкого языка, в ряде вопросов по-новому оценить вклад Бернолака в развитие словацкого языкознания. В частности, в книге К. Габовштяковой дается всесторонняя оценка заслуг Бернолака в научной разработке словацкой лексикографии, в изучении словарного состава словацкого языка; полнее, чем в предыдущей литературе, описываются характерные черты и особенности бернолаковщины как первого варианта нормализованного словацкого языка.

Автору книги удалось показать ошибочность бытовавших в старой литературе слишком категорических суждений об эпитонстве и компиляторстве Бернолака. Действительно, отдавая дань времени, Бернолак компилировал, широко использовал известную ему лингвистическую литературу (в частности, работы чешских грамматистов). Однако ему были свойственны и творческие поиски, оригинальные идеи и решения. Отступая от традиционного толкования некоторых вопросов, Бернолак вносил свои поправки в грамматическую теорию, в описание различных сторон словацкой языковой системы.

Вместе с тем автор книги не замалчивает и слабых сторон в грамматических построениях Бернолака, ошибочность некоторых его рекомендаций. Так, например, характеризуя выработанные им принципы и правила словацкого словообразования, автор делает правомерный вывод: «В основных теоретических вопросах словообразования Бернолак не пришел к более глубокому пониманию, чем его предшественники» (стр. 212).

В третьей главе автор рассматривает сложный комплекс проблем, связанных с установлением исходной языковой (диалектной) базы, на которую опирался Бернолак при своей кодификации.

Многие ученые считали, что непосредственной основой бернолаковщины являются западнословацкие диалекты (при этом некоторые из них указывали на определенный западнословацкий говор, чаще всего трнавский, другие говорили о западнословацкой диалектной основе без более точной, конкретной локализации). Другие исследователи основной источник бернолаковщины усматривали в языке католической письменности, издававшейся типографией Трнавского университета, или в разговорном узусе словацкой интеллигенции трнавского культурного центра. Высказывались также мнения о том, что образцом для бернолаковской кодификации служил чешский литературный язык. К. Габовштякова проводит детальное сопоставление бернолаковщины с различными языковыми формациями литературно-письменного и разговорного плана, которые были характерны для языковой ситуации в Западной Словакии в конце XVIII в., и приходит к выводу, что основным источни-

ком бернолаковской кодификации является «культурный западнословацкий язык». Этим термином определяется специфическая языковая формация наддиалектного типа, которая складывалась в Западной Словакии в XVI—XVIII вв. на базе местных словацких говоров и чешского литературного языка. Заметим, что вывод автора о роли «культурного западнословацкого языка» опирается не только на собственный анализ языкового материала, но и на результаты новейших исследований по данному вопросу Э. Паулини, Р. Крайчовича и других лингвистов. Анализируя черты сходства и различия между бернолаковщиной и «культурным западнословацким языком», К. Габовштякова показывает, что Бернолак не порвал с западнословацкой письменной традицией, что он узаконил многие характерные признаки «культурного западнословацкого языка», но вместе с тем в своей кодификации он делал упор на специфически словацкие языковые элементы, спорадически встречавшиеся в предшествовавшей западнословацкой письменности, на устранение излишних божемизмов.

Значительный интерес представляет также раздел о соотношении бернолаковской кодификации с языком литературных произведений Й. И. Байзы — словацкого просветителя, автора первого словацкого романа, опубликованного в 1738 г. Байза еще до реформы Бернолака осуществил попытку писать по-словацки и призывал следовать своему примеру. Однако опыт Байзы не встретил понимания и поддержки у современников. Его литературно-языковое новаторство не имело достаточного теоретического обоснования. Байза выступил с критикой бернолаковского литературного языка. Между ним и бернолаковцами развернулась острая полемика по вопросу о нормах и источниках кодифицирования словацкого литературного языка.

В книге К. Габовштяковой в сущности впервые проводится сопоставление норм бернолаковщины в области правописания, фонетики, морфологии и лексики с установками Байзы. При этом автор стремится объективно оценить заслуги Байзы, продолжая в этом смысле линию, намеченную в работах И. Котвана и Я. Оравца. В частности, К. Габовштякова отмечает, что в некоторых вопросах Байза занимал более правильную позицию, чем Бернолак, но ему часто недоставало последовательности, систематичности. Выступление Бернолака, наоборот, характеризовалось продуманной кодификаторской программой, охватывающей все стороны языковой структуры. На наш взгляд, при характеристике нормализаторской деятельности Байзы интересно было бы показать, в каком отношении его «литературный

язык находился к «культурному западно-словацкому языку».

Выясняя вопрос об отношении бернолаковщины к словацким диалектам, К. Габовштякова делает вывод о том, что западнословацкие говоры нельзя считать непосредственной основой бернолаковской кодификации. Вместе с тем, она замечает: «Мы можем наблюдать многие явные связи между бернолаковским литературным словацким языком и словацкими диалектами» (стр. 314). Эти связи обусловлены прежде всего наличием словацких диалектных черт в «культурном западнословацком языке». Кроме того, на кодификации литературного языка Бернолаком не могло не сказаться и влияние его родного верхнеоравского (среднесловацкого) говора, а также знакомство его с другими словацкими говорами. Таким образом, хотя Бернолак и не опирался прямо и сознательно на словацкие говоры, они нашли свое отражение в кодифицированном им литературном языке. Особенно заметна связь бернолаковщины с западнословацкими диалектами. Достаточно отчетливо выступают в бернолаковщине и некоторые среднесловацкие диалектные черты. Отсутствуют в ней явные восточнословацкие диалектные элементы (стр. 326).

В вопросе о роли чешского литературного языка в формировании бернолаковщины К. Габовштякова исходит из того, что многовековое употребление чешского языка в функции литературного языка словацкой народности не могло не сказаться и на формировании словацкого литературного языка. Чешские элементы проникли в бернолаковщину главным образом через посредство «культурного западнословацкого языка». Кроме того, по мнению автора, активную роль при формировании бернолаковщины играл и непосредственно чешский литературный язык. Его влияние сказалось в сфере лексики (стр. 332), а также в области фонетики и морфологии (стр. 332—334).

К. Габовштякова подчеркивает, что стремление Бернолака дифференцировать словацкий язык от чешского и борьбу Бернолака за чистоту словацкого языка нельзя считать проявлением античешской ориентации. Она приводит свидетельства положительного отношения Бернолака к чешскому языку: он высоко ценил усилия чехов в борьбе за культуру своего языка, и в своей кодификаторской деятельности в значительной мере опирался на чешскую лингвистическую литературу, заимствовал многие чешские языковые элементы, особенно те из них, которые были представлены в «культурном западносло-

вацком языке» (стр. 334). В свете сказанного, пожалуй, излишне категорично выглядит выдвинутое ранее положение о том, что по отношению к «культурному западнословацкому языку» бернолаковщина означает «почти полное элиминирование чешских языковых элементов» (стр. 271).

В последней главе дается общая оценка заслуг Бернолака в развитии литературного словацкого языка. К. Габовштякова подчеркивает, что Бернолак заложил основы литературного словацкого языка, впервые дав систематическую научную разработку главных звеньев языковой структуры, что его лингвистические труды не только продолжали и завершали предшествовавшие попытки словакизации письменности и введения в литературную сферу словацкого языка, но и знаменовали «уже новую фазу в истории словацкого языка: первую форму общенационального литературного языка» (стр. 342). И хотя бернолаковщина в процессе дальнейшего исторического развития не удержалась (в середине XIX в. она была заменена другим вариантом литературного словацкого языка — штуровщиной), она «сыграла важную роль в истории словацкого языка и словацкой нации» (стр. 349). Высока общественная значимость кодификаторской деятельности Бернолака, которая способствовала развитию и укреплению национального самосознания словаков, развитию их национальной культуры.

Из отдельных недочетов рецензируемой работы отметим, в частности, некоторые неясные термины. Так, освещая развитие языковой ситуации в Словакии накануне реформы Бернолака, автор использует, на наш взгляд, не очень понятный термин «добернолаковский словацкий языковый узус» (в сопоставлении с терминами «добернолаковский западнословацкий узус» или «культурный западнословацкий язык»). Вряд ли стоит говорить о бернолаковщине как о «новом литературном словацком языке» (стр. 64). Ведь бернолаковщина — первый вариант литературных норм словацкого языка. Не совсем удачна и композиция книги, неизбежно приводящая к довольно частым повторам.

В целом же книга К. Габовштяковой «Лингвистическое наследие Бернолака» дает глубокую и всестороннюю оценку лингвистических трудов и кодификаторской деятельности Бернолака. Это значительный вклад в изучение начального периода истории литературного словацкого языка.

Л. Смирнов

E. STANKIEWICZ, D. S. WORTH. A Selected Bibliography of Slavic Linguistics. Mouton, the Hague—Paris, 1966—1970. Vol. I, 1966, 315p. Vol. II, 1970, 530p.

Э. СТАНКЕВИЧ, Д. С. ВОРТ. Избранная библиография по славянскому языкознанию

В 1966 г. вышел в свет первый, а в 1970 г. — второй том «Избранной библиографии по славянскому языкознанию» Э. Станкевича и Д. Ворта. Читатель получил солидный библиографический справочник, который охватывает литературу по всем славянским языкам, вышедшую в славянских и неславянских странах в XIX и XX вв. (до 1962 г. включительно). Впервые в славистике появился труд, в котором дается библиографическое обобщение лингвистической продукции в столь широком объеме. Необходимость такой работы совершенно очевидна, несмотря на имеющиеся национальные библиографии и справочники по отдельным славянским языкам.

Задуманная первоначально как библиографическое пособие для американских студентов, изучающих славянские языки, книга Э. Станкевича и Д. Ворта не дает исчерпывающего перечня литературы, а включает основные и наиболее важные исследования в области славянского языкознания. Причем старые работы, представляющие сейчас скорее историко-лингвистический интерес, сведены к минимуму; работам же XX в. отдается предпочтение даже в тех случаях, если их научные достоинства спорны. Авторы стремились включить в свою книгу прежде всего исследования, основанные на структурном подходе, хотя в ней достаточно широко представлены и работы, не характеризующиеся этим подходом, но внесшие существенный вклад в развитие славянского языкознания. Таким образом, библиография является избранной в двух отношениях: во-первых, она делает упор на современные исследования и, во-вторых, отражает интерес составителей к структурализму.

Библиографический труд Э. Станкевича и Д. Ворта состоит из двух томов. Первый том содержит работы по славянским древностям, по балтославянскому языку, общеславянскому языку, сравнительной славистике, церковнославянскому и южнославянским языкам. Во втором томе собраны работы по западнославянским и восточнославянским языкам, а также библиография библиографических источников. Первый том подготовлен Э. Станкевичем (за исключением раздела по церковнославянскому языку), во втором томе ему принадлежат разделы по западнославянским языкам. Д. Ворт составил остальную часть труда.

Классификация славянских языков в основном традиционная. Верхне- и нижнелужицкие языки даны вместе, по-

скольку в исследованиях они часто не разграничиваются; кашубский трактуется как самостоятельный язык.

В книге есть общий раздел, который охватывает проблемы происхождения и миграции славян, балтославянского языка, славянской акцентологии (акцентологических глав в отдельных языках нет), общеславянского языка, сравнительной славистики. В последнем подразделе выделяются главы фонологии, морфологии, синтаксиса, литературных языков, лексикологии и этимологии, сравнительных и этимологических словарей, ономастики, диалектологии, славянских и других индоевропейских языков, славянских и не-индоевропейских языков, стихосложения. В разделе церковнославянского языка дана дробная классификация текстов, позволяющая легко найти работу, посвященную тому или иному памятнику. В разделах отдельных славянских языков принята традиционная единообразная рубрикация, различия в которой обусловлены разной степенью научной разработки того или иного языка. Так, например, в словенском языке нет главы социальных диалектов, стихосложения; в македонском отсутствуют главы орфоэпии, стилистики, поэтики, стихосложения, которые имеются в болгарском и сербохорватском языках. Синхронические и диахронические исследования помещены в разные главы (за исключением диалектологии).

При систематизации материала используется прием дублирования (а не отсылок), если работы относятся к нескольким разделам схемы.

Авторы отказались от первоначально задуманных критических аннотаций в связи со значительным размером библиографии и невозможностью просмотреть все работы, но зато приводят большие списки рецензий, по которым читатель может составить мнение о той или иной работе.

Библиографическое описание дается в современной орфографии, кириллические названия транслитерируются. К каждому тому прилагается именной указатель и список сокращений источников.

Рецензируемый труд, выполненный на высоком научном и методическом уровне, не свободен и от некоторых частных недостатков.

Соглашаясь в принципе с неизбежностью ограничений в охвате материала и признавая всю сложность этой проблемы и право авторов на определение необходимости включения в библиографию

той или иной работы, мы не можем не пожалеть об отсутствии некоторых исследований, в частности, советских славистов, которые представляют, на наш взгляд, большой интерес. Это описание болгарских говоров Н. В. Котовой, типологическая характеристика болгарских диалектов Т. В. Поповой, статьи И. К. Буниной и Е. В. Чешко об истории болгарских говоров на территории СССР, исследования Е. И. Деминной о пересказывательных формах и М. Г. Рожновской о безличных предложениях в болгарском языке, Р. В. Булатовой о глаголах движения в сербохорватском языке, И. М. Железняк о сербской исторической антропонимике и др. Пропуски, неточности и опечатки, допущенные в первом томе библиографии, подробно рассмотрены в рецензии К. Гутцмида, которая опубликована в «Zeitschrift für Slawistik», Bd. XII, 1967, Hf. 4.

Особенно заметны пробелы в разделах, посвященных малоизученным языкам, таким как серболужицкий, полабский, где желательна наибольшая полнота, которая здесь могла быть легко достигнута. Так, в разделе о серболужицких языках пропущены некоторые статьи Э. Эйхлера, Р. Фишера, Л. Гофманна, Х. Вальтера по серболужицкой ономастике; сборник, посвященный Теодору Фрингсу (Халле, 1957), из которого дана только одна статья Ф. Редлиха, ошибочно датированная 1955 г. Отсутствуют работы Е. Юрковского о влиянии немецкого языка на нижнелужицкие диалекты, З. Штибера о мужаковском говоре, работы А. Фринты, М. Рудницкого, Р. Епча о памятниках серболужицкого языка, исследования по грамматике К. Полянского, В. Пьянко и др. Из работ советских сорабистов упомянута лишь одна статья М. Михайлова о суффиксах имен действующего лица в современном серболужицком языке, но не указаны, например, работы М. И. Ермаковой об употреблении глагольных форм.

В разделе полабского языка нет подраздела ономастики, и работы Р. Фишера, Й. Налешы, Р. Траутманна, Э. Мюллера и др., касающиеся полабской проблематики, остаются за рамками книги. Не включены работы К. Полянского по полабской лексикологии, З. Кемпфа по фонологии, Л. Ржегачка по синтаксису, книга А. Супруна о полабских числительных.

Список невключенных в библиографию трудов можно было бы легко увеличить. Отбор материала иногда кажется случайным, не обусловленным сформулированными принципами и определяется лишь знакомством авторов с тем или иным изданием. Так, включены две части работы С. М. Кульбакина «Материалы для характеристики среднеболгарского языка», посвященные языку Боянского еванге-

лия и отрывка евангелия Григоровича, но нет третьей части, посвященной языку Охридского апостола. Указан том «Кратких сообщений» Института славяноведения АН СССР, названный «Основные вопросы грамматики современного болгарского литературного языка», но нет самой книги «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». Приводятся статьи А. В. Бондарко по чешскому языку из журнала «Slavia», но отсутствуют опубликованные в советских изданиях его же статьи о настоящем историческом.

Систематизация в целом не вызывает возражений. Отметим только, что акцентологические исследования сконцентрированы в общей части, главы по акцентологии в отдельных языках отсутствуют и соответствующие работы здесь дублируются не всегда; это создает неудобства в разыскании той или иной работы, особенно при наличии двух томов.

В систематизации материалов встречаются отдельные ошибки. Так, работа Е. С. Метельской «Лексика Супрасльской летописи» (Минск, 1963) включена в раздел кириллических памятников старославянского языка. Между тем Супрасльская летопись — это памятник старобелорусской письменности XVI в., а не Супрасльская рукопись — классический памятник старославянского языка. Другие работы этого автора правильно помещены в раздел диахронической лексикологии белорусского языка. Статья Л. Э. Калынь «Категория твердых — мягких согласных фонем в белорусском языке» находится в разделе синхронических исследований, в то время как в ней на материале памятников письменности и диалектов дается характеристика процессов в области белорусского консонантизма, обусловивших своеобразие этой категории в фонологической системе белорусского языка. Аналогичная работа этого же автора по украинскому языку помещена в раздел диахронии. Статья И. К. Белододе о фразеологии украинской советской прозы послевоенного периода попала в диахронический раздел. Работа Э. Георгиева о кирилло-мефодиевской традиции в Болгарии помещена в главу «Сербские, хорватские тексты».

Библиографическое описание сделано очень экономно, рельефно, с применением разных шрифтов для различного типа изданий (курсив — для книг, прямой — для статей), с максимальными сокращениями. Журналы «Slavia», «Listy filologicke» и др. даются без номеров выпусков или тетрадей, что затрудняет нахождение работы.

Встречаются ошибки в выходных данных. Например, статья Л. Н. Смирнова о соотносительном употреблении форм прошедшего времени в словацком языке

опубликована в 1960, а не в 1959 г., статья Г. К. Венедиктова «К вопросу о глаголах с двумя приставками в современном болгарском языке» — в 1955, а не в 1952 г.

Имеются ошибки и в именном указателе. Н. С. Державин назван С. Н. Державиным. Е. И. Демина — С. И. Демпиной, З. М. Волоцкая — Ф. М. Волоцкой (в тексте Т. М. Волоцкой).

Допускается разноречие в транслитерации фамилий. Например, К. И. Ходова

в одной главе транслитерирована как К. I. Hodova, в другой как М. I. Kodova.

Вышеприведенные частные недостатки не меняют главного: книга Э. Сташкевича и Д. Ворта — значительный вклад в славистическую библиографию. Она бесспорно представляет собой большую ценность для специалистов в области славянского языкознания, преподавателей и студентов, для всех, кто интересуется славянскими языками.

И. Можаява

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1970—1971 гг.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика.

Ауэрсперг П. Место ЧССР в борьбе за мир и европейскую безопасность. «Новое время», 1971, № 16.

Гусак Г. Главные задачи КПЧ после обмена партийных билетов. Доклад первого секретаря ЦК КПЧ тов. Густава Гусака на пленуме ЦК КПЧ 10 декабря 1970. Парт. жизнь, 1971, № 1.

Карпич В., Лукин Л. Крепнет сотрудничество стран социализма. Международар. жизнь, 1971, № 4.

Киреев В. В. Ленинские идеи о пролетарском интернационализме и некоторые вопросы развития экономического сотрудничества социалистических стран. Тр. Горьк. высш. парт. школы. 1970, вып. 6.

Климов В. Социалистический интернационализм — основа взаимоотношений стран социализма. Полит. самообразование, 1971, № 4.

Коломейчик Н. О единстве интернациональных и национальных задач в деятельности ПОРП. В кн. Ленинизм и мировой революционный процесс. М., 1970.

Куричев А. П. В. И. Ленин о руководящей роли марксистской партии и особенности ее осуществления в социалистических странах. В кн. Ленинизм и проблемы развития государства и права Свердловск, 1970.

Мазур В. Борьба против современного ревизионизма — важнейшее условие идейно-политического сплочения коммунистических рядов. «Под знаменем ленинизма», Киев, 1970, № 4.

Марко Я. Чехословацкая внешняя

политика — прошлое и настоящее. Международар. жизнь, 1971, № 4.

Мошняга В. Роль ВЛКСМ в укреплении и развитии интернационального сотрудничества союзов молодежи социалистических стран. «Позывные истории», 1970, вып. 2.

Мунтян М. А. Борьба советской дипломатии за прием Венгрии, Румынии и Болгарии в Организацию Объединенных Наций (1947—1955 гг.). Балк. ист. сб., Кишинев, 1970, № 2.

Плевза В. В. И. Ленин в борьбе с правым оппортунизмом. (О применении ленинских положений в ходе борьбы КПЧ против правооппортунистических идейных и политических течений в период 1968—1969 гг.) В кн. Ленинизм и мировой революционный процесс. М., 1970.

СССР — СФРЮ: сотрудничество укрепляется. «Новое время», 1971, № 10.

Гопалова Ю. И. Некоторые вопросы пролетарского интернационализма в работах Г. Димитрова. В кн. Ленинизм и современная идеологическая борьба в национальном вопросе. Москва—Каунас, 1970.

Файзиев Ш. К вопросу интернациональных связей трудящихся Узбекистана с болгарским народом. Тр. Самарк. ун-та, 1970, вып. 182.

Шевченко Э. Дипломатические и договорные отношения стран социализма. Международар. жизнь, 1971, № 3.

Якубовский И. Бастион мира и безопасности народов (К 15-летию создания Организации Варшавского Договора). Воен.-ист. журн., 1971, № 3.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Аристов Г. В. Опыт социалистических стран в применении принципа материальной заинтересованности. Тр. Моск. ин-та нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова. 1970, вып. 83.

Атанасов А. Исследование внутренней миграции при переплыве населения в Болгарии. В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970.

Бобрин В. Я. Основні риси сучасного економічного розвитку соціалістичних країн. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Богацька Х. Организация статистического наблюдения миграции в Польше. В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. 1970.

Бондаренко В. Г. Економічне співробітництво соціалістичних країн і проблеми ефективності суспільного виробництва в Чехословаччині. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Бондаренко М. С. Міжнародний соціалістичний поділ праці і прискорення розвитку економіки країн — членів РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Будник В. С., Румянцев А. П. Деякі теоретичні проблеми економічної інтеграції соціалістичних країн. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Булаш М. О. Соціалістична інтеграція головний напрям вирішення паливно-сировинної проблеми країн РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Бух М., Шинтяпин Ю. Интенсификация сельского хозяйства в европейских странах — членах СЭВ. «Вопросы экономики», 1971, № 1.

Быков А. Роль экономической интеграции в развитии и упрочении социалистического сотрудничества. «Коммунист Белоруссии», Минск, 1971, № 3.

Ваш-Золтан П. Страны СЭВ и международные научные организации. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5, М., 1970.

Внешняя торговля стран — членов СЭВ в 1969 г. (Краткий обзор). Бюл. эконом. информации СЭВ, 1971, № 1.

Гаврилов В. Формы научно-технического сотрудничества при международном кооперировании производства. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5, М., 1970.

Ганев А. Оплата труда в трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйствах Народной Республики Болгарии. Докл. Моск. ин-та инж. с.-х. производства, 1971, т. 4, вып. 6.

Гохман В. М., Пивоваров Ю. Л. Изучение проблем регионального экономического развития в Польше. Изв. АН СССР, Сер. геогр. 1971, № 2.

Грингольд И. А. Производствен-

ные объединения в системе управления промышленностью европейских социалистических стран. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства, 1971, вып. 23.

Грингольд И. А. Функции отраслевых министерств в странах СЭВ. Экономика и организация пром. производства, Новосибирск, 1971, № 4.

Дербишер А. В. Управление качеством продукции за рубежом. В кн. Вопросы управления качеством продукции. М., 1970.

10 лет Постоянной комиссии СЭВ по использованию атомной энергии в мирных целях. «Атомная энергия», 1971, т. 30, вып. 2.

Добрев Г. Агропромышленные комплексы в Болгарии. «Учет и финансы в колхозах и совхозах», 1971, № 3.

Досталь А. Международный инвестиционный банк. «Под знаменем ленизма», Киев, 1971, № 2.

Доценко А. П. Об'єктивна необхідність і суть економічної реформи в країнах соціалізму. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Дыбков С. Новая система руководства народным хозяйством в действительности. Парт. жизнь, 1971, № 5.

Иванова Н. И. О финансовых национальных счетах Чехословакии. В кн. Методологические проблемы баланса народного хозяйства. М., 1971.

Ильин А. И. Плодотворное сотрудничество социалистических стран в области транспорта. Ж.-д. транспорт, 1971, № 3.

Иовчук С. О критериях экономического расчета в научно-техническом сотрудничестве стран социализма. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5, М., 1970.

Клочко В. П. Використання прибутку як економічної підйоми підвищення ефективності суспільного виробництва в європейських країнах РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Кодаченко А. С. Экономические связи СССР и других социалистических стран с развивающимися странами. Изв. АН СССР. Сер. эконом. 1971, № 2.

Комиссаров А., Взаимовыгодное сотрудничество. (О долгосрочных торговых соглашениях СССР и Польши на 1971—1975 гг.) Междунар. жизнь, 1971, № 3.

Кормнов Ю. Взаимосвязь международной специализации производства и научно-технического сотрудничества. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5, М., 1970.

Куплевацкий В. Я. Международное значение ленинского коопера-

тивного плана. Гр. Харьк. с.-х. ин-та, 1971, т. 146.

Кучерявенко П. Х. Економічні умови розвитку селянського господарства в ПНР. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Лесечко М. Сотрудничество стран СЭВ на современном этапе. «Коммунист», 1971, № 4.

Лятух М., Роль миграции в росте больших городов Польши в период индустриализации (1950—1960 гг.). В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970.

Мазанов Г. Международный инвестиционный банк. Полит. самообразование, 1971, № 3.

Мамонтов В. В. Значение трудового потенциала как фактора экономического роста в странах социализма. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1970, т. 285. Политэкономия, вып. 7.

Микульский К. Интенсификация производства и экономической интеграции стран СЭВ. «Вопросы экономики», 1971, № 3.

Минков М. Опыт определения оптимальных границ миграции населения Болгарии. В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970.

Молдован В. І. Основні напрямки вдосконалення господарського розрахунку в промисловості Польської Народної Республіки. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Нелюбов Б. Ф. Технічний прогрес і розвиток хімічної промисловості в НРБ. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Новые проекты в ЕЭС по унификации торговой политики в отношении социалистических стран. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1971, № 37.

О болгаро-гунисском экономическом сотрудничестве. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1971, № 26.

Одинцов Л. Участие автомобильной промышленности европейских социалистических стран в международном разделении труда. Экономика автомобилестроения, 1971, № 1.

Паестка Ю., Мадей З. Влияние мировой общественно-экономической системы на перспективы развития техники и экономики в Польше. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран—членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5. М., 1970.

Петров В. С. Рентабельність сільськогосподарського виробництва і диференціальна рента в трудових кооперативних землеробських господарствах Народної Республіки Болгарії. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Пивоваров Ю. Л. Маятниковая миграция в социалистических странах

Европы. В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970.

Попов И., Свиридов В. Научно-технический прогресс служит социализму. Мировая экономика и международные отношения, 1971, № 4.

Попов П. К вопросу об истории миграционных процессов населения в Болгарии. В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970.

Раковский С. Н. Проблемы межрайонных миграций в социалистических странах Европы. В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970.

Ржига Л. Научно-техническая политика предприятия и ее эффективность. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран—членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 1. М., 1970.

Ристич С. Предприятия и их объединения в планировании и проведении научных исследований. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. междунар. симпозиума стран—членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.

Рокитко А. І. Індустріалізація сільськогосподарського виробництва і підвищення рівня його усучаснення. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Русев П. Новый этап в развитии Народной Республики Болгарии. (В связи с принятием новой Программы БКП и Директив развития народного хозяйства на 1971—1975 г.) Парт. жизнь, 1971, № 8.

Рыбаков О. Экономическое сотрудничество СССР с братскими социалистическими странами. План. хоз-во, 1971, № 4.

Санд В. Принципы планирования информации в социалистическом народном хозяйстве. Научн.-техн. информация ВИНТИ. Сер. 1. М., 1971, № 1.

Сергеев С. Д. Экономическое сотрудничество стран социализма—интернационализм в действии. Уч. зап. Моск. ин-та междунар. отношений, 1970.

Синягин И. Опыт координации научных исследований по сельскому хозяйству в странах—членах СЭВ и международное социалистическое разделение труда в области научных и технических исследований. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран—членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5. М., 1970.

Соглашение об образовании Международного Инвестиционного Банка. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1971, № 5.

Соловьева К. Ф. Проблемы углубления экономической интеграции социалистических стран. Тр. Моск. эконом.-статистич. ин-та. Кафедра политэкономии, М., 1971.

Степаненко В. В. Некоторые вопросы финансов органов управления промышленностью европейских социалистических государств. В кн. Саратовский экономический институт. Конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1970 г. Саратов, 1971.

Стефанов И. Состояние и проблемы координации научных и технических исследований в области экономики и демографии. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.

Сущинська І. Ю. Науково-технічна революція — важливий фактор досягнення перемоги соціалізму в економічному змаганні з капіталізмом. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Тивончук І. О. Умови торгівлі на світовому соціалістичному ринку і шляхи їх поліпшення. Питання політ. економії, Київ, 1971, вип. 72.

Тодоров С. Новая пятилетка Болгарии. Эконом. газета, 1971, № 13.

Торгово-экономические отношения между Индией и Югославией. Бюл. иностр. коммерц. информации, 1971, № 26.

Устав Международного Инвестиционного Банка. Ведомости Верховного Совета СССР, 1971, № 5.

Хланта О. В. Закарпаття у бра-терських зв'язках трудящих Української РСР з сусідніми країнами соціалізму. В кн. Соціалістичні перетворення на Закарпатті за 25 років Радянської влади. Ужгород, 1970.

Цесляк М. О путях интенсификации разработок в электротракторостроительной промышленности. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.

Чапек В. Н. Текущий учет миграции в социалистических странах Европы. В кн. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М., 1970.

Чапек В. Н. Учет и статистика миграции населения Польской Народной Республики. Уч. зап. Рост. ин-та нар. хоз-ва, 1970, вып. 5.

Шпирьев Ю. Проблемы и перспективы экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. «Вопросы экономики», 1971, № 4.

Шпикін П. І. Болгарія в міжнародному соціалістичному поділі праці. Питання політ. економії, Київ, 1970, вип. 72.

Шульман А. Координация планов стран СЭВ: итоги и перспективы. Внешн. торговля, 1971, № 4.

3. Государственное строительство и право

Власов И. С. Уголовно-административное производство в ПНР. Уч. зап. ВНИИ сов. законодательства, М., 1971, вып. 23.

Гаврилина З. Т. О криминологических исследованиях вопросов борьбы с преступлениями против социалистической собственности в зарубежных социалистических странах Европы (краткий обзор). В кн. Борьба с хищениями государственного и общественного имущества. М., 1971.

Гельфер М. Условное осуждение по уголовному праву некоторых зарубежных социалистических государств. Сов. юстиция, 1971, № 7.

Живков Т. Ленинизм и единство политики и экономики в социалистическом обществе. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971. № 4.

Котова Н., Ларионова Ж. Вопросы воспроизводства населения в ЧССР. В кн. Исследование воспроизводства населения в зарубежных странах. М., 1970.

Маринов М. Процессуальные особенности Закона об административных нарушениях и наказаниях. Сов. государство и право, 1971, № 4.

Марков М. Ленинские идеи управления и современное социалистическое развитие Болгарии. В кн. Ленинизм и мировой революционный процесс. М., 1970.

Махненко А. Х. Развитие демократии в социалистических странах. Сов. государство и право, 1971, № 3.

Шленова Н. А., Ягодовский Л. С. Рабочий класс зарубежных социалистических стран. В кн. Международное рабочее движение. 1970. М., 1971.

Яценко С. Основні положення Кримінального кодексу ПНР 1969 р. Рад. право, Київ, 1970, № 2.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Божук Г. В. Орендні відносини в сільському господарстві Закарпаття 1919—1930 рр. В кн. Соціалістичні перетворення на Закарпатті за 25 років Радянської влади. Ужгород, 1970.

Вознесенский В. Д. Царь Борис, Гитлер и легионеры. «Новая и новейшая история», 1971, № 2.

Вычанская К. Польские революционеры и Парижская Коммуна. В кн. История Парижской Коммуны 1871 года. М., 1971.

Глушков А. Е. Роль нацистской прессы в подготовке и осуществлении германской агрессии против Польши. В кн. Вопросы международных отношений, ис-

ториографії та історичнознавства, вип. 3. Томск, 1970.

Гранчак І. М., Пальок В. В. Українська радянська історіографія про боротьбу трудящих Закарпаття за воз'днання з УРСР у 1920—1939 рр. В кн. Соціалістичні перетворення на Закарпатті за 25 років Радянської влади. Ужгород, 1970.

Гросул В. Я. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40—начале 50-х годов XIX в. Балк. ист. сб., Кишинев, 1970, № 2.

Йотов И. Ленинская идея единого фронта и ее применение в Болгарии. В кн. Ленинизм и мировой революционный процесс. М., 1990.

Гофе Э. Р. І. Пічета аб предпосылках і прычынах аграрной реформи 1557 г. у Беларусі і Літве. Весті АН БССР. Сер. грамад. навук, Мінск, 1974, № 1.

Кабачок В. И. Розробка в радянській історичній літературі питання про радянсько-югославські відносини під час другої світової війни. Вісн. Харк. ун-ту, 1971, № 62. Історія, вип. 5.

Карасев В. Г. Передовая югославская публицистика и Парижская Коммуна. В кн. История Парижской Коммуны 1871 года. М., 1971.

Клейн Б. С. «Дело» Розы Люксембург. «Вопросы истории КПСС», 1974, № 3.

Колкер Б. М. Попытка создания балканского «нейтрального» блока в начале второй мировой войны. Балк. ист. сб., Кишинев, 1970, № 2.

Королюк В. Д. Тадеуш Мантойфель (Некролог). Сов. славяноведение, 1974, № 2.

Кундюба І. Д. Роза Люксембург і польський робітничий рух. Укр. іст. журн., Київ, 1971, № 2.

Ляхов В. А. Русско-турецкая война 1828—1829 годов и национально-освободительное движение болгарского народа. Уч. зап. Яросл. пед. ин-та, 1970, вып. 76.

Мадлевский С. А., Володарский М. И. О некоторых тенденциях современной историографии балканских войн. (По страницам журнала «Balkan Studies»). Балк. ист. сб., Кишинев, 1970, № 2.

Манусевич А. Я. О дате приезда В. И. Ленина в Краков и об одном неизвестном его выступлении. «Вопросы истории КПСС», 1971, № 3.

Мисюра В. П. Джерела про боротьбу за створення партійних організацій й лєнінського типу за Закарпатті. 1918—1921 рр. (Статья основана на кратком обзоре документов из фондов Закарпатского обл. госархива за 1917—1921 гг.). Іст. джерела та їх використання. Київ, 1970, вип. 5.

Никитин С. А. Парижская Коммуна в оценке болгарской печати. В кн.

История Парижской Коммуны 1871 года. М., 1971.

Остоя-Овсяный И. Д. На пороге войны. «Польская карта» в дипломатии Ж. Бонне. «Новая и новейшая история», 1971, № 2.

Писарев Ю. А. Экспансионистские планы Австро-Венгрии на Балканах в годы первой мировой войны и югославская проблема. Балк. ист. сб., Кишинев, 1970, № 2.

Поглубко К. А. Болгаро-русские революционные связи весной 1876 г. Балк. ист. сб., Кишинев, 1970, № 2.

Похлевиц Д. Д. Аграрные отношения в Польше и Чехии в XVI—XVIII вв. в советской историографии. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970.

Сабуров А. Сердце не забывает (О Наленке Я.) В кн. Люди легенд. Очерки о партизанах и подпольщиках — Героях Советского Союза., вып. 4. М., 1971.

Семенова И. В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. Балк. ист. сб., Кишинев, 1970, № 2.

Степанова Н. Б. Польский Мюнхен (Франко-польские отношения перед началом второй мировой войны как период подготовки польского Мюнхена). Уч. зап. кафедр Моск. ин-та междунар. отношений, 1970, вып. 3.

Хакимова У. Х. Влияние мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. на экономику Болгарии. Труды Самарк. ун-та, 1970, вып. 182.

Хенсель В. Предполагаемое влияние хеттов на лужицкие племена (В области религии). В кн. Древние славяне и их соседи. М., 1970.

Чемпалов И. Н. Присоединение Югославии к тройственному пакту. Уч. зап. Урал. гос. ун-та, 1970, № 104, Сер. ист., вып. 19.

Чернявский Г. И. Святкування і травня в Болгарії в роки часткової стабілізації капіталізму. (На основаних архивних документів розглядається посилення політичної боротьби болгарського пролетаря в 20-е роки.) «Питання нової та новітньої історії», 1970, вип. 10.

Чех В. Русские военнопленные в Чехословакии в 1918—1920 гг. «История СССР», 1971, № 1.

Чистяков В. В. Роза Люксембург и международное рабочее движение (К 100-летию со дня рождения.). «Вопросы истории», 1971, № 3.

Шевченко Ф. П. Історичне минуле в оцінці Б. Хмельницького. Укр. іст. журн., Київ, 1970, № 12.

Шпикарев И. Болгария во второй мировой войне. Вестн. воен. истории. М., 1970, № 1.

Шолле З. Рабочее движение в Чешских землях и Парижская Коммуна. В кн.

История Парижской Коммуны 1871 года. М., 1971.

Шусторович Э. М. Об одном отрывке из древнеславянского перевода хроник Иоанна Малалы. (Хроника составлена в VI в., переведена в Болгарии в X в.) Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1970, № 6.

Янин А. А. Ян Шверма (К 70-летию со дня рождения). «Вопросы истории КПСС», 1971, № 3.

Яну И. Г. Из истории антифашистского молодежного движения в Вардарской Македонии в период второй мировой войны. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

2. Культура и наука

Ананьева Б. Г. Вопросы психологии обучения и воспитания в трудах Яна Амоса Коменского. Сов. педагогика, 1971, № 2.

Ангелов С. О предмете и системе марксистской этики. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1971, № 1.

Анисимов Г. П. Чешский оперный театр, каким я его помню (О деятельности Национального театра в Праге в период 1961—1963 гг.). В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Барчукова Н. С., Борисов К. Г. К вопросу о международном научном сотрудничестве социалистических стран. В кн. Советский ежегодник международного права, 1969. М., 1970.

Бахмат К. П. До питання про форми співробітництва вищої школи Радянського Союзу і Народної Республіки Болгарії. «Питання нової та новітньої історії», 1970, вип. 10.

Бегунов Б. К. Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге (Анализ коллекций древнерусских рукописей Славянской библиотеки). Тр. Ин-та русской лит-ры, М.—Л., 1970.

Беляева Ю. Д. Кочо Рацин и рождение македонской пролетарской литературы. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Беляева Ю. Д. Социальная направленность творчества Иво Чипико. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Бенев Б., Велков Н. Некоторые проблемы организации науки. В кн.: Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.

Березкин В. Художники польского театра. «Искусство», М., 1971, № 2.

Березницкий Ян. Адам Ханушкевич и польские Гамлеты. (О трактовке «Кардиага» Ю. Словацкого в постановке А. Ханушкевича в театре Народовы.) «Театр», 1970, № 12.

Бершадская М. Л. В. И. Ле-

нин и словенская литература 1918—1929 гг. Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 20. История, яз. лит-н., вып. 4.

Білодід І. К. Важливий етап у підготовці до VII Міжнародного конгресу славистів у Варшаві (1973 р.). Рад. літературознавство, Київ, 1970, № 12.

Богданов М. Б. Художественные течения и идейно-эстетическая борьба в сербской литературе межвоенного периода. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Богуславский М. Применение договорной формы при проведении странами — членами СЭВ совместных научных исследований. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968, г., т. 5. М., 1970.

Божук Г. В. П'ятдесята річниця загального страйку сільськогосподарських робітників Закарпаття. Укр. іст. журн., Київ, 1971, № 3.

Бойко В. В. Радянсько-болгарське співробітництво в галузі літератури — яскравий зразок втілення ленінських принципів пролетарського інтернаціоналізму. Вісн. Харк. ун-ту, 1970, № 57, Сер. історії КПРС, вип. 7.

Борсукевич Ю. С. Польский вопрос в жизни и творчестве Лермонтова. Вопросы рус. лит-ры, Львов, 1970, вып. 2.

Брайниа Б. Улыбка (О творчестве Доры Габе). Дет. лит-ра, 1970, № 12.

Братская солидарность. (VIII встреча руководителей союзов писателей 11 социалистических стран. Москва 26—29 янв. 1971 г. Лит. газета, 1971, 3 февр.)

Братская солидарность. Заседание секретариата правления Союза писателей СССР, посвященная итогам VIII встречи руководителей союзов писателей социалистических стран в Москве, Лит. газета, 1971, 10 февр.

Бударагин В. П. О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли». (О западнославянском происхождении повести XVII в). В кн. Институт русской литературы Ленинград. Отдел древнерусской литературы. Тр. т. 25. Памятники русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1970.

Буссе Н. Болгарские библиотекари по ленинскому пути. «Библиотекар», 1971, № 1.

Бычваров М. Ленинский этап марксистской философии в Болгарии. В кн. Ленинизм и развитие марксистской философской мысли за рубежом. М., 1970.

Бэлза И. Чешские и словацкие музыканты в России. В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Бэлза С. И. Творчество Горького и словацкая литература. В кн. Горький и современность. М., 1970.

Вадимов С. Идеи, обогащающие искусство. (О новом подъеме политический и творческой активности в литературе стран социализма в год ленинского юбилея.) *Иностр. лит-ра*, 1971, № 4.

Варненска М. С удовольствием вспоминаю о работе над «Тревогой». (Автор о книге «Тревога на рисовых полях».) В кн. *Литература и ты*, вып. 4, М., 1970.

Васильев А. О судьбах своей страны. (О творчестве художника К. Хегедушича) «Творчество», 1970, № 11.

Вешович Р. Четверть века в пути. (Краткая характеристика литературных течений в Югославии за 25 лет.) *Вопр. лит-ры*, 1970, № 10.

Виноградов Е. Пржиц Трка — художник-поэт. *Иностр. лит.*, 1971, № 1.

Влашин Ш. Влияние Великой Октябрьской революции на чешскую литературу начала 20-х годов. В кн. *Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература*. М., 1970.

Вогелник Д. Некоторые дилеммы в связи с финансированием научных исследований. В кн. *Управление, планирование и организация научных и технических исследований*. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968, т. 1. М., 1970.

Воейкова И. Революционная героика в искусстве Болгарии. «Художник», 1971, № 3.

Вуквич Ч. «Поколение создано для песни...» (О литературе современной Черногории.) *Вопр. лит-ры*, 1970, № 10.

Вышинська Э. Год Выпянского в Польше. (О проведении в польских театрах юбилейного года, посвященного Выпянскому.) «Театр», 1970, № 12.

Гановский С. Ленин и история философии. В кн. *Ленинизм и развитие марксистской философской мысли за рубежом*. М., 1970.

Герман К. Развитие научно-технического сотрудничества в условиях экономической системы социализма. В кн. *Управление, планирование и организация научных и технических исследований*. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5. М., 1970.

Гивин Я. С. Пьеса М. Горького «На дне» на польских сценах. В кн. *Горький и современность*. М., 1970.

Глинский И. Посестри. (Леся Украинка и Мария Коношицка.) «Всевіт», Київ, 1971, № 2.

Гольдзамт Э. Социальные проблемы градостроительства в социалистических странах. «Архитектура СССР», 1970, № 11.

Гордина Е. Старейшина югославской музыки. (О хорватском композиторе Я. Готовце.) *Сов. музыка*, 1970, № 11.

Гордина Е. Творчество Й. Славенского в его связях с народной музыкой Югославии. В кн. *Из истории зарубежной музыки*. М., 1971.

Гусев В. В. Югославские встречи. (О научных связях между университетами Скопле и Воронежа.) *Вопросы истории славян*, Воронеж, 1970, вып. 3.

Давшан А. Н. На дороге в завтрашний день. (Эволюция лирического героя ранней поэзии Бруно Ясенского.) *Научн. тр. Ташк. гос. ун-та*, 1970, вып. 389.

Дервиз Г. Югославские впечатления. (О современной скульптуре и монументальном искусстве) «Искусство», 1970, № 11.

Джибладзе Г. Н. Ян Амос Коменский и высшая школа. *Вестн. высш. школы*, 1970, № 11.

Доронина Р. Ф. Лрика Милана Ракича. В кн. *Зарубежные славянские литературы*. XX век. М., 1970.

Доронина Р. Ф. Сербская литература конца XIX — начала XX века. В кн. *Зарубежные славянские литературы*. XX век. М., 1970.

Доронина Р. Ф. Стеван Сремап. В кн. *Зарубежные славянские литературы*. XX век. М., 1970.

Дудевский Х. Максим Горький — живой участник современного литературного процесса Болгарии. В кн. *Горький и современность*. М., 1970.

Дучев А., Трендафилов Л. Финансирование научных и технических исследований. В кн. *Управление, планирование и организация научных и технических исследований*. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 4. М., 1970.

Конечны Д. Значение русской демократической культуры для развития чешского изобразительного искусства XX столетия. В кн. *Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства*. М., 1970.

Дылевский Н. М. «Письмовник» Курганова в Болгарии. (О культурном и литературном влиянии популярной русской книги к. XVIII — нач. XIX в. на Неофита Рыльского и Пенчо Славейкова.) *Русск. речь*, 1971, № 2.

Ершов Л. Ф. Изучение русской советской литературы в Польше. В межвоенное двадцатилетие и послевоенные годы. *Русск. лит-ра*, 1970, № 4.

Живов В. Радостная встреча. (О гастролях в Москве Болгарской хоровой капеллы им. Св. Обретеннова.) *Сов. музыка*, 1971, № 2.

Зарев П. Октябрьская революция и болгарская литература. В кн. *Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература*. М., 1970.

Зверев Ю. А. Музыка Чайковского в Чехии и его посещение Праги. *Уч. зап. Казанского пед. ин-та*, 1970, вып. 82.

- Зенов М. Памяти великого чешского педагога Яна Амоса Коменского. Сов. педагогика, 1971, № 1.
- Зинич В. Спільне й локальне в народній культурі слов'ян. «Народна творчість та етнографія», Київ, 1971, № 1.
- Золотухина Е. М., Киселева А. Г. Об издании произведений В. И. Ленина в СССР и за рубежом. (Содержится также материал об изданиях в европейских социалистических странах.) «Вопросы истории КПСС», 1970, № 10.
- Зоркий А. Карловы Вары летом 70-го. (В частности, анализируются фильмы социалистических стран, представленные на кинофестивале.) «Искусство кино», 1970, № 12.
- Зюлковский З. Аспекты эффективности международного сотрудничества в области научных исследований. В кн. Управление, планирование и организация научных исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 5. М., 1970.
- Иванов В. Планирование и координация научных и технических исследований в НРБ. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.
- Илиев Л. О некоторых вопросах научного познания и использования его результатов. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 1. М., 1970.
- Ильина Г. Я. К вопросу о художественном методе Августа Цесарца. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.
- Ильина Г. Я. Хорватская литература 1918—1941 гг. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.
- Калайджиева К. Библиотечное дело в социалистической Болгарии. «Библиотекар», 1969, № 12.
- Каллош А. В. Владимир Назор — писатель и гражданин. В кн. Зарубежные славянские литературы, XX век. М., 1970.
- Каньский Ю. Лодзинский оперный. Сов. музыка, 1971, № 1.
- Кельник В. В. Подготовка журналистов в Польше (Проблемы и дискуссии). Вестн. Моск. ун-та. Журналистика, 1971, № 1.
- Кириллюк Е. Словакістика на Україні (с XIX в. до наших дней). Рад. літературознавство, Київ, 1971, № 1.
- Киселев И. Научное сотрудничество Академии наук СССР с социалистическими странами в 1969 г. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1970. М., 1970.
- Кишкин Л., Великий чешский мыслитель Ян Амос Коменский и русская культура. Лит. газ-та, 1970, 25 ноября.
- Коев И. Следы быта и языка праборгар в болгарской народной культуре. (На базе этнографических и фольклорных исследований древнего болгарского населения «капанцы» в Разградском и Торговицком районах). Уч. зап. НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР, 1969, вып. 47.
- Кожевников Ю. А., Россиянов О. К. Великая Октябрьская социалистическая революция и опыт развития литературы социалистических стран. В кн. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. М., 1970.
- Колодзейская Я. Польский закон о библиотеках. В кн. Библиотечное дело и библиография за рубежом, вып. 35. М., 1970.
- Копыстьянская Н. Ф. Из истории создания романа Ольбрахта «Никола шугай, разбойник», Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1971, № 1.
- Кравцов Н. И. Основные тенденции развития словенской литературы конца XIX — начала XX века. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.
- Кравцов Н. И. Творчество Борисова Станковича. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.
- Кузин Н. П., Кинкулькин А. Т., Коровкин Ф. П. Укреплять связи педагогов-историков социалистических стран. «Преподавание истории в школе», 1971, № 2.
- Кузьмин М. Н. К социальной характеристике школьной системы буржуазной Чехословакии. В кн. Историко-социологические исследования М., 1970.
- Кунст Д. Новые методы и перспективы тематической координации в области организации международного научного сотрудничества. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.
- Ласкеев Н. А. Развитие сети научных библиотек Болгарии после победы социалистической революции. Тр. Ленинград. гос. ун-та культуры, 1970, т. 21.
- Лебедис Ю. Письма Симонаса Станявичюса Михалу Балинскому. «Литература», Вильнюс, 1970, № 13.
- Леснякова С. Словацкая литература в период русских революций. (На примере творчества Иозефа Грегора Тайовского.) В кн. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. М., 1970.

Ливанцев К. Е. Польская политико-правовая мысль XV—XVI вв. Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 23. Экономика. Философия. Право, вып. 4.

Лісовий М. П. Комуністична преса Закарпаття 20—30-х років про В. І. Леніна. В кн. Соціалістичні перетворення на Закарпатті за 25 років Радянської влади. Ужгород, 1970.

Логинов В. Польские художники-монументалисты. «Архитектура СССР», 1970, № 1.

Лойберг М. Я. К вопросу о становлении феодального хозяйства в Польше. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970.

Льобченко В. Роль колективів художньої самодіяльності в розвитку українсько-чехословацьких культурних зв'язків. Нар. творчість та етнографія, 1970, № 5.

Мадей З. Долгосрочное прогнозирование развития науки и техники в Польше. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭФ и СФРЮ. Москва, май 1968 г., т. 3. М., 1970.

Мадлевский С. Взаимное обогащение (Заметки о культурных контактах между МССР и ПНР). «Нистру», Кишинев, 1970, № 9.

Мазуркевич А. Р. Ян Амос Коменский и прогрессивные педагоги Украины. (О влиянии взглядов Я. А. Коменского на развитие педагогической мысли на Украине в XVI—XVII вв.) Сов. педагогика, 1970, № 11.

Макаренко З. Н. Научно-издательская деятельность польских государственных архивов в 1964—1969 годах. Сов. архивы, 1971, № 2.

Малецки И. Поисковые исследования — фактор экономического развития. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭФ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 1. М., 1970.

Малэк Э. «Повесть об астрологе Местаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. (Из истории польско-русских литературных связей.) В кн. Институт русской литературы. Ленинград. Отдел древнерусской литературы. Тр., т. 25. Памятники русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1970.

Мансфельд Д. П. Развитие образования в Югославии (К 25-летию СФРЮ). Сов. педагогика, 1970, № 11.

Манусевич А. Я. Роза Люксембург и ее место в истории международного рабочего движения. «Новая и новейшая история», 1971, № 2.

Маринич И. Розмарич А., Рачич М. Основные особенности финансирования научной работы в СФРЮ. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических ис-

следований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭФ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 4. М., 1970.

Марлевич М. Проблемы финансирования и хозяйственного расчета в области научно-технического прогресса (на основе опыта ПНР). В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭФ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 4. М., 1970.

Марушевский Я. Харцерская литература. (Директор Харцерского издательства рассказывает о его деятельности.) В кн. Литература и ты, вып. 4. М., 1970.

Матгаузер З. Советская поэзия 20-х годов и чешский «поэтизм». (Рассматривается творчество представителей чешской авангардной поэзии Волькера, Незвала, Библа, Сейферта, Ванчур и др.) В кн. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. М., 1970.

Вс. Мейерхольд в Праге. (Публикуются тексты беседы Мейерхольда с Ладиславом Штоллом в «Руде право», 31 авг. 1934 г., беседы, опубликованной в «Прагер пресс» 13 сент. 1936 г. и отрывок из доклада в октябре 1936 г. в «Урании».) В кн. Пути и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Митропан П. Музыка слова. (К 50-летию юбилею творческой деятельности Десанки Максимович.) «Всесвіт», 1970, № 11.

Михалков Б. Эстетические традиции героического. Заметки об истоках болгарской литературы. В кн. Литература и ты, вып. 4. М., 1970.

Мірачыцкі Л. З гісторыі беларуска-чэхаславацкіх культурных сувязей. Кар. асвета, Мінск, 1970, № 12.

Москаленко А. Е. Новая кафедра на историческом факультете ВГУ. (О научной работе кафедры истории зарубежных славянских народов в Воронежском университете.) «Вопросы истории славянских народов», 1970, вып. 3.

Настоящее и будущее литературы. (Видные писатели Вл. Минач — ЧССР и Н. Стэнеску — СРР о роли литературы в современном обществе. Ответы на анкету журнала.) Иностран. лит-ра, 1971, № 2.

Невраев В. Ю. Тенденции в области автоматизации библиотечно-библиографических процессов и использование ЭВМ в практике библиотек зарубежных социалистических стран. В кн. Библиотечное дело и библиография за рубежом, вып. 34. М., 1970.

Нейдлы Р., Некола Й. Некоторые проблемы и перспективы статистического изучения в области исследования и развития. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар.

симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.

Никольский С. В. Драма Чапека «R. U. R.» В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Новак Я. Письма А. Дворжака из Москвы (Впервые публикуются три письма А. Дворжака к А. Г. Рубинштейну, Э. Направнику и П. И. Юргенсоу, относящиеся к периоду пребывания композитора в России в 1890 г.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

О подготовке к VII Международному съезду славистов (Варшава, 1973 г.). «Вопросы языкознания», 1971, № 1.

О сводном плане координации научных и технических исследований на 1971—1975. Бюл. экон. информации СЭВ, 1971, № 1.

Оболевич В. Б. «Фрашки» Яна Кохановского. Вестн. Ленинград. ун-та, 1971, № 2. История, яз., лит., вып. 1.

Огнев В. «Народ шести народов». (О развитии современной литературы Югославии.) Вопр. лит-ры, 1970, № 10.

Огнев В. У наших друзей. Литературное обозрение. (Произведения прозаиков, поэтов и критиков Болгарии, Венгрии.) «Новый мир», 1971, № 1.

Опудльський А. Поезія Болгарського опору. «Всесвіт», 1970, № 12.

Оршин А. Д., Грибовская А. И. Драматургия И. А. Крылова в оценке польской театральной критики послевоенных лет. (В связи с постановкой пьес Крылова в ПНР.) Вопр. рус. лит-ры, Львов, 1970, вып. 2.

Основные направления научной деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР. Вестн. АН СССР, 1970, № 12.

Павлов Т. Социалистический реализм и современность. (Публикуется текст беседы между Т. Павловым и А. Атанасовым). Иностр. лит-ра, 1970, № 11.

Пармон Ф. М. Народная одежда из овчины у славян и их соседей и возможности использования ее элементов в современной одежде. Сов. этнография, 1971, № 2.

Петрич Э. Роль научных работников в организации, программировании и проведении научных исследований. В кн. Управление, планирование и организация научных и технических исследований. Тр. Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 3. М., 1970.

Петров Ф. П. Книга — верный спутник дружбы. (Из истории литературных и книжных связей народов Советского Союза и Чехословакии.) В кн. Книга. Исследования и материалы, сб. 21. М., 1970.

Петрова-Плескотова А. Развитие творчества Яна Ромбауэра и русская портретная школа живописи.

(Словацкий художник 1732—1849.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Пискорский В. К. Ян Амос Коменский. Вступительная лекция. «Вопросы истории славян», Воронеж, 1970, вып. 3.

Пискунов А. И. Гуманизм и пансофия — фундаментальные идеи педагогической теории Яна Амоса Коменского. Сов. педагогика, 1971, № 2.

Плеханов А. Ян Амос Коменский о воспитании потребности в знаниях. Нар. образование, 1970, № 11.

Полек В. Т. Твори Лесі Українки у перекладах та зарубіжній критиці. Укр. мова і літ. в школі, Київ, № 2.

Польские кинематографисты в Москве. Интервью с Б. Брыльской и Я. Рыбковским. «Искусство кино», 1970, № 12.

Полякова Л. О «русских операх» Леона Яначека. (О русских сюжетах в операх Яначека.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Полянина Т. В. Из истории взаимоотношений И. И. Срезневского и Я. Ф. Головацкого. Вопросы русск. лит-ры, Львов, 1970, вып. 3.

Пономарева Н. Н. Болгарская драматургия первого десятилетия народной власти. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Попов В. И. Польская краеведческая библиография на современном этапе. В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом, вып. 34. М., 1970.

Постановление Совета Министров Народной Республики Болгарии от 20 января 1970 г. «Об утверждении Основных положений по организации единой библиотечной системы в Народной Республике Болгарии». В кн. Библиотекведение и библиография за рубежом, вып. 35. М., 1970.

Прашков Л. Вновь открытые сокровища Болгарии. (О возрожденных фресках Рильского монастыря.) «Творчество», 1970, № 12.

Пригара М. Золотой ренет. Протворчисть Франтишека Грубина. «Всесвіт», 1970, № 12.

Пэк Л. Чехословацкий кукольный фильм в борьбе за утверждение народных традиций. (О творчестве Г. Тырлова, И. Трнки и К. Земана.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Радволина И. Дарящая поэзию. Встречи с Десанкой Максимович. Лит. газета, 1970, 23 дек.

Рассказывают редакторы журналов социалистических стран. Вопросы лит-ры, 1971, № 1.

Ришкус Й. Новый архивный материал об А. Мицкевиче. «Литература», Вильнюс, 1970, № 13.

Робинсон А. Н. Совецание Международного комитета славистов в Финляндии. (Хельсинки, 30 авг.—5 сент. 1970 г.). Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, вып. 1.

Руда Т. Лист сербского вченого до Ивана Франка. (Публикуется письмо Т. Остоича.) Нар. творчѣсть та етнографія, 1970, № 5.

Румл В. Философия марксизма-ленинизма и коммунистический гуманизм. В кн. Ленинизм и развитие марксистской философской мысли за рубежом. М., 1970.

Рыжова М. И. Жизнь и творчество Прежикова Воранца. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Рыжова М. И. Реализм Франце Бевка. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Рыжова М. И. Творческий путь Алойза Градника. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Рябова Е. И. Основные направления в межвоенной словенской литературе. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Савова Е. Библиографическая работа Центральной библиотеки Болгарской академии наук. Сов. библиография, М., 1970, № 5.

Северина Н. Я. Рассказы и повести Ивашкевича. (40—60-е годы.) В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Соболева Н. А. Международный нумизматический симпозиум. (Брно, 7—9 ноября 1969 г.) Сов. археология, 1970, № 4.

Совещание представителей архитектурных журналов социалистических стран. (Каазмек, 26 сент. 1970 г.) «Архитектура СССР», 1971, № 1.

Солнцева Л. О творческих связях чехословацких режиссеров с советским театром 20—30-х годов. (В приложении публикуется переписка Квапила со Станиславским, статьи И. Гонзала и Ю. Фучика о советском театре.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Соловьева А. П. Русские переводы «Силезских песен» Петра Безруча. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

Сотрудничество польских библиотек в области комплектования фондов. (Обзор) Информация о библиоделе и библиографии за рубежом, М., 1970, вып. 6.

Срочинский Р. Г., Станислав Виткевич и Лев Толстой. Уч. зап. Горьк. ун-та, 1970, вып. 102. Л. Н. Толстой. Ст. и материалы, № 7.

Стара Д. Чешский сатирический рисунок против русского царизма. (О работах художников-сатириков начала XX века.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Стельмах В. Д. Международная ленинская конференция по чтению в Варшаве (11—14 июня 1970 г.). В кн. Библиоковедение и библиография за рубежом, вып. 35. М., 1970.

Стояновская Е. «Сообразно нуждам эпохи...» (Репортаж о московской встрече главных редакторов литературных журналов социалистических стран.) Иностр. лит., 1971, № 2.

Струмский Г. Добрая волшебница детства. (О творчестве В. Паспалеевой к 70-летию.) Детская лит-ра, 1970, № 11.

Стшелецкий З. Художники польского театра. (О современных сценографах.) «Творчество», 1970, № 8.

Танчер В. К., Давидович В. Е. На совещании редакторов философских и социологических журналов социалистических стран. Киев, 22—24 июня 1970 г. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1971, № 1.

Театрально-зрелищные предприятия в Польской Народной Республике. «Экономика и организация театра», 1971, № 1.

Тонев Л. Социологические проблемы градостроительства. «Архитектура СССР», 1970, № 11.

Трифонович Л. Скульптор Ристо Стойович. «Искусство», 1970, № 11.

Тувим Ю. Две заметки. (Приводится предисловие Тувима к сборнику переводов: Tuwim J. Lutnia Puszkina. Warszawa, 1937 и статья «Traduttore — traditore», 1950.) В кн. Мастерство перевода, сб. 7. М., 1970.

Федорук О. Украиняна Юзефа Хелмоньского. (Об украинской тематике в творчестве польского художника XIX в.) «Всесвіт», 1970, № 11.

Фила В. Картины русских пейзажистов XIX в. в чешских собраниях. В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Флакер А. Хорватские встречи с Максимом Горьким. (О встречах Ф. Мажуранича и Й. Косара с Горьким.) В кн. Горький и современность. М., 1970.

Фрадкин Ф. Социальная педагогика в Польской Народной Республике. Нар. образование, 1971, № 1.

Франгеш И. Октябрьская революция и современная хорватская литература. В кн. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. М., 1970.

Франчевич М. Октябрьская революция и Август Цесарец. В кн. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. М., 1970.

Хавес В. Зарубежные страны. (Библиография работ о художественном переводе, вышедших также в европейских социалистических странах в 1967 г.) В кн. Мастерство перевода, сб. 7. М., 1970.

Хаджихристов Х. Работа Народной библиотеки имени Кирилла и Мефодия по претворению в жизнь основных ленинских принципов в области библиотечного дела. В кн. Библиотековедение и библиография за рубежом, вып. 34. М., 1970.

Харламау I. Ідзі Коменскаго аб навучанні і выхаванні. Нар. асвета, Мінск, 1970, № 11.

Ципро М. Развитие Коменским принципов гуманистического воспитания. Сов. педагогика, 1971, № 2.

Цыбенко Е. З. Работы В. И. Ленина о литературе и начало формирования марксистской эстетической мысли в Польше. Вестн. Моск. ун-та. Филология, 1971, № 1

Червенияк А. Лев Толстой в словацкой критике. Уч. зап. Горьк. ун-та, 1970, вып. 102. Л. Н. Толстой. Ст. и материалы, № 7.

Чернышская И. Сказки Карела Чапека. К 80-летию со дня рождения. Детская лит-ра, 1970, № 11.

Шабоук С., Швидковский О. Векные традиции культурных связей народов СССР и Чехословакии. В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Шамал И. Петр Ильич Чайковский и «Умелецка беседа». (О творческих связях композитора с пражским клубом артивистов и художников.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Шамал И. Франтишек Таборский и чешско-русские связи в области изобразительного искусства. (О роли Ф. Таборского в популяризации русского изобразительного искусства в Чехии.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Шамов А. Т. Повышение квалификации учителей в Польше. Нар. образование, 1970, № 12.

Швидковский О. Архитектура нового общества. (О современной архитектуре социалистических стран.) Архитектура СССР, 1970, № 11.

Швидковский О., Груза И. Общие проблемы архитектурного творчества. (Рассматриваются проблемы общности советской и чехословацкой градостроительной культуры.) В кн. Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970.

Шевчук В. I. Радянсько-чехословацка наукова конференція в Братиславі 12—14 окт. 1970 г. Рад. літературознавство, 1970, № 12.

Шкоро Г. А. С. Макаренко в Югославии. (О влиянии Макаренко на югославскую педагогическую теорию и практику). Сов. педагогика, 1970, № 11.

Шошкич В. Организация и финансирование научно-исследовательской работы и университет (и высшие школы). В кн. Управление, планирование и орга-

низация научных и технических исследований. Труды Междунар. симпозиума стран — членов СЭВ и СФРЮ. Москва, май, 1968 г., т. 4. М., 1970.

Юденич Т. Из истории болгаро-русских литературных связей. (Повесть Ивана Вазова «Отверженные»). Научн. труды Ташк. гос. ун-та, 1970, вып. 391.

Яковлева Н. Б. М. Горький и переводная литература Югославии. В кн. Горький и современность. М., 1970.

Ямпольский И. Памяти Петара Конёвича. Сов. музыка, 1970, № 12.

Яневский С. «Мы плыли под парусами...» (О современной македонской литературе.) Вопр. лит-ры, 1970, № 10.

3. Языкознание

Аванесов Р. И. Состояние и итоги работы над Общеславянским лингвистическим атласом. Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1971, т. 30, вып. 2.

Арбузова И. В. Эпизод из истории славянской филологии. (Поездка Ватрослава Облака в Македонию, 1892 г.) Вестн. Ленингр. ун-та, 1971, № 2. Ист., яз., лит-ра. вып. 1.

Білик О. П. Система відмінювання іменників у середньо-болгарському рукописі «Хлудов паримейник» (із попередніх зауважень). В кн. Донецкий университет. Научная конференция, посвященная 50-летию АН УССР. 1970. Материалы... Секция исторических и филологических наук. Донецк, 1970.

Бланар В. О внутренне обусловленных семантических изменениях. «Вопросы языкознания», 1971, № 1.

Вайнтрауб Р. М. Слово *bol-szewik* и *Sowiet* (y) в польском языке. Научн. труды Ташк. ун-та, Ташк. пед. ин-та иностр. языков, 1970, вып. 382. Вопросы филологии, т. 1.

Вайя А. Этимологические заметки. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Бороковского. М., 1971.

Вахек Й. Об одном сдвиге гласных в старочешском языке. В кн. Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.

Вашак В., Перебийніс В. Розподіл довжини слова у слов'янських мовах. В кн. Питання структурної лексикології. Київ, 1970.

Габинский М. А. Балканская утрата инфинитива в свете данных сефардистики. (На материале говоров Македонии.) В кн. Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Материалы III Всесоюз. совещания по ром. яз. (Минск 21—24 июня 1967 г.), ч. 2. Минск, 1970.

Гольцекер Ю. П. К вопросу о структуре краткого польско-русского переводного фразеологического словаря. Труды Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по рус. и слав. языкознанию, вып. 2.

Гольцекер Ю. П. К изучению лексики польских говоров на территории Латвийской ССР. Труды Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по рус. и слав. языкознанию, вып. 2.

Горбачевский А. А. Об одной особенности балканских языков. (На материале изучения супплетивных форм.) Уч. зап. Тадж. ун-та. Сер. филолог. Душанбе, 1971, вып. 4.

Гумецкая Л. Л. Заметки об украинско-западославянских лексических связях древнего периода. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Борковского, М., 1971.

Гусева Н. Р. К вопросу о значении имен некоторых персонажей славянского язычества. В кн. Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.

Гюлумянц К. М. Устойчивые сравнения, характеризующие ароматические цвета, в польском языке. Труды Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по русск. и слав. языкознанию, вып. 2.

Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянскую антропонию. (К этимологии имени Борисъ.) В кн. Антропонимика. М., 1970.

Доброшевский В. Из истории прилагательных с суффиксом —у— в польском языке. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70 летию В. И. Борковского. М., 1971.

Дуличенко А. Д. Заметки по морфологии глагола в языке русин Югославии. (Формы прошедшего времени.) Тр. Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по русск. и слав. языкознанию, вып. 2.

Дуличенко А. Д. Материалы к библиографии русин Югославии. Тр. Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163, Исслед. по рус. и слав. языкознанию, вып. 2.

Дыбо В. А. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. «Вопросы языкознания», М., 1971, № 2.

Жугра А. В. К вопросу об общих типах будущего времени в румынском и албанском языках. В кн. Лингвистические исследования. Л., 1970.

Займов Й. Стані першетиви болгарської ономастики. Повідомлення Україноматичної комісії. АН УРСР, 1970, вип. 8.

Заплаткина Н. Графемна структура односкладових слів у слов'янських мовах. В кн. Питання структурної лексикології. Київ, 1970.

Ивич М. О развитии некоторых конгруэнтных явлений на сербскохорватской языковой территории. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971.

Каралюнас С. С. К вопросу о древнейших отношениях балтийских и

славянских языков. (Интонация балтийских и славянских языков и их происхождение.) Тр. АН Лит. ССР. Обществ. науки, 1970, № 2.

Клепикова Г. П. Из карпато-украинской терминологии горного ландшафта. «Вопросы географии», 1970, сб. 91.

Кузнецов П. С. О фонологической системе сербохорватского языка. В кн. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Курашкевич В. Польское местоимение СО в функции союза ЗЕ. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971.

Лопашов Ю. А. К вопросу о местоименных повторах дополнения в балканских языках. В кн. Лингвистические исследования. Л., 1970.

Лотман Ю. Павел Наумович Берков. Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, 1970, вып. 251. Труды по рус. и слав. филологии, № 15.

Лукинова Т. Б. До видання наукової спадщини академіка АН УРСР Л. А. Булаховського. (Існують роботи по славянському языкознанию.) Вісн. АН УРСР, 1970, № 9.

Мартыненко Г. Я. Статистическое исследование синтаксической сложности предложения. (На материале болгарского языка). Информ. вопросы семантики, лингвистики и автоматич. пер., 1971, вып. 1.

Мокленко В. М. Семантические модели славянской тельмографической терминологии. «Вопросы географии», 1970, сб. 81.

Молошная Т. Н. Глаголы PERFECTIVA/IMPERFECTIVA/TANTUM в русском и болгарском языках. В кн. Фонетика, Фонология. Грамматика. М., 1971.

Мячина З. И. О некоторых фонетических особенностях чешского говора села Малая Зубовица Коростенского района на Житомирщине. Труды Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по рус. и слав. языкознанию, вып. 2.

Мячина З. И. Образцы чешской диалектной речи села Малая Зубовица на Житомирщине. Труды Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по рус. и слав. языкознанию, вып. 2.

Мячина З. И. Склонение полных прилагательных твердой и мягкой разновидности в чешском говоре села Малая Зубовица на Житомирщине. Тр. Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по рус. и слав. языкознанию, вып. 2.

Наумов Э. Отец сравнительной грамматики славянских языков (к 80-летию со дня смерти Фр. Миклошича). «Русский язык в школе», 1971, № 1.

Нерозник В. П. К вопросу о палеобалканском субстрате в современных балканских языках. В кн. Проблема диахронии и синхронии в изучении ро-

манских языков. Материалы III Всесоюз. совещания по ром. яз. (Минск 21—24 июня 1967 г.), ч. 2, Минск, 1970.

Николаева С. П. Палатализация губных согласных в языках балканского языкового союза. В кн. Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Материалы III Всесоюз. совещания по ром. яз. (Минск, 21—24 июня 1967 г.), ч. 2, Минск, 1970.

Николаева Т. М. Соотношение словесной и фразовой методики в сербском языке. В кн. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971.

Обрембска-Яблоньска А. Термин PRZECZYNALKA у А. Мицкевича. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Боровского. М., 1971.

Петканов И. Славянские элементы в романских языках и диалектах. В кн. Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Материалы III Всесоюз. совещания по ром. яз. (Минск, 21—24 июня 1967 г.), ч. 2, Минск, 1970.

Ройзензон Л. И. Деривационно-семантическая абсорбция как специфическое явление славянского словообразования. Тр. Самарк. гос. ун-та, 1969, № 163. Исслед. по рус. и слав. языкознанию, вып. 2.

Ройзензон П. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии, вып. 2 (Имеются

материалы по фразеологии славянских языков.) Тр. Самарк. гос. ун-та, 1970, № 186, I—XXII.

Склярченко В. Г. До питания про новоакутову інтонацію. «Мовознавство». Київ, 1971, № 1.

«И. И. Срезневский». В кн. Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете. Л., 1971.

Стрекалова З. Н. Заметки о рукописном «сравнительном русско-польском словаре» С. Б. Линде. (Приводятся примеры размещения материала.) «Вопросы языкознания», М., 1970, № 6.

Тертышкин Г. Ярослав Гашек в Самаре. «Волга», Саратов, 1970, № 11.

Толстой Н. И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов. «Вопросы географии», 1970, сб. 81.

Тополинська З. Комиссия по изучению грамматического строя славянских языков. (О заседании Комиссии, действующей при Международном комитете славистов, состоявшемся в Кракове 3—5 декабря 1969 г.) Научн. докл. высш. школы. Филолог. науки, 1970, № 6.

«И. В. Ягич». В кн. Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете. Л., 1971.

Янковский Ф. М. Четыре фразеологических этюда. В кн. Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В. И. Боровского. М., 1971.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1971, № 1

Ж. Натан. Фридрих Энгельс и историческая наука; С. Дамьянов. Интернационализм Парижской коммуны; Б. Григоров. Болгарские марксисты и Парижская коммуна (1891—1944 г.); Юл. Г. Марков. Развитие образования среди турецкого населения в Болгарии (1944—1952 гг.); Н. Чакир. Новая интерпретация фактов из жизни и деятельности Христо Ботева; Ив. А. Божлов. Битольская надпись царя Ивана Владислава и некоторые вопросы средневековой истории Болгарии.

«Литературна мисъл», 1971, № 1

П. Данчев. О литературной критике; П. Зарев. Литературный процесс в начале 20-х годов. Крах индивидуализма и новое художественное сознание; Р. Коларов. Балладические элементы в стихотворении Николы Фурнаджиева «Всадники»; Б. Ганчева. Наблюдения над рассказами и путевыми очерками Дмитра Димова; Е. Мута-

ров. Петр Карчангов; Л. Бумболов. Георгий Райчев — писатель-психолог; А. Илиев. Конденсация времени в литературе и искусстве.

«Език и литература», 1970, № 6

К. Попов. Историческое значение болгарского языка; А. Опулский. Переводчик стихотворений — поэт и исследователь; В. Кулешов. Проблема типологии реализма в русской литературе конца XIX и начала XX в.; Е. Шаблювский. Христо Ботев и драма Н. И. Костомарова «Кремучий Корд»; К. Иванова-Константинова. Новые данные о распространении Азбучной молитвы в средневековой русской письменности; А. Лазарова. К вопросу о предложениях с условно-следственным значением в болгарском языке.

1971, № 1

В. Колевский. Партия и литература; С. Русакиев. Советская литература и мировой литературный процесс; Х. Станева. К характеристике не-

полных сравнительных предложений; Е. Ш а б л и о в с к и й. Великая поэтесса украинского народа Леся Украинка; К. В л а х о в. К изучению морфологии фракийского языка; Е. Д а с к а л о в а. Александр Блок и Николай Хрелков; И. П а в л о в. Художественное претворение образа Ленина в чешской поэзии; Х. В а л ь т е р. Об одной особенности употребления подчинительных предложений *s ako* и будущем времени глагола в современном болгарском языке; И. Г о д о р о в. Неопубликованное стихотворение Петко Славейкова; К. Г ы р д е в. Неопубликованная рукопись Пенчо Славейкова; М. М и х а й л о в. О плаче Ярославны в «Слове о полку Игореве»; Л. Е р п х о н о в. Одно стихотворение Жинзифова.

«Zeitschrift für Slavistik», 1970, № 5

Р. Р у ж и ч к а. Семантика глагола и синтаксис предложения; В. Д. К л и м о н о в, И. Ц и м м е р м а н, Г. К л и м о н о в. Датив *commodi/incommodi* в русском языке; Ф. Л и в е р. Трудные славянские собственные имена; Е. Д о н е р т. К исследованию истории русской культуры в XVI в.; Х. П о р т. Фридрих Фидлер и русская литература; Х. Ш у л ь т ц е. К истории изображения Тургенева А. Менцелем.

№ 6

У. Л е м а н. Некоторые указания В. И. Ленина об изучении русской литературы XVIII в.; Г. Г р а с с г о ф. Проблематика изображения людей в русском Просвещении; А. Л а у х. Отражение проблематики эпохи и перспективы развития человечества в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; И. Л е м а н. О роли Петербурга как центра развития русского национального сознания в XVIII в. и начале XIX в.; А. П о з д н е е в. Шесть неизвестных песен В. Тредьяковского; М. О с т е р б и. Перевод Д. И. Фонвизина «Моральных басен» Л. Гольберга; П. Г о ф м а н. Незамеченные высказывания Кр. Ф. Д. Шубарта о крестьянской войне в России в 1773—1775 гг.; А. Г. Т а т а р и н ц е в. Сибирские путевые заметки А. Н. Радищева; Е. Д о н е р т. К изучению русской литературы и историографии во второй половине XVI столетия.

1971, № 1

Э. Э й х л е р. Шестидесятилетие Рудольфа Фишера; К. Х е н г с т. К вопросу о влиянии русского языка на современный немецкий язык; З. М и х а л к. Говор и обиходный язык билингов в

д. Гросс Партвиц в округе Хойерсверда; Х. Ш у с т е р - Ш е в ц. Дополнения к этимологии слав. **kъniga* 'книга'; В. Ц е н к о в с к и й. Роль звуковых и семантических факторов в этимологической реинтерпретации (так называемой народной этимологии); В. Ф и д л е р. К вопросу о распространении одного грамматического морфемного типа (южнослав. *neka*, *nek* и типологически родственное); Г. Ш т у р м. Об изложении исторической грамматики русского языка; И. Д и т ц е. Утрата древнерусской категории двойственного числа в XIII—XIV вв.; Ю. К. Б е г у н о в. Житие князя Александра Невского в новгородской литературе XV в.; Ф. Х и н ц е. К характеристике словесных названий хуторов в р-не Гросс Гарде (Гардна Велька).

«Kwartalnik Historyczny», 1971, № 1

Т. Г р у д з и н с к и й. Вопрос о династических разделах в Польше до конца XI века; Т. О п а с. Вотчинные города и Речь Посполитая; Е. З д р а д а. Путь эмигранта; А. Ю. К а м и н ь с к и й. Проблема «потерянного рая».

№ 2

А. Д з ю б и н ь с к и й. Сахарное производство в Марокко в 1516—1623 гг. Б. Г ж е л ь н ь с к и й. Политика Эндрю Джексона; Е. Т о м а ш е в с к и й. Экономические связи стран, возникших после распада Австро-Венгрии в межвоенном двадцатилетии; К. К е р с т е н. Историк — создатель источников.

«Przegląd Historyczny», 1971, № 1

Е. В. Б о р е й ш а. К столетию франко-прусской войны и Парижской коммуны; Е. М ы с л и н с к и й. Парижская коммуна в польской социалистической публицистике до 1805 года; Вл. З а е в с к и й. Провокация Шилля в Гданьске в 1809 г.; Л. Я с ь к е в и ч. Царский манифест от 17 октября 1905 г. и его осуществление; З. Л я н д а у. Финансовая олигархия II Речи Посполитой.

«Z pola walki», 1970, № 4

В. Г у р а. Преобразование партии рабочего класса в партию народа; А. К а л у ш а. Комитет общественной безопасности в Домбровском бассейне в период революции 1905 г.; К. Д о л и н д о в с к а я. «Ксёнжка» и «Том». Очерк деятельности легальных издательств КПШ (1918—1937); И. П и н т э р. Из истории антигитлеровского и антифашистского движения Сопротивления в Венгрии (1941—1945).

«Pamiętnik Literacki», 1971, № 1

Е. Квятковский. Мир-свет в поэзии Пшибося; В. Возновский. Концепция борющейся литературы в годы правления Станислава Августа; И. Инглот. «Exoriare alignis nostris ex ossibus ultor» в польской литературе и истории; М. Равинский. «Слово Якове Шелё» Бруно Ясенского в соотношении с фольклором; М. Карпулюк. «Lingua» Эразма Роттердамского в польском переводе 1542 года. Часть 1. З. Салони. Бодуэн де Куртене и поэтика формалистов; Я. Чаховска, Р. Лот. Скверная рецензия. По вопросу оценки Янушем Страдецким библиографической монографии Боя; В. Магнушевский. К вопросу о месте рождения Самуэля из Скжины Твардовского; Письма Люциана Рыделя к Константы Мариану Гурскому. К печати подготовил Юзеф Дужик.

«Slavia Orientalis», 1971, № 1

Л. Базылев. Значение политической мысли Герцена для развития современных отношений между народами; В. Сливовска. Полемика вокруг Герцена; Р. Лужный. Польские мотивы в творчестве Александра Герцена; Б. Гальстер. Герцен и Гоголь; Б. Бялокзович. Николай Огарев и Адам Мицкевич; С. Козак. А. Герцен, Н. Драгоманов и польский вопрос; Ф. Селицкий. Герцен в Польше; П. Зволинский. Первая рецензия «Энеиды» Котляревского и ее автор.

«Język Polski», 1971, № 1

В. Ташицкий. Параллель Рыбожеско || Rybowiesko и т. д., или о переходе -j- = -w; Ф. Батко. Метаморфоза названия деревни *Curozansc* около Кракова; К. В. Маласевич. Партийная речь в «Людах подземелья» Анджея Струги; М. Палюшкевич. Удвоение подлежащего — особенность устной речи; А. Баньковский. *Jeszcze i już*; Б. Крея. Откуда возникло *roźno*?; А. Баня. О дифференциации говора одной деревни; Т. Чарнецкий. Народная этимология в условиях языковых контактов. Два древнепольских слова: *roztrucharz* и *roztruchan*; А. Стеффен. Этимологические заметки; З. Броцкий. *Mazynarzowa* 'жена моряка'.

«Historický časopis», 1970, № 4

П. Гапак. К вопросу о начале рабочего и социалистического движения в Словакии; Я. Новотный. Политическая деятельность Павла Йозефа Шафарика во время революции 1848—

1849 гг.; А. Чизмадия. Начало служебного и бюрократического общественного управления в Венгрии.

1971, № 1

В. Плевза. Пятьдесят лет КПЧ и наша историография; З. Голотикова. Исторические корни возникновения Коммунистической партии Чехословакии; П. Годлевский. Варшавское восстание и Словацкое национальное восстание, их сходство и различие; А. Штис. Промышленная революция в Англии и на территории современной Чехословакии (попытка сравнения); П. Раткош. Христианизация Великой Моравии перед миссией Кирилла и Мефодия.

«Slovanský přehled», 1971, № 1

Я. Вавра. Восстание Е. И. Пугачева в европейской дипломатии и публицистике 1773—1775 гг.; М. Сутты. «Контрреформа» М. Н. Муравьева в 50-х годах XIX в.; А. Мильников. Ославянском самосознании в чешском обществе первой половины XVIII в.

№ 2

К. Герман. Победа социалистической революции в России и чешская рабочая печать (1917—1918 гг.); Ч. Аморт. Борьба за дружбу с Советской Россией в период образования КПЧ; З. Сладек. КПЧ и Советская Россия в 1921—1924 гг.; А. Делейши. Меншевики и либеральная буржуазия в первой русской революции; В. Бородовчак. «Социалисты» в Галиции и словаки на переломе XIX и XX веков.

«Československý časopis historický», 1971, № 1

Я. Кашпар. Членская база Коммунистической партии Чехословакии; Я. Пурш. Концепция промышленной революции у Маркса и Энгельса; Я. Мезник. Табор и Прага; И. Спевачек. Правление двух Люксембургов в Чешских землях 1334—1346 гг.; З. Идра. Положение рабочих фирмы Круш в Эссене с начала промышленной революции.

№ 2

Р. Квачек. КПЧ и коалиционное правительство в 1938 г.; Я Пурш. Комплексная революция новейшей эпохи; Л. П. Лаетва; Социально-политический фактор гуситского движения в русской историографии XIX и начала XX в.; Й. Ганзал. Иржи Игнац Поспихал и его время; С. Полак. Цены домов в десяти чешских подданных городах в первой половине XVI в.

«Slovenská literatúra», 1971, № 1

А. Маркуш. Партия и литература; С. Шматлак. Коммуникационный статут литературной критики; М. Гамад а. Поэзия Рудольфа Фабрыго; В. Кохал. Польский силлабизм в силлаботонических субституциях; Ц. Краус. Перцепция думы в штуровской поэзии; Я. Колбушевский. К интерпретации Гостинского «Оды на молодость»; Р. Бртань. Янко Матушка.

«Slovo a Slovesnost», 1971, № 1

Е. М. Уленбек. Новые результаты развития трансформационной порождающей грамматики (критический обзор); Л. Небески. Некоторые вопросы зависимости синтаксической концепции; Й. Грбачек. Слова-цитаты и другие периферийные лексические единицы иноязычного происхождения в словарном составе чешского языка.

«Slovenská reč», 1970, № 6

Е. Йона. Профессор Ю. Палкович и его словарь; Ш. Ондруш. Значение и происхождение глаголов *hútat' — hútorit'*; М. Марсинова. Образование прилагательных и наречий типа *milučký, milučko*; Л. Двонч. Слова типа *detektívka, bondovka, mayovka* в словацком языке; М. Патакова. Один из видов экспрессивности в прозе Гронского; Й. Штолць. Несколько замечаний о формах числительных; В. Углар. О значении грамматического рода отглагольных существительных с основой *zhréb-: zrebe, zreby, zrebie*; Ф. Кочиш. Язык в интерпретации художественного текста.

1971, № 1

Ф. Буфф а. Об исследовании и лингво-географической обработке словообразовательной стороны словацких наречий; Ш. Ондруш. Значение и происхождение слов *báň — baňa*; М. Марсинова. Отъемные глаголы с отделительным значением «лишить, отстранить»; П. Ондрус. О словах, не образующих систему словесных классов; Й. Млацек. Заметки об отношении предложения и синтагмы; Ю. Рыбак. Еще раз о временном значении форм условного наклонения в словацком языке; Й. Штолць. Заметка о родительном падеже единственного числа существи-

тельных мужского рода на *a/-u*; Ф. Кочиш. О формах и значении существительного *korále*.

№ 2

Ш. Пецинар. КПЧ и развитие слововакстики; Я. Сабол. Соотношение отдельных типов сочетаний согласных; М. Марсинова. Именительный падеж множественного числа типа *sudca*; Я. Качала. Слова *radok* и *žakos* в Словаре словацкого языка; М. Гайчикова. Несколько замечаний о географических названиях в Словаре словацкого языка; М. Иванова-Шалингова. Об одном типе географических названий, заимствованных у немецкого языка; Я. Финдра. О языке журнала «Slovenský Peňažník»; Й. Яцко. Правписание и склонение некоторых мексиканских местных названий.

«Jezik», 1969/1970, № 5

Р. Катичич. О нормативном характере языка; И. Шкарич. Звуковые изменения в середине произнесенных слов; К. Косор. О некоторых колебаниях в языковой теории и практике; А. Младенович. Еще раз о некоторых ненаучных толкованиях народного языка в литературе до Негоша.

1970—1971, № 1

А. Менац. О структуре фразеологизма; З. Юнкович. Ударение на проклитике; П. Шимуневич. О написании названий улиц Загреб.

«Jezik in slovstvo», 1970—1971, № 3

Современная словенская литература в средней школе; Б. Патерну. Лирика; М. Кмецл. Проза; Й. Корюза. Драматургия; М. Скубич. Пример синтаксической кальки.

№ 4

Б. Патерну. Философская лирика Енка; Ф. Безлай. Глагольные дериваты *-žigati, -žagati*; Й. Стабей. Из истории словенских слов; Д. Шега. Развитие словенской поэзии от первых зачатков до Прешерна.

№ 5

Т. Слама-Цазацу. О предмете и методологии психолингвистики, о возможностях ее приложения; В. Каленич. Новейшая сербохорватская лексикография; Б. Крефт. Бруно Мериджи.

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЭТНОГРАФИИ (Научная конференция в Ленинграде)

9—12 февраля 1971 г. в Ленинграде была проведена конференция на тему: «Ареальные исследования в языкознании и этнографии», организованная Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР и Институтом этнографии АН СССР. Эта конференция была задумана как продолжение конференции, состоявшейся в 1964 г. в Институте славяноведения АН СССР по инициативе Н. И. Толстого. Целью ленинградской конференции было показать, что современная лингвистическая география тесно связана с этнографией (и наоборот) и что достигнутые успехи в технике картографирования вызывают необходимость усовершенствовать методику обработки карт и установить, что и каким образом можно из них извлечь, т. е. создать теорию ареальных (пространственных) исследований. За последние десятилетия в связи со значительным ростом выпускаемых атласов назрела необходимость вычленения ареальных исследований как самостоятельной отрасли — ареологии.

В соответствии с этими задачами на конференции были прослушаны и обсуждены доклады и сообщения по общим вопросам ареальных исследований, по методике и источникам картографирования, по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии, по лингво-этнографическим ареальным исследованиям.

Конференция открылась вступительным словом зам. директора Института языкознания, чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкой, посвященном памяти недавно скончавшегося акад. В. М. Жирмунского, который был одним из организаторов ареальных исследований и который внес немалый вклад и в подготовку состоявшейся конференции как председатель ее оргкомитета.

Всего на конференции было сделано более 50 докладов и сообщений специалистов в области славянской, романской, тюркской, кавказской, армянской, индонезийской и др. филологии и этнографии. В настоящей заметке мы остановимся

подробнее только на славистических материалах.

Н. И. Толстой (Москва) в докладе «О традициях и результатах исследований, связанных с этно-лингвистической школой К. Мошинского», отметил, что славянская диалектология зарождалась и развивалась долгое время в недрах этнографии и что для современного этапа ее развития — лингвогеографического — характерно возвращение к этнографической проблематике. Н. И. Толстой указал три фактора, которые следует учитывать в лингвогеографии: 1) внутрilingвистический, 2) «экстернолингвистический» (т. е. внешняя история языка, контактирование диалектов и т. п.) и 3) экстралингвистические (или что то же — внелингвистические), в число которых входят факторы этнографические. С учетом этого необходимо разработать типологию материальной и духовной культуры для лингвистических целей. Н. И. Толстой отметил, что во многих славянских лингво-этнографических зонах сохранилось значительное и далеко не выявленное до конца богатство фактов, фиксация которых — насущная задача славистики; по-прежнему остается актуальным извечный вопрос о соотношении теоретического подхода (методологии исследования) и материала; повышенные требования теоретического плана (структурно-типологические, лингвогеографические и др.) побуждают к более тщательному, полному и планомерному сбору материала. Системность интерпретации лингво-этнографических фактов требует системности построения программ-вопросников и т. п.

Н. И. Толстой высоко оценил усилия этно-лингвистической школы К. Мошинского, накопившей и обработавшей значительное число фактов и разысканий (труды Ю. Тарнацкого, А. Зарембы, М. Караса, М. Куцалы, П. Бонка).

А. С. Герд и В. М. Мокленко (Ленинград) в докладе «Славянские диалектные зоны по словообразовательным и лексическим данным» отметили, что пробле-

мы славянской этногенеза неразрывно связаны с вопросом о славянских диалектных зонах и что благодаря многолетним трудам диалектологов-славистов уже завершено изучение общего распределения славянских диалектных зон. Многие факты, описанные за последнее время, позволяют уточнить и дополнить традиционное распределение этих зон, которое строилось в основном на ограниченном количестве фонетических изоглосс. При этом все большее значение приобретают факты лексиче- и словообразования. Лингвогеографическое описание некоторых суффиксов и анализ географической и ихтиологической лексики позволяют выделить четыре ареальных континуума, в пределах которых можно указать множество узких локальных зон.

В докладе Н. Н. Пшеничновой (Москва) «К вопросу о статистическом анализе материала для лингвистического картографирования» данный метод показан на материале, отражающем сосуществование конечных [ф] и [х] в формах родительного и предложного падежей множественного числа прилагательных в русских говорах. По мнению Н. Н. Пшеничновой, предлагаемый метод может быть использован также и при решении других лингвистических задач.

«Проблема типологии диалектных ареалов» — тема доклада Т. В. Назаровой (Киев). Т. В. Назарова обратила внимание на то, что лингвогеографический анализ предполагает возможность оперировать ареалами как самостоятельными пространственно-лингвистическими единицами — вычленять их, моделировать их связи и т. д. Проблема типологии ареалов возникает в связи с возможностью спонтанного развития в различных, практически не связанных взаимовлиянием частях диалектного континуума идентичных либо в каком-то отношении сходных элементов, образующих типологически подобные ареалы или ареальные оппозиции. Т. В. Назарова выделяет четыре типа однозначных ареалов: 1) адекватные материально, дистрибутивно, функционально; 2) адекватные материально, сходные дистрибутивно и (либо) функционально; 3) обладающие материальным подобием при тождестве дистрибутивным и (либо) функциональным; 4) неадекватные. По ее мнению задачи типологии диалектных ареалов можно было бы сформулировать как сопоставление однозначных ареалов с точки зрения существования адекватных (неадекватных) ареалов в тождественных (не тождественных) ареальных ситуациях.

При обсуждении этого доклада В. Н. Никонов (Москва) обратил внимание на то, что типология лингвистических ареалов не может быть единой и что должно быть несколько «неизоморфных» систем в зависимости от уровня противопоставления.

Развитие значений, этимология слов «гачи», «ноговицы», территориальное их распространение в славянских языках было рассмотрено в докладе А. С. Соколовской (Минск).

А. А. Бодвик (Львов) в докладе «Народная терминология домашнего промысла западного Прикарпатья и Закарпатья и определение границ Бойковщины» отметил, что в силу социально-экономических условий и географического положения, особенно ландшафта, западное Прикарпатье и Закарпатье дольше и в большем количестве сохранили различные виды и богатую терминологию домашнего промысла. Для установления географических границ распространения ряда видов народного производства наиболее плодотворным является изучение лексики бойковского говора.

Рассмотрев обстоятельно пласт производственной лексики, связанной с ткачеством, сукноделием, производством шнуров, маслоделием, с точки зрения ее происхождения, словообразования, соотносительности с лексикой других говоров и т. п., автор пришел к выводу, что эта древняя, богатая и дифференцированная лексика свидетельствует о высоком уровне и культуре традиционного промысла Бойковщины. В настоящее время границы бойковского говора стираются и исчезают. Проанализированная группа народной терминологии выходит далеко за пределы территории бойковского говора.

Вопросы интерпретации лексических карт рассмотрены в докладе Л. Т. Выгонной (Минск). Обобщая материалы «Диалектологического атласа белорусского языка», Л. Т. Выгонная отметила в частности, что они дают возможность проследить реально существующую дифференциацию говоров и показывают параллелизм лексических черт и архаичности фонетической и морфологической.

В докладе С. В. Бромлей (Москва) «О проекте сводного диалектологического атласа русского языка» (текст прочитан Н. Н. Пшеничновой) сообщалось о том, что этот атлас — новое лингвогеографическое мероприятие, основанное на детальной проработке диалектных явлений русского языка в региональных атласах. Территория, картографируемая в этом атласе, — область наиболее давнего распространения носителей русского языка, где складывались его диалектные группы. Атлас является новой ступенью лингвогеографического изучения диалектных различий русского языка и будет иметь большое значение для изучения истории русского языка. Он является ценным пособием для лингвистов, историков, археологов, этнографов.

Проблеме картографирования синтаксических явлений был посвящен доклад И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко (Москва) «О характере синтаксических раз-

личий русских говоров и их картографировании». Авторы отметили, что в частных синтаксических системах русских говоров различительные явления, связанные со структурой синтаксических построений, с одной стороны, и с функционированием определенных структур в диалектной речи, с другой, занимают далеко не одинаковое место. Структурные различия сравнительно немногочисленны и относительно полно изучены; функциональные различия, касающиеся лексического наполнения, семантики, частоты употребления синтаксических построений, оказываются преобладающими в диалектных синтаксических системах и они изучены еще далеко не в полной мере. Неодинаковым является и характер распространения по говорам явлений 1-го и 2-го типа.

Методика картографирования синтаксических различий обусловлена характером их распространения (метод изоглосс, условные знаки и т. д.).

Вопросам лексикологии, диалектной лексикографии и ее связям с лингвистической географией был посвящен доклад Ф. П. Сороколетова и И. А. Попова (Ленинград) «Областные словари как источники лексических и ареальных исследований». Авторы отметили, что русская диалектная лексикография в настоящее время располагает разнообразными словарями и что диалектная лексика имеет исключительно важное значение для решения ряда вопросов лингвистического и исторического характера. Различные типы областных словарей дают возможность решать различные лексикологические задачи. Они являются также источником исследования пространственного распространения слов, точность границ которого находится в прямой зависимости от полноты отраженных в словарях сведений. Это обстоятельство свидетельствует о важности концентрации собираемой в настоящее время многими вузами страны диалектной лексики в сводной картотеке «Словаря русских народных говоров».

Ф. Д. Климчук (Минск) в докладе «Об одном из диалектных типов в южной Брестщине» сообщил, что изучение островных «тороканских» говоров (Брестская область БССР) дает основание для предположения об их генетическом родстве со среднебужанскими говорами (Волынская и Львовская области УССР).

Тематика этнографических докладов близко соприкасалась с проблемами, которые затрагиваются в лингвистике.

К. В. Чистов (Ленинград) в докладе «Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора» сказал, что такое картографирование в рамках русского историко-этнографического атласа еще только начинается, что ценность международного опыта картографирования обрядовых и фольклорных явлений тоже от-

носительна. Картографирование русских народных обрядов предполагается начать с подготовки выпуска, посвященного свадебному ритуалу, который представляет собой сложную и многофункциональную структуру, состоящую из разнокачественных элементов (слова, действия, вещи). Теоретически очевидно, что картографирование свадебного ритуала должно в конечном счете вести к сопоставлению ареалов распространения изофункциональных элементов. Картографирование этого ритуала должно учитывать то, что поздняя его история была процессом редукции обрядовых элементов. Необходимо выработать систему критерии источников. Достаточно сложна также и хронологическая проблема. «Синхронный срез», на котором настаивают многие зарубежные этнологи, социологи и диалектологи, в данном случае не осуществим.

Е. П. Лупшова (Ленинград) в выступлении подчеркнула необходимость внедрения ареальных методов в фольклористику, опираясь при этом на материалы, которые в бытующем виде сохранились до наших дней.

Г. С. Маслова (Москва) в докладе «Значение картографирования русского традиционного костюма для этногенетических исследований (итоги и задачи изучения)» отметила, что выявление ареалов распространения различных сторон материальной и духовной культуры народа путем картографирования — важная составная часть методики современных этнографических исследований. Выявленные в процессе обобщения огромного разрозненного материала основные типы народного костюма XIX и начала XX в. и их распространение на территории Европейской части РСФСР, карты раздела «Одежда» в атласе «Русские» дают общую характеристику народного костюма и тенденции его развития в указанный период. Новая и сложная задача — картографирование орнамента одежды.

В докладе П. А. Ращопорта (Ленинград) «Картографирование типов древнерусского жилища по археологическим данным» было подчеркнуто, что жилище — один из основных элементов материальной культуры, что археологическими экспедициями накоплено большое количество материала об особенностях древнерусских жилищ. Хотя между археологами и этнографами и идут споры о том, какие элементы жилища следует считать основными, важно учитывать все особенности и детали жилищ, которые удастся определить в процессе археологического исследования. Одним из основных способов выявления закономерностей развития жилища является картографирование состояния отдельных его элементов в различные исторические периоды, при этом карты ареалов элементов жилища в разные периоды должны

быть сопоставимы между собой и, если возможно, с картами ареалов тех же элементов, выявленных этнографами XIX—XX вв. Элементы, наносимые на карту, должны быть археографически документированы.

Нанесение на карту ареалов отдельных элементов древнерусских жилищ лесостепной зоны от VI до XIII вв. позволило выявить общую картину развития этих жилищ. Необходимо проделать подобную работу по северной половине древнерусской территории.

М. Г. Рабинович (Москва) в докладе «К методике этнографического картографирования» изложил принципы методики, впервые примененной при подготовке историко-этнографического атласа «Русские». Основу этнографического картографирования составляет выявление и нанесение на карту ареалов характерных явлений материальной и культурной жизни народов. При этом они должны рассматриваться не статично, а в их историческом развитии. Уместно и показать происходящие изменения можно с помощью количественного показателя. Важно выбрать исторические рубежи картографирования. Для историко-этнографических атласов, над которыми в настоящее время ведется работа в СССР, такими рубежами являются середина XIX в., конец XIX — начало XX и середина XX в.

Наиболее рационально принять за единицу картографирования «район» для современности, «уезд», «повет», «жупец» и т. п. для дореволюционного периода. Историко-этнографические атласы строятся на основании всего многообразия имеющихся источников, среди которых на первом плане стоят экспедиционные исследования.

В заключительном слове, дав общую высокую оценку результатам конференции, зам. директора Института этнографии, д-р ист. наук С. И. Брук подчеркнул, что картографирование — это не только наиболее наглядный метод выражения пространственно-дифференцируемых явлений. Для хронологических наук ареальный метод служит источником познания новых закономерностей. Сопоставление карт различных территорий и разных периодов позволяет выявить те факты и причинные связи, которые не поддаются выявлению другими методами. Методика ареальных исследований, разработанная более детально в лингвистике (проблема типологии ареалов, определение их возраста и генезиса, выявление динамики карты), может быть перенесена и на чтение и интерпретацию этнографических карт. Это, как было показано в докладе М. А. Бородиной на тему «Разноаспектность и основные понятия ареальных исследований», способствовало бы глубоким обобщениям. Возрастает также интерес к комплексным лингво-этнографическим исследованиям, более всего проявившийся в романской школе лингвистической географии.

В принятой резолюции указано на необходимость проводить подобные встречи систематически не реже, чем каждые пять лет с участием не только языковедов и этнографов, но и представителей других наук (фольклористики, антропологии, истории). Участники ленинградской конференции обратились с просьбой к Институту славяноведения и балканистики АН СССР провести следующую конференцию в Москве.

М. А. Бородина, И. А. Попов

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ БОЛГАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

10—12 ноября 1970 г. в Софии проходил Симпозиум по проблемам болгарского фольклора, организованный институтами Литературы, Этнографии и Музыки Болгарской академии наук. Помимо болгарских специалистов из столицы и провинции в нем приняли участие и несколько зарубежных ученых.

Симпозиум открыл заместитель Главного учебного секретаря БАН и директор Литературного института БАН проф. Стойко Божков. Он отметил научную актуальность проблем, возникающих в связи с исследованием фольклора как неотъемлемой части национальной культуры.

Работа проходила в трех пленарных и шести секционных заседаниях.

Академик Петр Динев обрисовал развитие болгарской фольклористики,

начиная от зарождения ее в 1-й половине XIX в. Историю этой науки в Болгарии можно разделить на три периода. Начальный этап — до освобождения от турецкого ига — характеризуется собирательской работой, а в идейном отношении фольклористика тесно связана с общественно-политическим течением Болгарского Возрождения.

В период от Освобождения до второй мировой войны фольклористика оформляется уже как истинная наука. Появляются серьезные теоретические труды, создается школа и научная традиция, начинается регулярное издание произведений народного творчества.

После установления в Болгарии народной власти (1944 г.) фольклористика вступает в новый этап своего развития. Огромное влияние на нее оказывают тру-

ды советских ученых, многие из которых впервые распространились в Болгарии. Воспринята марксистско-ленинская методология исследований. Создаются обобщающие труды, систематизирован огромный материал.

Лиляна Богданова (Этнографический институт) рассказала об итогах изучения юнацкого эпоса, отраженных в подготовленном к печати коллективном труде «Болгарский юнацкий эпос». Выступавшие в прениях по этому докладу акад. П. Динеков и Х. Вакарелски высоко оценили значение этого издания для славянской и балканской фольклористики.

Стефана Стойкова (Этнографический институт) посвятила свой доклад проблемам поэтики хайдукского эпоса, рассказав попутно о тех коллективных изысканиях по сбору материала и его научной обработке, которые начаты сотрудниками института в 1968 г. и будут завершены в скором времени.

Сотрудник музея в г. Пазарджике Александр Арнаудов сообщил об изучении хайдукских песен в округе, об интересных мотивах и вариантах, не записанных специалистами.

Родица Ангелова (Этнографический институт) в своем докладе, посвященном народной прозе, заострила внимание на вопросах ее классификации. В этой области разными учеными сделано немало, но еще предстоит собрание и издание полной антологии болгарской народной прозы, создание национального каталога, разработка точной терминологии и классификации, соотносимых с принятыми в международной фольклористике.

Из области обрядового фольклора (сравнительно малоизученного) был дан обзор исследований народной свадебной песни. Радост Иванова (Этнографический институт) отметила важность связи текста с действием и необходимость определения функции свадебной песни в обряде. Докладчица проанализировала соответствующую литературу. Она отметила особую ценность первых томов «Сборников за народни умотворения» и Сборников Васила Стоина, где текст сопровождается мелодией и определена функция песни и место ее исполнения.

Фольклорным исследованиям выдающегося болгарского ученого акад. Михаила Арнаудова был посвящен специальный доклад Крстю Генова (Литературный институт).

Состояние изученности песенного фольклора в Родопах — одной из своеобразных этнографических областей Болгарии — показали Анастас и Николай Примовские (Этнографический институт и редакция газеты «Родопски устрем» в г. Смоляне). В докладе дан обзор напечатанного и подготовленного к печати материала. В Родопах открыты все виды песенных жанров, имеющих в Болгарии, но преобладает лирический. Суще-

ственных различий в фольклоре болгар христиан и мусульман не наблюдается.

Дочо Леков (Литературный институт) рассказал о деятельности Болгарского литературного общества («Българско книжовно дружество»), основанного в 1869 г. Органом Общества был журнал «Периодическо списание», редакция которого, в частности, разработала систему фонетической записи фольклорных текстов.

О Ю. И. Венелине как одном из защителей сравнительных фольклорных исследований у южных славян говорил Илия Конев (Литературный институт). Он подчеркнул роль русского ученого в пробуждении интереса к болгарской культуре среди самих болгар в 1-й половине XIX в. О другом примере тесной связи болгарской и русской фольклористики сообщила в докладе «Любен Каравелов как фольклорист» Лиляна Минкова (Литературный институт). Речь шла о широком обмене фольклорными материалами и о научных контактах Любена Каравелова с А. Н. Афанасьевым и другими русскими учеными.

Серию докладов объединяло стремление раскрыть специфику фольклора в разных аспектах. В связи с этим ставились вопросы о методах его исследования.

В. М. Гацак (Москва) остановился на проблеме общего и частного в фольклоре, выступающих в форме интернационального и национального. Для выяснения национальной специфики большую важность приобретает изучение фольклора в историческом, социальном, бытовом и эстетическом контекстах.

Идея Ф. де Соссюра о *langue* и *parole* (язык и речь), которая легла в основу структурной теории современной лингвистики, оказалась плодотворной и для понимания некоторых особенностей фольклора. Последние яснее выявляются при сопоставлении законов существования языка и фольклора, с одной стороны, и фольклора и литературы — с другой. Эти проблемы были подняты в докладах Карела Горалека (Прага) и Бояна Ничева (Литературный институт). Оба они указали на большие заслуги П. Г. Богатирева и Р. Якобсона, которым принадлежат (еще в 1929—1931 гг.) первые исследования в этом плане. По мнению проф. К. Горалека фольклор, в отличие от литературы, более связан с *parole* чем с *langue*, но последний является необходимым предпосылкой для понимания природы устного народного творчества. Боян Ничев отметил, что несмотря на беспорочную пользу концепции о *langue* и *parole* при разграничении фольклора и литературы в синхронном плане, она оказывается недостаточной для исторических исследований. Оба докладчика уделили внимание проблеме отличия литературной приемственности от фольклорной.

Связь фольклора и этнографии наиболее ярко отразилась в докладах Стояна Ген-

чева и Татьяны Колевой (Этнографический институт). На материале погребальных причитаний Стоян Генчев поставил вопрос о соотношении обряда и песни в синхронном и диахронном плане, он выделил в причитаниях постоянно встречающиеся элементы, показал их этнографическую обусловленность. По мнению Татьяны Колевой, обычаи, изменяясь с течением времени, сохраняют в сравнительной целостности свою первоначальную структуру. Функция же их исторически переосмыслиется. Примером тому могут служить весенние девичьи обычаи Лазарование, Кумление и Буенец, имеющие характер любовной магии, но сохранившие в своей структуре архаический слой, который имеет смысл посвящения (инициации) девушки, достигшей половой зрелости и переходящей в другую социально-возрастную группу.

Интересную попытку охарактеризовать болгарские легенды о мифических существах через количественное соотношение в них образов, сюжетов и мотивов предпринял фольклорист Борис Горанов (Союз болгарских писателей). Объектом анализа являлась наиболее распространенная группа легенд об олицетворении природных стихий. Разделив их на две группы по принципу полного и неполного олицетворения (одухотворения), докладчик указал на большую древность второй.

Ряд докладов характеризует интерес к эволюции фольклора и его современному состоянию, при этом усовершенствуются традиционные методы исследования. Один из таких методов — повторная запись фольклорных произведений и выявление в них изменений по сравнению с первоначальными записями.

Георгий Данчев (Тырновский пединститут), обобщив материал повторных записей в районе г. Елены, где в 1912 г. проводил свои исследования М. Арнаудов, отметил тенденцию отделения фольклора от быта, в результате чего народная песня перестала быть явлением повседневности. Наиболее живучими оказались семейно-бытовые и любовные песни. Наблюдается эволюция в сторону реалистичности сюжетов.

Аналогичным опытом поделилась Вера Гашпарикова (Братислава), записавшая тексты по следам составителей «Антологии словацких народных сказок», собранных в период между 1928 и 1944 г. Оказалось, что хотя сказочная традиция в целом и угасает, процесс этот сложен и сопровождается изменением соотношения жанров (фантастические сказки вытесняются юмористическими, бытовыми рассказами и пр.), в них преобладают реалистические элементы, меняется композиция и образные средства — вплоть до отказа от принципов традиционной народной поэтики.

Димитр Осинин (Союз болгарских пи-

сателей) рассмотрел вопрос о вариантах фольклорных произведений и о творческом методе народных певцов. Докладчик остановился на трудностях определения хронологии вариантов и дал примеры анализа текстов.

Делчо Тодоров (Этнографический институт), отметил, что конкретные наблюдения над творчеством отдельных исполнителей существуют для выяснения проблемы индивидуального и коллективного в фольклоре. Однако, он полагает, что современные творцы и исполнители — продукт нового этапа развития болгарской культуры и потому, представляя специальный интерес, не могут быть в то же время типичным объектом для изучения отмирающей фольклорной традиции.

Та же мысль содержалась в докладе Тодора Джиджева (Институт музыки), говорившего об отграничении фольклора от видов художественной самодеятельности, входящих в иную сферу народной культуры.

Художественные особенности фольклора нашли отражение в докладах чл.-корр. БАН Любомира Андрейчина и А. Афанасьевой-Колевой. Л. Андрейчин (Институт болгарского языка) показал, что архаизмы, часто встречающиеся в народной песне, когда-то были нормой разговорного языка, а впоследствии превратились в чисто-художественные особенности ее поэтики. Грамматические формы, невозможные в прозаической речи, придают особую прелесть народной песне.

Антонина Афанасьева-Колева (Софийский университет) на материале южнославянского эпоса о Марке Кралевиче показала, как изучение системы изобразительных средств помогает раскрыть сложное взаимодействие импровизаторского и традиционного начал в творчестве отдельных народных певцов, а также дает возможность выяснить вопрос о наличии и характере некоторых форм народного эпического творчества, выявить тенденции перехода от одних к другим. Она пришла к выводу, что в песнях о Марке Кралевиче наблюдаются первые признаки перехода от эпической песни к эпосу.

Никола Николов (Литературный институт) охарактеризовал развитие баллады в XIX в., которое определялось двумя моментами: 1) влиянием европейской баллады и 2) влиянием народной баллады.

Стефана Таринска (Литературный институт) показала роль фольклора в преодолении средневековой письменной традиции и в обогащении художественных приемов ново-болгарской прозы. Взаимоотношение между устным народным творчеством и литературой она проанализировала на примере Автобиографии Софрония Врачанского (XVIII в.)

Цветана Унджиева (Литературный институт) проанализировала стихотворение

Х. Ботева «Моей матери» в плане его отношения к фольклорной традиции.

Ив. Койнаков (Пловдив) поделился наблюдениями над проникновением литературы в народное поэтическое творчество. Донка Петканова (Софийский университет) показала использование в староболгарской литературе пословиц. Соня Баева (Литературный институт) говорила о влиянии фольклора на переработку известных в мировой литературе басенных сюжетов в национальном духе. Надежда Драгова (Институт балканистики) указала на ряд средневековых исторических и литературных произведений, которые могут быть использованы в качестве источников и для фольклорных исследований.

На Симпозиуме был поставлен обзорный доклад Христо Вакарелского об изучении народного прикладного искусства. Ученый высказал мысль о плодотворности комплексного исследования всех видов народного творчества.

Музыкальная этнография была представлена прежде всего обзорным докладом Райны Кацаровой-Кукудовой и Николая Кауфмана (Институт музыки). Ее периодизация соответствует этапам развития болгарской фольклористики в целом. В докладе отмечено, что болгарским музыковедам принадлежит честь открытия специфики ритмико-метрического строения народной музыки болгар, характерное и для других балканских народов. Особенности ее тональной системы (квинтовая и натуральная) соответствуют строю народных инструментов. Наличие почти всех видов античной диатоники уводит истоки болгарской народной музыки в далекое прошлое Балканского полуострова.

Стоян Джуджев (Консерватория) выступил с докладом «Возникновение мелодии из музыки стиха», в котором на примере болгарских народных песен показал прямую зависимость мелодии от ритмики и музыкальности текста.

Светла Абрацева (Институт музыки) в докладе «Особенности формы народной песни как синкретического музыкально-поэтического комплекса» поставила вопрос о рассмотрении всей песни целиком (в отличие от традиционной манеры), показав преимущества этого метода для более тонкого и содержательного анализа.

Елена Стоин (Институт музыки), дала обстоятельный обзор и систематизацию видов эпических мелодий в Болгарии. Подробно она проанализировала структуру двух видов эпических речитативов

(«сечен» и «влачен»), характерных для свободной части Западной Болгарии.

Михаил Букурештчиев (Институт музыки) по-новому систематизировал болгарский детский фольклор на основе его функции. Он специально остановился на тех видах детских песен, которые представляют собой переходные между речью и песней формы. По его мнению это богатый материал для изучения процесса возникновения песни.

Анна Илиева (Институт музыки) сделала попытку классифицировать танцевальный фольклор, исходя из исторического развития его видов. Она утверждает, что элементарные формы — наиболее древние.

Тодор Тодоров (Институт музыки) прочитал доклад «Проблемы и перспективы фольклорных исследований». Целесообразны, полагает автор, комплексные исследования словесного и музыкального фольклора. Необходимо внедрение современных технических приемов обработки материала, усовершенствования методики работы.

Георгий Бояджиев (Софийское радио) рассказал о результатах социологических исследований, проведенных по поводу отношения современного слушателя к репертуару музыкальных радиопрограмм. Оказалось, что более всего в Болгарии слушают народную музыку и наибольшим успехом пользуются слегка обработанные фольклорные произведения.

На Симпозиуме было зачитано обращение к его участникам академика М. Арнаудова, не присутствовавшего на заседаниях. В нем сказано об особенностях развития болгарской фольклористики, о заслугах исследователей разных поколений.

Задачи болгарской фольклористики сформулировал в заключительном слове акад. П. Динев. Он говорил о необходимости продолжать конкретные исследования, разрешать важные теоретические вопросы, связанные со спецификой фольклора, его границами, эволюцией, совершенствовать методику исследовательской работы, продолжать собирательскую работу. Речь шла так же о необходимости создания научного журнала по вопросам фольклора и Общества, которое бы объединило всех болгарских фольклористов и любителей народного творчества. Было предложено проводить фольклорные симпозиумы через 2—3 года, стремясь ограничивать их определенной тематикой.

Л. В. Маркова

АКАДЕМИК ИВАН СНЕГАРОВ

В марте на 88 году жизни скончался один из виднейших болгарских ученых академик Иван Снегаров, с именем которого почти в течение полувека было непрерывно связано развитие славяноведения и византиноведения в Болгарии.

И. Снегаров родился 12 октября 1883 г. в Охриде в Македонии в семье бедного горожанина. Он рано столкнулся с социальной несправедливостью и прошел суровую школу жизни. Характерно, что именно церковь, научному исследованию истории которой И. Снегаров отдал большую часть своей жизни, явилась в лице духовных властей его родного города первым серьезным препятствием на пути юности к научному поприщу. Митрополит Охрида отказал юному И. Снегарову в поручительстве, необходимом для зачисления в Кишиневскую семинарию. В 1900 г. И. Снегарову удалось поступить в Константинопольскую духовную семинарию, которую он окончил в 1906 г. В 1908 г. он в Киевской академии, которую закончил в 1912 г., успешно защитив кандидатскую диссертацию по истории Охридской архиепископии. Чувство признательности к своим русским учителям и глубокого уважения к русской науке не покидало с тех пор И. Снегарова в течение всей его жизни.

По возвращении из России почти полтора десятилетия И. Снегаров работал учителем истории, литературы, русского и греческого языков в семинариях и гимназиях Стамбула, Солуни, Софии и Ямбола. Вскоре после выхода в свет первого крупного научного труда И. Снегарова («История Охридской архиепископии», т. 1) он был приглашен на кафедру церковной истории в Софийский университет. В 1929 г. И. Снегаров стал доцентом, а в 1932 г. — профессором университета. В 1943 г. по рекомендации акад. В. Златарского он был избран членом Болгарской академии наук.

Жизненный путь талантливого и трудолюбивого ученого был отмечен чрезвычайной научной плодотворностью. Перу И. Снегарова принадлежат более двадцати монографий и до сотни других науч-

ных трудов. Сосредоточив с самого начала своей научной карьеры главное внимание на истории болгарской (и вообще — православной) церкви и став в этой области одним из крупнейших мировых авторитетов, И. Снегаров разрабатывал, однако, церковную историю южных славян в тесной связи с проблемами истории их культуры и политических судеб.

Работы И. Снегарова отличаются доскональное знание источников, их мастерский анализ, научная добросовестность и высокое чувство гражданской ответственности за пропагандируемые им идеи. В отличие от некоторых своих коллег, И. Снегаров никогда не изменял своему долгу ученого и патриота, как бы ни сложна бывала обстановка, в которой ему приходилось вести свои исследования и учить студенческую молодежь. И. Снегаров находился в числе тех представителей старой исторической школы, которые после революционных преобразований, начатых 9 сентября 1944 г., без колебаний отдали свой труд народу.

Страстный пропагандист идеи этнического и культурного единства славян, И. Снегаров предстает в то же время в своих трудах как ученый-интернационалист, высоко ценивший вклад каждого народа в сокровищницу мировой цивилизации. Мысль об укреплении добрососедских отношений между государствами Балканского полуострова и об ответственности ученых за это лежит в основе его последних рецензий на работы зарубежных коллег. В этот период своей жизни, выступая все чаще не только как историк церкви, но и как исследователь гражданской истории своего народа и южнославянской культуры в ее тесных связях с русской культурой, И. Снегаров переходил на историко-материалистические позиции в понимании общепроцессуального процесса в эпоху средневековья.

Образ этого скромного ученого-труженика и обаятельного человека навсегда сохранится в памяти тех, кому посчастливилось знать его лично.

Г. Литаври

CONTENTS

<p><i>D. F. Markov.</i> The principal trends of the scientific activity of the Institute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences. <i>Wladyslaw Góra</i> (Poland). Internal and external conditions in the formation of the people's power in Poland. <i>Fanny Milkova</i> (Bulgaria). Extraordinary legislation in Bulgaria in 1924—1944. <i>M. Kopasheva.</i> Anti-militarist struggle of the Czechoslovak revolutionary youth in the early twenties. <i>I. I. Leshchilovskaya.</i> The social nature and periodisation of the Croatian national renaissance. <i>V. A. Dyakov.</i> The idea of international cooperation in the programmes of the Polish, Russian and Ukrainian revolutionaries in 1840-ies. <i>E. P. Naumov.</i> The history of the agrarian upheaval in Serbia in 1830-ies. <i>D. S. Prokofieva.</i> From the history of the literary life in Poland in the second half of the XIX-th century (the correspondence of the publishers Zawadzki). <i>A. S. Mylnikov.</i> Once more about the date of the origin of the Czech Scientific Society (CSN). <i>A. S. Lvov.</i> Constantine the Philosopher's stay in the the Polychronos monastery</p>	3
--	---

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>G. P. Pochepko.</i> The Great Polish (Poznan) insurrection of 1918—1919 in the Polish bibliography. <i>V. Konobeev.</i> S. I. Sidel'nikov. The Bulgarian revolutionary-central commity (1869—1872). <i>V. I. Freidzon.</i> V. Krestić. Hrvatsko-ugarska nagodba 1868 godine. <i>E. Pilishek.</i> «Rocznik Lubelski». <i>L. K.</i> A book on the Sorbian literature. <i>A. L.</i> Manuscript press in the XVIII-th century Poland. <i>F. Smirnov.</i> K. Haboštiaková. Bernolákovo jazykovedné dielo. <i>I. Mozhaeva.</i> E. Stankiewicz, D. S. Worth. A Selected Bibliography of Slavic Linguistics</p>	87
---	----

B i b l i o g r a p h y

<p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the Soviet periodicals in 1970—1971. The contents of foreign periodicals</p>	103
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>M. A. Borodina, I. A. Popov.</i> Areal studies in linguistics and ethnography. <i>L. V. Markova.</i> A symposium on Bulgarian folklore.</p>	120
<p><i>G. Litavrin.</i> The Academician Ivan Snegarov</p>	127

Технический редактор *T. A. Аверкиеса*

Сдано в набор 11/VI-1971 г. Т-13083 Подписано к печати 14/VIII-1971 г. Тираж 1150 экз.
 Зак. 2492 Формат бумаги 70×108/16 Усл. печ. л. 11,2 Бум. л. 4 Уч.-изд. л. 13,7

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В-17
БОЛЬШАЯ ОРДИНКА

34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891